

Фердинанд Петрович
Врангель

ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО СИБИРИ
И ЛЕДОВИТОМУ
МОРЮ

ВЕЛИКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ

Фердинанд Петрович Врангель

Путешествие по Сибири и Ледовитому морю

Серия «Великие путешествия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9364080
Путешествие по Сибири и Ледовитому морю: ЭКСМО; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-38802-8

Аннотация

Российский флот славен именами многих выдающихся путешественников и первооткрывателей. Витус Беринг, братья Лаптевы, Крузенштерн, Лисянский, Головнин, Беллинсгаузен, Лазарев, Коцебу, Литке, Невельской, Толль, Колчак, Седов и многие другие отважные офицеры и адмиралы внесли неоценимый вклад в развитие мировой географической науки.

Но и на этом звездном фоне не теряется имя *Фердинанда Петровича Врангеля* (1797—1870) – знаменитого русского мореплавателя и полярного исследователя, автора пользовавшегося европейской популярностью географического бестселлера «Путешествия по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю», а также интереснейших «Путевых записок» о его путешествии в Америку, «Дневника путешествия из Ситхи в Санкт-Петербург через Мексику» и других описаний своих многочисленных странствий.

Окончив в 1815 году Морской корпус, Врангель мичманом участвовал в кругосветном плавании В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка» (1817—1819). В 1820—1824 годах он возглавлял Колымский отряд экспедиции для поисков северных земель, в том числе – острова, названного впоследствии его именем. Окончательно доказал существование Северо-восточного морского прохода. В 1825—1827 годах возглавлял русскую кругосветную экспедицию на корабле «Кроткий». Был главным правителем русских поселений в Америке (1829—1835), директором Российско-американской компании (1840—1849), морским министром (1855—1857).

Адмирал, почетный член Петербургской Академии наук, один из учредителей Русского Императорского географического общества, Ф. П. Врангель прожил такую жизнь, что о ней можно (и нужно!) написать приключенческий роман.

В этом издании представлено «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю» – географический бестселлер середины XIX века: его европейские переводы появились раньше первого русского издания! Совершивший три кругосветных путешествия знаменитый русский мореплаватель и полярный исследователь написал книгу, полную прекрасных описаний природных богатств Сибири, быта и нравов населявших ее народов, пережитых в экспедициях опасностей и испытаний.

Электронная публикация включает все тексты бумажной книги Ф. П. Врангеля и базовый иллюстративный материал. Но для истинных ценителей эксклюзивных изданий мы предлагаем подарочную классическую книгу. Десятки цветных и более 200 черно-белых иллюстраций позволяют зримо представить все, о чем так захватывающе рассказывает автор. Это издание, как и все книги серии «Великие путешествия», напечатано на прекрасной офсетной бумаге и элегантно оформлено. Издания серии будут украшением любой, даже самой изысканной библиотеки, станут прекрасным подарком как юным читателям, так и взыскательным библиофилам.

Содержание

Б. Г. Островский. Ф. П. Врангель (1796–1870). Очерк жизни и деятельности	6
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЕВЕРНЫМ БЕРЕГАМ СИБИРИ И ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ	45
Часть первая	45
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Фердинанд Петрович Врангель
(1796—1870)

Ф. П. ВРАНГЕЛЬ

*Путешествие
по Сибири
и Ледовитому
морю*

Б. Г. Островский. Ф. П. Врангель (1796–1870). Очерк жизни и деятельности

Разносторонний ум, кипучая энергия, непреклонная воля отличали Ф. П. Врангеля с ранних лет. Ему по праву принадлежит почетное место среди выдающихся русских деятелей прошлого века. Адмирал, почетный член Академии Наук, член Государственного совета, Врангель был не только выдающимся ученым и моряком, совершившим два кругосветных плавания, но и крупным государственным деятелем России XIX века. Он состоял несколько лет правителем русских владений в Северной Америке и многое сделал, чтобы сохранить эти владения за Россией.

Врангель был одним из основателей Русского географического общества, отметившего недавно 160 юбилей своей плодотворной деятельности. В течение ряда лет Врангель был морским министром, директором департамента корабельных лесов, директором гидрографического департамента, членом комитета по защите берегов Балтийского моря. Он принимал самое ближайшее участие в реорганизации журнала «Морской Сборник», который приобрел значение передового общественного журнала своего времени.

Но, несомненно, жизненным подвигом Врангеля, снискавшим ему мировую известность, являлся его поход к северным берегам Восточной Сибири (1820–1824). Во время этого похода Врангель собрал богатые научные результаты. Вместе с Матюшкиным он наметил на карте к северу от мыса Якан существование тогда еще неизвестной земли. Спустя сорок с лишним лет, в 1867 году, командир китобойного судна Лонг в этом месте открыл землю, которая известна ныне под именем острова Врангеля.

I

Фердинанд Петрович Врангель родился в Пскове 29 декабря 1796 года. Шестилетним мальчиком он любил, несмотря ни на какую погоду, бродить в окрестностях города по лесам и лугам, кататься с товарищами на лодке, играть в индейцев. Его семья обладала весьма скудными средствами и принуждена была отдать детей на воспитание к более состоятельным родственникам. Когда он подрос, его отдали учиться в Морской корпус. Это событие произошло вскоре после смерти родителей Врангеля – в 1807 году¹. Мальчик писал своим сверстникам и знакомым: «карьера моя устроена – я отправляюсь в Морской корпус».

Будущего морского офицера глубоко интересовала география, море, дальние страны. Его мечты о больших морских походах подогревались разговорами с моряком, участником кругосветного плавания Крузенштерна. Увлекательные рассказы о дальних, полных приключений странствованиях оставили неизгладимый след в воображении впечатлительного мальчика. Уверенный, что рано или поздно он осуществит свое стремление, юный Врангель предусмотрительно стал готовиться к будущим плаваниям.

Он уже тогда ясно понимал, что крепкое здоровье и выносливость – верный залог успеха. И одиннадцатилетний мальчик, не щадя себя, принялся тренировать и закалять свой организм, еще слабый и хрупкий. В двадцатипятиградусный мороз он выбегал распаренным из бани и, сбросив простыню, катался голым по снегу. Он прогуливался босиком по льду, питался самой скудной и грубой пищей, постоянно занимался гимнастическими упражнениями.

¹ 1807 год указан в биографии Ф. П. Врангеля, написанной его сыном, Ф. Ф. Врангелем. В официальном «Общем морском списке» (том VI) значится, что Врангель поступил в Морской корпус кадетом 7 февраля 1810 года.

Впоследствии, во время своего путешествия в Арктику, в трудных, многодневных переходах он убедился, как много значит физическая закалка.

В науках Врангель обнаружил отменное прилежание и выдающиеся способности. Он все время был первым среди учеников и окончил корпус также первым. Насколько можно судить по сохранившимся документам, за годы учебы в корпусе Врангель не подвергался дисциплинарным взысканиям. Но царившая там система воспитания с применением порки за всякий пустяк его глубоко возмущала. Впоследствии на страницах «Морского Сборника» он открыто и смело критиковал палочную дисциплину, положенную в Морском корпусе в основу воспитания будущих офицерских кадров военного флота.

Над Россией в те годы собирались тучи грозной опасности. В 1812 году на русскую землю вторглись армии Наполеона, приведшего с собой «двунадесять языков». Разгорелась Отечественная война.

Бородино. Пожар Москвы. Отступление и разгром армий завоевателя. Поход русских войск за границу. Вступление их в Берлин и Париж. «100 дней», завершившие крушение наполеоновской империи. Ватерлоо. Отголоски этих великих событий проникали в стены Морского корпуса, но он жил своей, замкнутой жизнью, оберегая воспитанников от всего, что так или иначе увлекало их интересы за пределы морских наук.

Вот наконец наступил долгожданный, радостный день. Окончен Морской корпус. В июле 1815 года, на 19 году жизни, гардемарин Фердинанд Врангель был произведен в первый офицерский чин – мичмана и назначен младшим вахтенным офицером в 19 флотский экипаж, квартировавший тогда в Ревеле. Блестяще закончив курс обучения (первым из девяти), Врангель полагал, что на служебном поприще дело пойдет так же гладко, как и в корпусе. Но тут положение было совершенно иным. «Заря будущего мичмана Врангеля взошла не на светлом небосклоне», – писал один из его биографов. Чрезвычайно скудные средства моряка, жившего на одно лишь жалованье², не позволяли ему возвращаться в кругах блестящего и беспечного молодого морского офицерства того времени. К тому же оказалось, что у него для этого нет никаких способностей. По натуре совершенно не светский человек, он был неразговорчив, угрюм и конфузлив³. Не блистал он и внешними достоинствами, был некрасив и мал ростом.

² В то время жалование военных моряков, особенно обер-офицеров, было крайне ничтожно, но большинство из них были выходцами из дворянских, хорошо обеспеченных семей и жили за счет родных или доходов от собственных имений.

³ Врангель и впоследствии не отличался разговорчивостью, не обладал он также и ораторским талантом. Свои проекты и предложения он предпочитал излагать в письменной форме.

Морской кадетский корпус на старой открытке

Морской корпус — старейшее учебное заведение России, любимое детище Петра I, учрежденное для «математических и навигацких, то есть мореходных хитростно искусств учения». Школе повелено было состоять в ведении оружейной палаты, а в ученье набирать «добровольно хотящих, иных же паче и со принуждением».

В 1715 г. старшие классы Навигацкой школы были переведены в новую столицу России — Петербург, где на их базе создали Академию морской гвардии. В следующем году учредили воинское звание «гардемарин», которое стало переходным между учеником академии и мичманом. Позднее учебное заведение преобразовалось в Морской шляхетный кадетский корпус, еще несколько раз переименовывалось, а с января 2001 г. стало называться Морским корпусом имени Петра Великого.

Девизом его жизни отныне становятся море и наука. Карьера строевого флотского офицера его явно не увлекала. Но чтобы стать ученым мореходом, нужно было многое изучить, в совершенстве овладеть математикой, астрономией, черчением и языками; то, что было приобретено в корпусе, оказалось явно недостаточным. С Врангелем жил на одной квартире товарищ по корпусу и его друг мичман Анжу, впоследствии его сотоварищ в путешествии

к берегам Ледовитого океана. Врангель заразил Анжу своими настроениями и интересами. Оба, как бы предчувствуя будущую совместную работу на дальнем севере, готовили себя к ней и теоретически, и практически.

В 1816 году обоих друзей назначили на фрегат «Автроил», плававший по Финскому заливу. Плавание в небольшом, мало интересном заливе, где никакие опасности не стерегут мореплавателей, вскоре сильно надоело обоим.

Во время очередной стоянки на ревельском рейде Врангель неожиданно узнал, что из Кронштадта в скором времени отправляется в кругосветное плавание русский военный шлюп «Камчатка», под командой В. М. Головнина. Весть эта подействовала на Врангеля ошеломляюще. А что если его мечтам предстоит осуществиться? Но что предпринять для этого? Будучи строевым офицером, он никак не мог покинуть корабль хотя бы для того, чтобы отправиться в Кронштадт и хлопотать там о переводе на «Камчатку».хлопоты главного командира ревельского порта, который знал мичмана Врангеля и ему покровительствовал, оказались неудачными. Капитан Головнин ответил, что в продолжительное и ответственное плавание он берет только офицеров, лично ему известных. Тем временем на «Автроиле» был получен приказ идти в Свеаборг, чтоб стать там на зимовку.

*Л. Д. Блинов. Портрет
вице-адмирала В. М. Головнина.
1885 г.*

Василий Михайлович Головнин был выпускником того знаменитого Морского кадетского корпуса, который дал нашей родине множество прославленных мореплавателей, военных моряков и исследователей. Военную карьеру он начал еще гардемарином: за участие в сражении против шведов в 1790 г. был награжден медалью. После окончания учебы был направлен в Англию, как и несколькими годами ранее И. Ф. Крузенштерн. Служба и учеба за границей принесли не только опыт и знания, но и литературные плоды: по возвращении Василий Михайлович составил книгу «Военные морские сигналы для дневного и ночного времени», на четверть столетия ставшую руководством для русского флота.

Кругосветная экспедиция 1817—1819 гг. на военном шлюпе «Камчатка» для В. М. Головнина была уже не первой. Еще в 1806 г. он был назначен командиром шлюпа «Диана», совершившего полное приключений плавание к Камчатке, о котором Василий Михайлович написал книгу. Позднее Головнин 2 года провел в плену у японцев и это свое приключение тоже описал в книге, пользовавшейся огромной популярностью в Европе.

Плавание 1817—1818 гг. не было особенно выдающимся, если не считать, что в нем получили первую серьезную практику замечательные русские мореплаватели Фердинанд Врангель и Федор Литке.

В. М. Головнин дослужился до вице-адмирала, с 1821 года находился на государственной службе.

Что же делать? Положение становилось критическим. Врангель отчаивался, не зная, что предпринять. Тогда он и совершил проступок, который впоследствии иногда ставился ему в укор: за час до отплытия «Автроила» мичман подал рапорт о болезни и... бесследно исчез. Разгневанный адмирал приказал во что бы то ни стало разыскать Врангеля и доставить его на корабль. Но беглец не находился. Он плыл в это время на небольшом финском каботажном судне, с 15 рублями в кармане, в Петербург. Попав в шторм, утлое суденышко десять дней добиралось до столицы. Вот Петербург. Врангель тотчас же отправился на квартиру к Головнину. Он умолял взять его в плавание простым матросом. По-видимому, Врангель произвел на опытного моряка хорошее впечатление. После некоторого колебания Головнин дал ему согласие зачислить в экипаж «Камчатки» младшим вахтенным офицером.

Каким образом удалось уладить неприятное дело с самовольной отлучкой офицера с военного корабля, остается невыясненным.

II

В августе 1817 года шлюп «Камчатка», приветствуемый пушечным салютом с фортов Кронштадта, отправился в кругосветное плавание. На борту шлюпа были лейтенанты Муравьев, Филатов и Кутыгин, мичманы Литке и Врангель, волонтер (исправляющий должности сначала гардемарина, а потом мичмана) Матюшкин – товарищ А. С. Пушкина по лицу, художник Тихонов.

Шлюп «Камчатка», построенный в Петербурге специально для этого плавания, имел грузоподъемность в 900 тонн при длине 39,6 метра и ширине – 10 метров. Вооружение его состояло из 28 орудий. Экипаж насчитывал 130 человек.

Предстоящему плаванию «Камчатки» придавалось немалое значение.

Экспедиции В. М. Головнина было поручено доставить на Камчатку разное морское и военное снаряжение и прочие необходимые для области и Охотского моря предметы и припасы, которые трудно было из-за дальности расстояния перевезти туда сухим путем; кроме того, самому Головнину предписывалось обследовать на северо-западном американском берегу владения Российско-Американской компании, произвести расследование незаконных действий администрации в отношении местных жителей, а также определить географическое положение ряда островов и селений русских владений в Америке.

Итак, шлюп «Камчатка» в море. Торопясь скорее выйти в Атлантический океан, капитан Головнин миновал многие иностранные порты. Он не зашел даже в Копенгаген, хотя обычно этот порт посещали все корабли, идущие из Балтики, как военные, так и торговые. Только в английском порту Портсмут экспедиция задержалась на 11 дней, чтобы сделать последние закупки и окончательно подготовить шлюп к продолжительному переходу через океан в столицу Бразилии – город Рио-де-Жанейро.

*Петропавловский порт. Иллюстрация к атласу
«Путешествие по Восточной Сибири»
И. Бульчева. 1856 г.*

Переход «Камчатки» через Атлантику занял 71 день. 5 ноября корабль вошел в живописнейшую бухту Рио-де-Жанейро.

Вместе с офицерами корабля Врангель осмотрел достопримечательности города, совершил несколько экскурсий по его окрестностям, побывал на кофейных плантациях. Его несказанно поразила пышная экзотическая природа Бразилии. Все ему казалось в диковинку в этом новом мире, о котором до этого юноша знал только по рассказам и по книгам.

23 ноября «Камчатка» покинула Рио-де-Жанейро. Путь шлюпа лежал мимо мыса Горн – к берегам Перу. Противные ветры в течение почти полного месяца мешали продвижению. Только 20 декабря корабль подошел к скалистой оконечности южноамериканского континента. Здесь в районе мыса Горн совершилось морское крещение мичмана Врангеля. «Камчатка» попала в полосу свирепых штормов. «Но как судно наше было новое, – писал впоследствии Головнин, – очень крепко построенное и снабженное самыми лучшими снарядами, то бури при всех своих жестокостях не могли причинить нам важного повреждения, ниже подвергнуть опасности». Почти две недели шторм трепал «Камчатку», причем волны подчас достигали высоты, пугавшей даже выдавший виды экипаж корабля. Новый, 1818 год моряки приветствовали под завывание неутихавшей бури.

Показались перуанские берега. По пути «Камчатке» повстречались два небольших пиратских судна. Но корсары не посмели подойти к русскому кораблю; видимо, встреча эта их не устраивала.

Десять дней, с 7 по 17 февраля, «Камчатка» простояла в перуанском порту Каллао. Гости из далекой северной империи пользовались общим вниманием. Их навещала местная знать, кабальеро с гитарами, дамы, разодетые в яркие платья неопишуемых фасонов. Офице-

ров «Камчатки» наперебой приглашали на вечеринки и танцы, но Головнин спешил к цели. И вот, отсалютовав испанской крепости, «Камчатка» снова вышла в море. Кораблю предстояло теперь пересечь Тихий океан в северо-западном направлении.

Два с половиной месяца, не видя земли, открытым океаном плыли моряки к берегам далекой русской окраины. Не трудно представить общую радость, когда 29 апреля 1819 года, вскоре после полудня, с мостика увидели камчатский берег. 3 мая «Камчатка» стала на якорь в Петропавловской гавани. Более 8 месяцев провели моряки в походе, и только 34 дня ушло на стоянки в портах.

Прибытие судна в такое раннее время изумило жителей Петропавловска. «Камчатка» стояла на рейде, а на нее несло льдины; вахтенные то и дело отталкивали их шестами. Хуже всего было то, что под берегом держался еще совсем невзломанный лед. Чтобы подойти к берегу и поскорее приступить к выгрузке, начальник области капитан 1-го ранга Рикорд и В. М. Головнин решили рубить во льду канал. С большим трудом к 12 мая моряки одолели примерно половину ледового пути. Дальше дело пошло хуже: шлюп сел на мель, и работа замедлилась. А «Камчатку» необходимо было не только разгрузить, но еще и наполнить балластом, снабдить дровами. Балласта под рукой не было; дров также, они лежали не ближе как за 7 верст.

Головнин поручил мичману Врангелю как наиболее энергичному из шедших офицеров спешно организовать доставку балласта и дров на охотском транспорте. В три приема транспорт привез все нужное шлюпу количество балласта и дров. «За эту поспешность, – писал по этому поводу Головнин, – обязан я деятельности и усердию мичмана барона Врангеля».

Закончив грузовые операции на Камчатке, моряки двинулись дальше. Несколько дней ушло на описные работы у Командорских островов, острова Беринга, острова Медный. Нанеся их на карту, шлюп пошел дальше к востоку – вдоль Алеутской цепи к берегам Русской Америки. У острова Кадык⁴ встретилось множество китов, которые и ночью не оставляли корабль, «бросая воду столбами и испуская при этом какой-то странный, громкий шум, подобный вздохам». Это было первое знакомство с богатствами Русской Америки. Воды здесь кишели китами, сивучами, тюленями, касатками, разными рыбами. В лесах Кадыка в изобилии водились медведи, лисицы, горностаи. Прогуливаясь по острову, наблюдая природу и знакомясь с бытом местного населения, юный мичман Врангель не подозревал того, что через несколько лет он вернется сюда правителем всех русских владений в Америке и сыграет в истории Российско-Американской компании выдающуюся роль.

19 июня «Камчатка» покинула Кадык. Ее путь лежал вдоль американских берегов на юго-восток, где повсюду до самой Калифорнии были русские владения. Посетив колонию Росс, основанную русскими еще в 1812 году в Северной Калифорнии, на земле свободных индейцев, шлюп после короткой остановки пошел дальше вдоль берегов Калифорнии, одной из тех, по замечанию Врангеля, «благоденственных стран земного шара, на которые природа излила все дары свои». Сделав по пути две остановки, в Монтерее и порту Румянцева⁵, «Камчатка» взяла затем курс на Сандвичевы (Гавайские) острова. Со времени Джемса Кука, первого исследователя Сандвичевых островов, на этих островах побывало немало европейцев. Гавайцы усвоили многие европейские обычаи.

Русским морякам удалось отыскать нескольких оставшихся в живых местных жителей, бывших очевидцами умерщвления Джемса Кука. Врангель и группа моряков побывали на месте, где Кук был убит ударом в спину каменного кинжала. Моряки подняли с земли по камешку в память посещения достопримечательного места. При этом сопровождавший

⁴ Остров Кадык был самым крупным из русских островов у берегов Аляски. Его высокие горы с вечным снегом на вершинах являлись приметным ориентиром при плаваниях.

⁵ Современное название – залив Бодега (38°18' с. ш., 122°35' з. д.).

моряков англичанин рассказал, как в свое время теперешний правитель Сандвичевых островов Тамеамеа запретил английским офицерам делать это, заявив, что несчастное происшествие это давно следует забыть и что добрые люди после примирения старых ссор не должны вспоминать.

Посетив далее остров Гуан (Марианские острова) и Манилу (Филиппинские острова), шлюп «Камчатка» совершил чрезвычайно длительный и тяжелый переход вокруг мыса Доброй Надежды без захода в Контоун. Шлюп спешил к острову Святой Елены.

Мало кому известный дотоле островок, затерянный в водных просторах Атлантического океана, привлекал в ту пору внимание всего мира. Здесь томился в заточении знаменитый полководец, недавняя гроза и «страшное чудовище» Европы – Наполеон.

Капитану Головнину очень хотелось увидеть Наполеона. Однако англичане, с исключительным рвением охранявшие бывшего императора, категорически воспротивились не только встрече, но даже посещению долины Лонгвуд, где находилась резиденция Наполеона. Желание Врангеля посмотреть хотя бы «одним глазом» на Наполеона было так велико, что он с товарищами несколько часов рассматривал в зрительную трубу «столь примечательное место». Но Наполеон не показывался. До офицеров дошли слухи, что он в эти дни болел.

Теперь «Камчатка» приближалась к берегам родины. В конце июня 1819 года, простояв несколько дней у Азорских островов, шлюп, в последний раз перед европейскими портами, пополнил свои запасы. Потом посетили Портсмут и Копенгаген. И вот уже снова Балтика.

5 сентября 1819 года «Камчатка» бросила якорь на Кронштадтском рейде. Плавание, продолжавшееся 2 года и 10 дней, благополучно закончилось.

Служба на «Камчатке» была серьезной школой для мичмана Врангеля. Она дала ему отличный морской опыт. Овеянное поэзией морской стихии, полное ярких, захватывающих впечатлений, это первое его плавание окончательно сформировало духовный облик моряка-географа. То, что Врангель во время плавания зарекомендовал себя с наилучшей стороны, имело огромное значение для всей его последующей судьбы. В подлинном смысле «добрым гением» для Врангеля оказался капитан Головнин. Впоследствии он смело рекомендовал его начальником экспедиции, отправляемой правительством для обследования берегов Северо-Восточной Сибири.

Во время двухлетнего плавания Врангель ежедневно вел дневник, куда с педантической аккуратностью записывал все, что видел, слышал и думал. К великому сожалению, этот дневник погиб во время пожара. Восстановить его автору не удалось. Уже в старости Врангель не раз в кругу друзей с воодушевлением вспоминал многое из виденного и сожалел о том, что ему не удалось сохранить дневник и сделать его общим достоянием.

III

К исходу первой четверти XIX века наиболее слабо изученными на территории России оставались ее приполярные области, в частности северо-восточные районы Сибири. Правда, в свое время места эти посещались казаками и местными промышленниками. От давних казачьих походов остались карты и описания. Потом, уже в XVIII веке, здесь работали отряды Великой Северной экспедиции. Однако вследствие крайнего несовершенства инструментов и примитивных приемов исследования существующие карты были весьма далеки от достоверности.

И. Ю. Пестряков. Якутск в начале XX в.

Те, кто видел европейские карты XVII века, знают, что географы того времени рисовали у Шелагского мыса перешеек, соединяющий Евразийский и Американский материки. После работ Великой Северной экспедиции мысль о перешейке могла быть бесспорно отброшена. Но все же впереди в море, в туманной дали ледяных просторов находилось «что-то» помимо льдов. Это «что-то» было неведомой, гористой землей, якобы затерявшейся в восточной части Ледовитого океана. Уже давно о ней ходили смутные слухи, передаваемые со слов коренных поселенцев этих мест.

Редко когда попыткам достичь гипотетической земли предшествовало столько вымыслов, легенд и всякого рода преувеличений. Эта таинственная земля давно привлекала исследователей, но непреодолимые ледовые преграды всякий раз препятствовали смельчакам. Пройти сколько-нибудь значительное расстояние в глубь льдов им не удавалось. А тут еще из поколения в поколение передавались рассказы местных жителей – чукчей – об островах, которые якобы виделись впереди в ясную погоду, о птицах, летящих с севера и на север. Воображение рисовало вдали уже не острова, а целые земли, быть может, населенные людьми и обильные промысловым зверем. Из года в год размеры этих земель росли, молва истолковывала скудные данные на все лады.

Неудивительно, что в XVIII веке некоторые сибирские географы, а вслед за ними и европейские ученые, стали утверждать, что впереди сибирского берега простирается огромных размеров земля, которая тянется не более не менее как до берегов Северной Америки. Между прочим, в существование этой колоссальной арктической территории еще в середине XIX века верил такой крупный ученый, как Петерман (1822–1878).

Снова выплыл на свет вопрос о том, соединяется или нет Азия с Америкой, вопрос, казалось бы полностью разрешенный Великой Северной экспедицией. Как это ни странно, но спустя 77 лет после Великой Северной экспедиции Врангелю, отправляющемуся для

описи прибрежий Северо-Восточной Сибири, адмиралтейство официально поручило: «разрешить гипотезу о соединении Азии с Америкой».

Экспедиция в далекий, неизведанный уголок страны организовывалась со всей тщательностью и учетом неизбежных трудностей. Было решено поручить начальство над нею опытному и образованному моряку.

Когда возник вопрос о лице, достойном быть руководителем экспедиции, В. М. Головнин, пользовавшийся большим авторитетом в морских кругах, назвал Врангеля. За годы плавания на «Камчатке» Василий Михайлович, сам превосходный моряк и человек больших научных познаний, хорошо узнал и оценил Врангеля. Бывалого моряка особенно привлекало то, что юный мичман в свободные от служебных обязанностей часы непрерывно занимался; с особым рвением осваивал практическую навигацию, мореходную астрономию, общее земледование. На второй год плавания Врангель пристрастился к чтению полярных путешествий. Эта новая его страсть не оставила Врангеля и по окончании путешествия на «Камчатке».

Теперь он мог по достоинству оценить те препятствия и затруднения, которые ставила исследователю арктическая природа. Чтобы победить эти препятствия, нужно многое, очень многое знать. Эта простая истина была бесспорна. И Врангель неутомимо учился. Его можно было видеть то в мастерской физических инструментов, то на университетских лекциях по астрономии, физике, минералогии...

Несмотря на свой сравнительно юный возраст – ему было только 24 года – Врангель был признан наиболее подходящим лицом для дальнего и ответственного похода. Адмиралтейство приняло его кандидатуру в начальники экспедиции, не встретив нигде возражений.

Знаменитое путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю было выполнено Врангелем в период с 1820 по 1824 год. Преследовало оно двоякую цель. Прежде всего необходимо было разыскать ту землю (на север от Чукотского полуострова), существование которой удостоверялось многими слухами; во-вторых, Врангелю предписывалось произвести точнейшее описание берегов Сибири между Яной и Колымой и далее за Шелагский мыс.

Одновременно формировались два отряда: один, под начальством лейтенанта Анжу, отправлялся на реку Яну, другой, которому предписывалось начать изыскания от реки Колымы, был поручен Врангелю.

Второй отряд был невелик. Помощниками Врангеля, делившими с ним все горести и радости похода, были: мичман Матюшкин, товарищ Врангеля по путешествию на «Камчатке», штурман Козьмин, доктор медицины Кибер, «сведущий по части естествознания», слесарь Иванников и матрос Нехорошков, прекрасно знакомый с плотничным ремеслом.

Разлив реки Колымы

IV

Организацию экспедиции и все свое замечательное путешествие Врангель подробно описал в книге «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому океану». Отсылая читателей в отношении подробностей к этому труду, остановимся здесь лишь на главнейших итогах экспедиции.

Американский китобой Лонг, открывший в 1867 году землю в точно указанном Врангелем месте, писал: «Я назвал эту землю именем Врангеля потому, что желал принести должную дань уважения человеку, который еще 45 лет тому назад доказал, что полярное море открыто». Эту важнейшую научную заслугу Врангеля подчеркивал позднее и шведский полярный путешественник Адольф Эрик Норденшельд (1832–1901). «Врангель и Анжу, – писал он, – оказали важную услугу исследованию полярных стран, доказав, что море, даже вблизи полюса холода, не покрыто сплошным и крепким ледяным покровом даже и во время сильнейших морозов».

На основании своих наблюдений Ф. П. Врангель пришел к твердому убеждению, что полярный бассейн, этот расположенный в непосредственной близости к берегам Сибири ледниковый погреб огромной мощности, оказывает решающее влияние на климат и на многие стороны естественной жизни России. В ту пору этот ледник оставался почти не исследованным. Вот почему Ф. П. Врангель в путешествиях уделил столь большое внимание климатологическим наблюдениям.

Ничто достойное внимания и изучения не было им упущено. Работы по астрономии, геодезии, навигации, гидрографии, метеорологии и по изучению земного магнетизма – все эти обширные главы естествознания вошли в программу выполненных им исследований.

К своему труду «Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю» он издал приложение. Вот перечень содержания приложения, приведенный на титульном листе: «замечания о Ледовитом море, полярных льдах, северных сияниях, езде на собаках, языках туземцев, метеорологические, климатологические наблюдения и таблицы географического положения мест».

Насколько тщательно Врангель относился к возложенным на него обязанностям, явствует из следующего.

По возвращении экспедиции в Петербург Государственный Адмиралтейский департамент поручил академику Ф. И. Шуберту дать отзыв об астрономических и геодезических работах Врангеля. Почтенный астроном, ознакомившись с тетрадами Врангеля «с тем вниманием, какого они заслуживают во многих отношениях», был изумлен точностью вычисленных координат. В статье, посвященной разбору этих работ, он писал: «Я думаю, что нельзя довольно приписать похвал и удивляться ревности, деятельности, старанию, искусству и познанию этих офицеров⁶».

И чем охотнее отдадут им эту справедливость, что путешествие их, в особенности Врангеля, есть самое трудное, с которым относительно трудов и опасностей никакое другое путешествие сравниться не может... Сравнение промежутков времени с разностью высот или лунных расстояний показало мне, что наблюдения этих двух путешественников столь верны, насколько можно их сделать с помощью подобных инструментов. Чтобы учинить наблюдения сколь возможно точными, они не упускали ни одной предосторожности, ни одной поправки, например, поправки рефракций термометром или барометром, что необходимо под этими большими широтами. Я делал строгие вычисления многих наблюдений и не открыл нигде никакой важной погрешности, почти всегда находя секунду в секунду широту и долготу».

Что касается других научных работ Врангеля, то Шуберт наиболее ценными считает его наблюдения «отклонения и наклона магнитной стрелки в этих высоких местах». Метеорологических же наблюдений Фердинанда Петровича хватило бы, по мнению ученого, для составления особой любопытной статьи.

⁶ Шуберт имеет в виду также и лейтенанта Анжу, начальника экспедиции по исследованию северо-восточного побережья Сибири между Яной и Оленьком с Новосибирскими островами. Врангель определил широту и долготу 115 пунктов. Анжу – 65. В вычислениях Анжу Шуберт нашел несколько погрешностей. Статья Шуберта опубликована в «Записках Государственного Адмиралтейского департамента», ч. VII, 1824.

Федор Федорович Матюшкин
(1799—1872)

Ф. Ф. Матюшкин сделал себе имя на военной службе: принимал участие в морских сражениях Турецкой и Крымской войн, сражался на Кавказе, командовал несколькими кораблями, флотской частью крепости Свеаборг на Балтийском флоте. За военные заслуги награжден орденами, среди которых Св. Станислава 1-й степени (1853), Св. Анны 1-й степени (1861) и Св. Владимира 2-й степени с мечами (1864). Дослужился до адмирала (1867). В 1858 г. стал председателем Морского ученого комитета, а в 1861 г. — сенатором.

Но как-то так получилось, что этот человек известен скорее как лицейский товарищ А. Пушкина, чем как государственный муж, выдающийся флотоводец или, тем более, как полярный исследователь.

А ведь Матюшкин принял самое деятельное участие в экспедиции Ф. П. Врангеля (1820—1824 гг.). Значителен его вклад в описание и нанесение на карту острова Четырехстолбового. Врангель дал его имя мысу в Чаунской губе Восточно-Сибирского моря, описанному самим Матюшкиными, и горé на острове Врангеля в Чукотском море. Два его отчета вошли в качестве глав в книгу Врангеля об этом путешествии.

Кстати заметим, что звездные наблюдения Врангелю, так же как и Анжу, нередко приходилось делать при морозе в 30° по Реомюру и ниже, т. е. когда ртуть замерзала. Ртуть разогревали в специально устроенной для этой цели кожаной походной палатке и, налив ее в искусственный горизонт, спешили поскорей, пока ртуть не потускнела от холода, «взять высоту» звезды. При работе с секстантами кожа пальцев примерзала к инструментам, на пораженных местах образовывались раны. Приходилось прибегать к особым предосторожностям: обертывать инструменты войлоком, при наблюдениях задерживать дыхание, «иначе стекла и зеркала мгновенно покрывались тонким слоем льда или инеем, что происходило даже от одной испарины нашего тела».

«Несмотря на то, — замечает Врангель, — мало-помалу достигли мы такой ловкости, что производили наши наблюдения при 30° мороза и ночью, при тусклом свете маленького ручного фонаря, с достаточной точностью сосчитывали на дуге секстанта градусы, минуты и секунды...»

Врангель и Матюшкин положили на карту значительную часть северо-восточного сибирского берега, с запада на восток от реки Индигирки до Колочинской губы, то есть на протяжении 35 градусов по долготе.

Во введении к своему труду, в историческом обозрении путешествий по Ледовитому океану, Врангель приводит несколько примеров неудовлетворительной описи берега, сделанной его предшественниками. Так, по определению Геденштрома широта Св. Носа «разн-

ствуется около $1^{\circ}5'$ недостаточно против вернейшей обсервации лейтенанта Анжу». В других местах берег был более чем на полградуса положен южнее истинного своего положения. От западного мыса острова Котельного (группа Новосибирских островов) до восточного острова Новой Сибири по данным Геденштрома значилось 285 миль, а по исследованиям Анжу оказалось всего 25 итальянских миль, и т. д. «Подобные неверности, — замечал Врангель, — делают опись Геденштрома ненадежною». Еще более ненадежными, а порою и вовсе неопределенными, были известия о положении береговой черты к востоку от Колымы, что дало повод создать фантастическую гипотезу о соединении Американского материка с Азиатским материком перешейком близ Шелагского мыса. Эта гипотеза была окончательно опровергнута путешествием Врангеля.

Вот при каком уровне тогдашней картографии пришлось работать Врангелю и Анжу! По прибытии моряков в Петербург на основе произведенной ими описи были составлены подробные карты, впоследствии подвергшиеся весьма незначительным изменениям.

Помимо описи и картографирования сибирского побережья от Индигирки до Колычины, Врангель совершил несколько продолжительных поездок по льду, удаляясь от берегов на 250 километров с лишком. Поездки эти предпринимались для отыскания неизвестной земли. «Препятствия, поставленные природою, не позволили Врангелю, — по выражению современника Врангеля, впоследствии декабриста, А. Корниловича⁷, — убедиться собственными глазами в существовании земли, которая, по словам чукчей, лежит на севере от мыса Якан, но он приготовил преемнику своему в этом деле все способы к ее открытию. Он указал место, откуда должно искать ее, и способы, как удобнее до нее достигнуть».

Большой заслугой Врангеля является организация первой метеорологической станции в Северной Якутии, где расположен «мировой полюс холода». Под руководством Врангеля с декабря 1820 по март 1824 года, с перерывами лишь на время экспедиционных отлучек, в Нижне-Колымске велись ежедневные метеорологические наблюдения четыре раза в сутки. Просматривая эти записи, мы между прочим узнаем, что средняя температура в январе в Нижне-Колымске была $-31^{\circ}55'$ по Реомюру. Метеорологические наблюдения Врангеля были впоследствии использованы в труде К. Веселовского «О климате России» и в книге Вильда «О температуре воздуха в России».

В приложениях к своему труду «Прибавления к Путешествию» Врангель дал краткую сводку научных работ, проведенных им во время путешествия. Из нее мы видим, что ни одна область естествознания, полезная для изучения Арктики, не выпала из поля его зрения.

Большой заслугой Врангеля и его спутников является обилие собранных ими замечательных по интересу и полноте сведений о народах, обитавших в неизученных еще обширных районах северо-востока России.

Особый интерес представляет краткий словарь местных наречий, составленный спутником Врангеля мичманом Матюшкиным.

⁷ Александр Осипович Корнилович был штабс-капитаном и членом Южного тайного общества. За участие в декабристском восстании он был осужден на каторжные работы и сослан в Сибирь, откуда в 1823 году был доставлен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. В 1832 году Корнилович был освобожден из крепости и отправлен нижним чином в один из кавказских полков, где и скончался в 1834 году. Корниловича высоко оценил А. С. Пушкин, использовавший его исторические статьи для своих произведений («Полтава», «Капитанская дочка», «Арап Петра Великого», и проч.) Перу Корниловича принадлежат также интересные статьи по вопросам географии. Его статья о Врангеле «Известия об экспедициях в Сев. — Вост. Сибирь лейтенантов Врангеля и Анжу в 1821, 1822 и 1823 гг.» помещена в «Северном Архиве» (1825, ч. 13, № 4).

Чукчи

Суровая и продолжительная зима заставила северных жителей придумать такую одежду и обувь, которая позволила бы жить и трудиться при сильных морозах и ветрах, ходить по льду и глубокому снегу, а летом не мучиться от жары.

Незаменимыми помощниками Врангеля во время его походов, как прибрежных описных, так и ледовых, были его верные друзья – штурман Козьмин и в особенности мичман Матюшкин. Товарищ Врангеля по кругосветному плаванью на «Камчатке», Федор Федорович Матюшкин по заданию Врангеля совершил самостоятельные поездки к берегам рек Большой и Малый Анюй и по тундре к востоку от Колымы. Одна из этих поездок была организована с целью разузнать, что за народ чукчи, и, если возможно, наладить с ними связь. Расположив к себе чукчей, войдя к ним в доверие, Матюшкин обстоятельно ознакомился с бытом и нравами этого народа, о котором раньше путешественники ничего, кроме плохого, не слышали. В представленных Матюшкиным подробных отчетах, вошедших в труд Врангеля, прекрасно изображены многие бытовые картины чукотской жизни: ярмарка в Островном, сцена крещения чукчи, посещение ими палатки.

Один из описанных Матюшкиным мысов Врангель назвал его именем.

Немалых успехов добилась работавшая одновременно с Врангелем на сибирском берегу между реками Оленек и Индигирка экспедиция лейтенанта Петра Федоровича Анжу (1797–1869). Работая в соседних районах, обе эти экспедиции составляли как бы единое

целое, хотя каждый из отрядов был вполне самостоятелен и им не удавалось даже поддерживать связь друг с другом. Энергичными помощниками Анжу были штурманы Бережных и Ильин (начальник отдельного отряда) и доктор Фигурин. Экспедиция Анжу составила точную карту обширной территории северного побережья Сибири, от Оленека до Индигирки, дала первую, основывающуюся на 7 астрономических пунктах, достоверную карту Новосибирских островов и выяснила, что на север от этих островов земли не существует; во многих пунктах были определены элементы магнитного отклонения и наклона. Многократные поездки Анжу по морскому льду дали ценный материал для выяснения границ распространения неподвижного берегового припая⁸.

Полное и картинное представление об экспедиции Врангеля во всех существенных ее подробностях русское общество получило из статьи А. О. Корниловича, помещенной в 1825 году в распространенном тогда журнале «Северный Архив».

Во вступлении к статье Корнилович писал: «Мы можем похвалиться подвигами наших мореходов. Васильев, плавая у северных берегов Америки, а Беллинсгаузен, находясь в южном Ледовитом море, проникли далее Кука и совершили свое путешествие вокруг света быстрее, нежели английский мореплаватель. Наконец, Врангель и Анжу во время исследования северного берега Сибири, исполнив это поручение с успехом, испытали в этой экспедиции трудности, с которыми едва ли могут сравниться столь много прославленные подвиги капитанов Парри и Франклина»⁹.

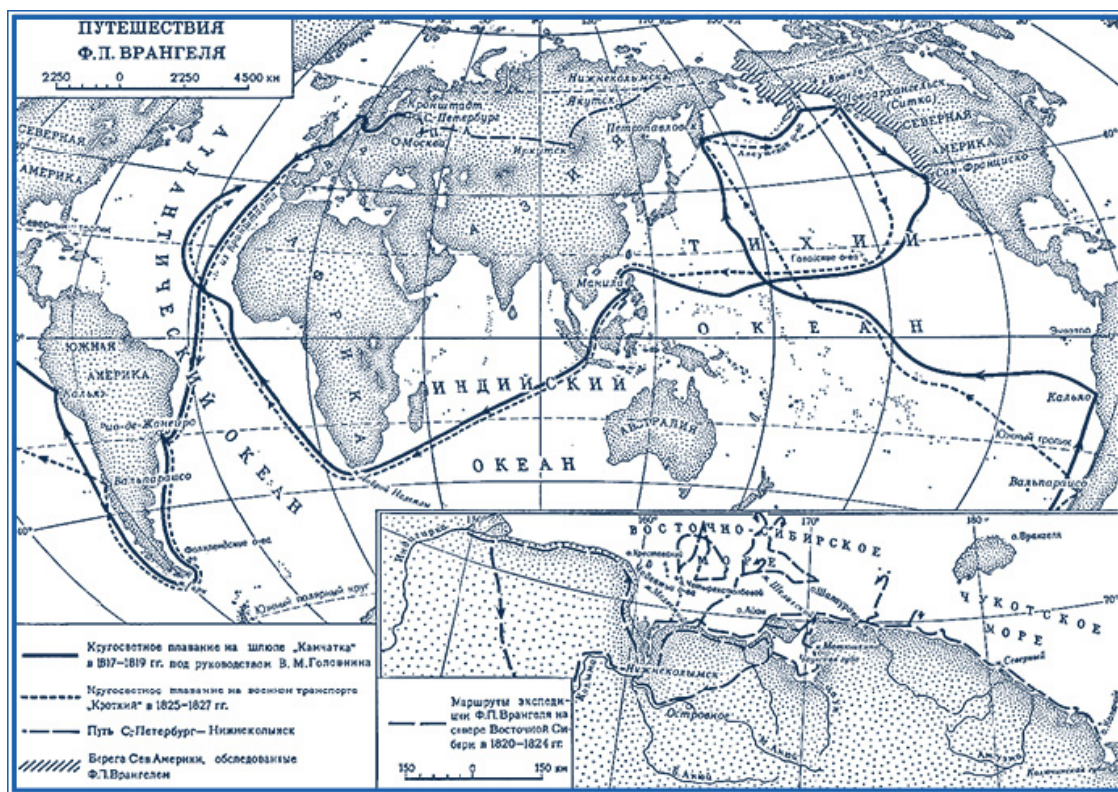
Труд Врангеля в полном виде появился в России в частном издании А. Смирдина, спустя 17 лет после окончания путешествия, то есть в 1841 году. В этом же году, в издании Российской Академии наук, появились прибавления, о которых мы упоминали выше. Сочинение Врангеля встретило большое сочувствие и внимание не только в России, но и за рубежом. Для широкой публики оно явилось настоящим откровением и, по общему признанию, представляло выдающееся явление в географической литературе.

Яркие картины суровой северной природы, образное описание трудностей, которые пришлось преодолевать путешественникам, описание промыслов и непочатых природных богатств Сибири, бытовые подробности, нравы и обычаи местных жителей – все это нашло себе простое выражение на страницах книги Врангеля, написанной хорошим литературным языком. В Англии успех книги был настолько велик, что первое издание немедленно разошлось и потребовалось напечатание второго издания. Большим успехом пользовалась книга во Франции (на французский язык она была переведена тотчас по выходе ее в Англии)¹⁰.

⁸ Результаты экспедиции Анжу изложены в VII части «Записок Гидрографического департамента», его биография помещена в «Морском Сборнике», № 12, 1869.

⁹ Вильям-Эдвард Парри (1790–1855) – английский полярный исследователь. В 1819–1827 гг. предпринял четыре арктические экспедиции (три из них для отыскания Северо-Западного прохода). Третья была организована в 1824 г. с той же целью, что и вторая: для отыскания Северо-Западного прохода из Атлантического океана в Тихий. На этот раз Парри удалось дойти гораздо западнее. После зимовки в проливе Принца-Регента, где Парри составил карту архипелага островов, названных впоследствии его именем, его корабль потерпел крушение. Джон Франклин (1786–1848) – выдающийся мореплаватель и полярный путешественник, в 1818 г., командуя судном «Трент», принял участие в британской арктической экспедиции, намеревавшейся достичь Берингова пролива, пройдя через Северный полюс. Естественно, эта задача не была выполнена: добравшись до Шпицбергена, экспедиция вынуждена была повернуть назад.

¹⁰ На иностранных языках книга Ф. П. Врангеля вышла в свет раньше, чем на русском: на немецком – в 1839, на английском и французском – в 1840.

Маршруты путешествий Ф. П. Врангеля

V

После похода, доставившего 27-летнему Врангелю громкую известность, после живой и кипучей деятельности, полной риска и повседневных опасностей, резкий переход к будничному прозябанию строевого морского офицера, «к томлению бездействия» был крайне тягостным и неприятным. Врангель замкнулся, не находя себе места, перестал посещать друзей и даже в кругу родных казался ко всему равнодушным. Дело, начатое им, он не считал оконченным, так как не достиг земли, в существовании которой был вполне убежден. Вот почему он всеми помыслами рвался опять туда же, в далекую Сибирь, на берега Ледовитого моря. На поданное в Морское министерство представление с просьбой разрешить ему продолжать экспедицию он получил отказ.

О настроениях Врангеля хорошо свидетельствует разговор, произошедший во дворце. По возвращении из экспедиции Врангель был представлен царю Александру I. Последний, подробно расспросив об экспедиции и о тех опасностях, которым подвергались участники экспедиции, задал Врангелю вопрос: «А бывают ли и там красные дни?» Врангель ответил с большим воодушевлением: «Я, ваше величество, провел там, быть может, самые красные дни моей жизни».

Врангель не устал повторять: «Бороться со стихиями, одолевая препятствия, сдружаться с опасностями – все это так свойственно моряку, что ему иногда даже скучно без них».

Неизвестно, в какой конфликт вылились бы тяжелые настроения Врангеля, если бы не вмешательство Головнина, ставшего к тому времени генерал-интендантом флота. Василий Михайлович предложил Врангелю снова, на этот раз в качестве командира корабля, отправиться в кругосветное плавание. Маршрут и назначение корабля были в общем те же,

что у шлюпа «Камчатка». Морской способ сообщений с далекой восточной окраиной все более входил в практику. Русские военные корабли теперь ежегодно отправлялись в «дальний вояж». Разумеется, Врангель с восторгом принял предложение Головнина.

Военный парусный транспорт «Кроткий», специально сооруженный для далекого плавания, был построен с таким расчетом, чтобы при небольших размерах, позволявших иметь очень небольшой экипаж, взять возможно больше грузов.

Узнав о назначении Врангеля командиром корабля, отправляющегося в кругосветное плавание, его спутники по полярной экспедиции – доктор Кибер, лейтенант Матюшкин и штурман Козьмин – тотчас же изъявили желание идти в плавание вместе со своим бывшим начальником. Все они были зачислены Врангелем на «Кроткий». Шесть офицеров, доктор и 42 матроса составили экипаж корабля.

Вступив в обязанности командира, Врангель сразу преобразился. Угрюмый и неразговорчивый на берегу, он словно окунулся в родную стихию. «Я почувствовал себя снова на свободе, – говорил Врангель, – и пришел к убеждению, что отечество, кров и покой душевный составляет для меня океан».

Во время плавания на «Кротком» Врангель вел подробный дневник, куда аккуратно, день за днем, заносил свои впечатления и мысли. Однако и на этот раз словно злой рок преследовал моряка; дневник плавания на «Кротком» так же бесследно исчез, как и дневник его первого кругосветного плавания. Известно только, что дневник второго кругосветного плавания, подготовленный автором к печати, был сдан им в Морское министерство, но почему-то не был одобрен высшим начальством. Известно также, что у Врангеля оставался черновик рукописи, но разыскать его пока не удалось.

Отрывки из рукописи Врангеля под заглавием «Дневные записки о плавании военного транспорта «Кроткого» в 1825, 1826 и 1827 годах, под командою капитан-лейтенанта Врангеля 1-го», напечатаны в XXXVI книге «Северного Архива» за 1828 год¹¹.

Транспорт «Кроткий» отправился в путь, как обычно, из Кронштадта, 23 августа 1825 года. Миновав Копенгаген, 15 сентября корабль прибыл в Портсмут, где простоял около месяца, ожидая окончания разных закупок. Отсюда «Кроткий» отправился в Бразилию в Рио-де-Жанейро. 46 дней плавания через Атлантику не отличались ничем примечательным. При обходе мыса Горн, как это бывает почти со всеми кораблями, моряки попали под жестокой шторм. 19 февраля 1826 года «Кроткий» бросил якорь на рейде в Вальпараисо (Чили)

Отсюда начался переход через Великий океан.

Нуждаясь в воде, дровах и в ремонте корабля, сильно потрепанного бурями, Врангель по пути выбрал как наиболее удобную промежуточную стоянку порт Чичагов на острове Нукагива в Маркизовой группе, обещавший по своему положению самую спокойную гавань. Именно здесь, по описанию путешественников, островитяне были ласковы и услужливы.

¹¹ Краткий обзор плавания на «Кротком» был составлен Н. Ивашинцевым и вошел в серию его статей «Русские кругосветные путешествия», опубликованных в «Записках Гидрографического Департамента» (часть VIII, № 50).

Житель острова Нукагива

Ничто вначале не сулило катастрофы. Отношения моряков с туземцами были вполне миролюбивы. Станным показалось только то, что приехавшие на корабль в качестве гостей туземцы не обращали никакого внимания на предложенные им подарки и сразу же попросили – и при том весьма настойчиво – дать им пороха и ружей. Конечно, им было в этом отказано.

Все же необычное поведение гостей заставило моряков держаться настороже. Они отправлялись на берег вооруженными и зорко следили за тем, как ведут себя островитяне. В первые дни никаких происшествий не было. Однажды утром для приема свиней, закуп-

ленных у островитян, с корабля была отправлена на берег четверка под начальством мичмана Дейбнера. Точно предчувствуя недоброе, Врангель с вахтенным офицером, не отрываясь, следили в зрительные трубы за ходом лодки. Остановившись метрах в шестидесяти от берега (ближе подходить к берегу Врангель категорически запретил), моряки потребовали, чтобы живой груз был доставлен по воде. С корабля было видно, как перетащили свинью, затем другую. Полагая, что все в порядке, Врангель направился в каюту. Но тотчас же раздался тревожный крик вахтенного: «Наших бьют!» Врангель немедленно приказал выслать на помощь Дейбнеру баркас под начальством лейтенанта Лаврова с 13 вооруженными матросами.

Не отрываясь от зрительной трубы, с затаенным дыханием, следил он за тем, что произойдет дальше. Едва баркас стал приближаться к берегу, как островитяне дали по нему залп, убив наповал одного из матросов. Ответный залп никакого успеха не имел, так как островитяне стреляли из-за прикрытий, маскируясь в прибрежных кустах и камнях. Сражаться при таких условиях, даже не зная численности островитян, было не только бесполезно, но и опасно. Лейтенант Лавров повернул обратно. Заметив двух плывущих к нему матросов с первой шлюпки, он подобрал их обоих и, все время обстреливаемый дикарями, приблизился к «Кроткому».

Тем временем на берегу собралась большая толпа островитян. По-видимому, среди них были и моряки, захваченные с первой шлюпки. Бессильный чем-либо помочь им, Врангель приказал корабельной артиллерии стрелять.

Залпы картечью со всего борта, эхом прогремевшие по отдаленным горам, заставили островитян разбежаться. С корабля заметили, что после первого же залпа с земли вдруг поднялся еще один матрос, шатаясь, подбежал к берегу и, тяжело плюхнувшись в воду, поплыл к кораблю. Тотчас ему навстречу помчалась шестерка. Обессиленного, еле живого, матроса Лысухина вытащили из воды. Из 16 глубоких ран его лилась кровь, из спины торчал кусок сломанного копья. Придя в себя, Лысухин рассказал, что мичман Дейбнер и матросы Некрасов и Тимофеев были убиты на его глазах, трупы их унесли в лес. Мичман Дейбнер проявил удивительное мужество. Он успел крикнуть матросам: «Ребята, спасайтесь! Пусть убьют меня».

Хотя и уstraшенные картечью, островитяне, по-видимому, затевали недоброе дело. Рассыпавшись по окрестным холмам вокруг бухты, они продолжали непрерывно стрелять из-за разных укрытий. На берегу снова стали скопляться толпы дикарей. «По множеству собравшегося на берег народа, — писал Врангель, — должно было думать, что соседние долины соединялись с этою и что, вероятно, вскоре приплывут военные лодки из портов Анны-Марии и Контрольного, где, как мы слышали, народ вооружен огнестрельным оружием еще превосходнее, нежели здесь». Нужно было действовать самым энергичным образом. Иначе сотни пирог с вооруженными островитянами могли окружить корабль и, утерпев весь экипаж, завладеть судном.

«Кроткому» следовало немедленно уходить из бухты. Но как мог выйти парусный корабль без буксира в безветрие через узкий канал, усеянный рифами, да еще под градом сыпавшихся с берега пуль? Сняться и выйти в море можно было не иначе, как подтягиваясь на завезенных верпах (небольших якорях). Врангель действовал расчетливо и с полным самообладанием. Он приказал лейтенанту Лаврову усилить огонь артиллерии. Штурман Козьмин, невозмутимый ни при каких обстоятельствах, был послан с полным числом гребцов и стрелков в середину пролива для завоза верпа. Увидев баркас, островитяне огонь своих ружей сосредоточили на нем. Но, к счастью, они не причинили морякам вреда, хотя пули все время ложились у самого борта. Блестяще выполнив трудное задание, Козьмин вернулся на корабль. «Кроткий» был спасен, пули больше не достигали его.

Вскоре корабль вышел на рейд. Отсюда хорошо были видны оба мыска, за прикрытием которых собрались огромные толпы островитян. С «Кроткого» со всего борта дали залп по ним. Туземцы разбежались. Громовое «ура» огласило тогда палубу корабля. Тем временем подул легкий попутный ветерок. Корабль, поставив паруса, стал удаляться в море.

Когда «Кроткий» проходил вдоль берега, стало уже смеркаться. Моряки увидели, как на всем протяжении берега зажглись костры. Это несомненно был условный сигнал для жителей соседних бухт, уже предупрежденных о совместном нападении на русский корабль. Но было поздно. «Кроткий» не имел никакого желания заходить в соседние бухты.

Вождь маркизских народов

Так в исключительно сложной и трудной обстановке экипаж «Кроткого» проявил отличное хладнокровие и выдержку. Врангель отмечал, что «спасением своим мы были обязаны столько же счастью, сколько усердию, сметливости и неутомимой расторопности всех чинов и служителей «Кроткого».

От Маркизовых островов Врангель взял курс на Камчатку, в Петропавловск, куда и прибыл 11 июня. Выгрузив привезенные материалы, «Кроткий» сходил в Ситку¹². Задача похода была выполнена. Предстоял обратный путь в Россию.

12 сентября 1826 года корабль попрощался со столичным городом Русской Америки. На Сандвичевых островах, куда «Кроткий» зашел для пополнения запасов провизии, бывших на исходе, Врангеля поразили большие перемены. «В самом селении (Гонолулу) удивило нас немалое число домов, построенных в европейском вкусе, в два этажа, и опрятная наружность жителей, толпившихся около нас с видом особенного удовольствия, одетых в ткани, а многие по-европейски: действительно, ни теперь, ни после, не заметил я совершенно обнаженного человека, ниже тех смешных полуодеяний, которые в бытность мою здесь на шлюпе «Камчатка» в 1818 году так часто нас забавляли».

После недельной остановки в Гонолулу «Кроткий» пошел на Филиппинские острова. Врангель старался идти местами, где, по словам китоловов, могли встретиться еще неисследованные острова или банки. Но никаких новых островов экспедиция здесь не обнаружила.

13 января 1827 года транспорт прибыл в Манилу. Заготовка свежей провизии, постройка новой четверки, вместо захваченной островитянами на острове Нукагива, задержали моряков в Маниле на долгие четыре недели. Только в половине февраля шлюп вышел в море. Дальше путь ничем не был примечателен. Прошли Гаспарский и Зондский проливы, пересекли Индийский океан. У мыса Доброй Надежды встретили сильнейший и продолжительный шторм, на дневку подошли к острову Св. Елены. 31 июня были в Портсмуте, в Кронштадт прибыли 14 сентября 1827 года.

За двухлетнее, успешно выполненное кругосветное плавание на «Кротком» Врангель был произведен в капитаны 2-го ранга и награжден значительным по его чину орденом (Анны 2-й степени). Получаемое им жалование было обращено в пенсию, а время, проведенное в экспедиции, зачтено вдвойне.

В особую заслугу Врангелю ставили то, что впервые в истории нашего флота во время кругосветного рейса он организовал на «Кротком» метеорологические наблюдения, производившиеся регулярно по четыре раза в сутки, а также наблюдения над температурой воды, над течениями и пр. Эти наблюдения были опубликованы в 1882 году.

Вскоре Врангелю предложили стать командиром флотского экипажа и строящегося линейного корабля. Для тридцатилетнего моряка это было большое повышение, но добросовестный и прямодушный Врангель, не чувствуя расположения к гарнизонной службе, имел мужество отказаться от этого предложения и просил назначить его лишь командиром фрегата, что и было исполнено. Он получил назначение на строящийся фрегат «Елизавета». Одновременно его утвердили членом Ученого комитета Морского министерства.

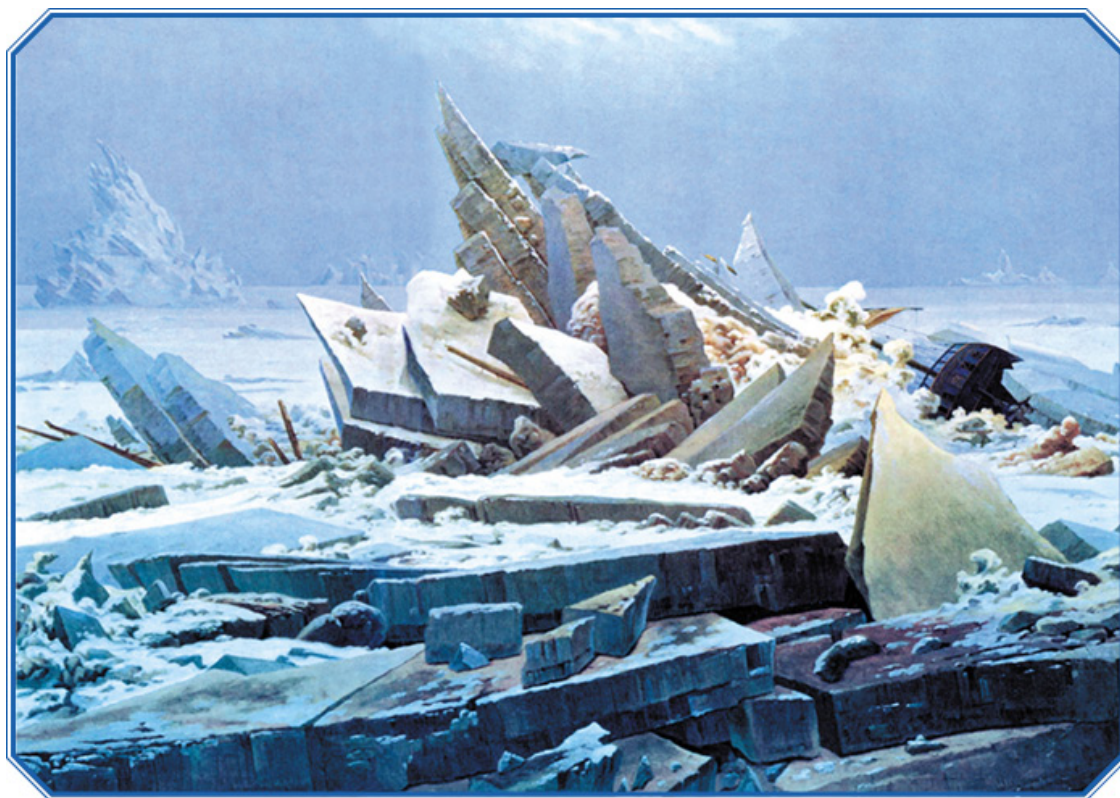
Осенью 1828 года фрегат «Елизавета» был закончен постройкой и перешел на постоянную базу в Кронштадт. Здесь Врангель получил назначение командиром сводной морской бригады и председателем военно-следственной комиссии. Все свободное время Врангель посвящал подготовке к печати книги о своем путешествии на берега Ледовитого океана. Он отдыхал за этим трудом.

Зимой 1828 года Врангель подал прошение об отчислении его на пять лет с действительной службы. На этот срок он решил уехать на Аляску, куда его настойчиво приглашали

¹² Позднее Ново-Архангельск. Русская крепость и поселение на острове Баранова, резиденция Главного правителя Русской Америки, расположенная под 54°2'50" с. ш. и 135°18' з. д.

директора Российско-Американской компании, на должность Главного правителя русских владений. С большим неудовольствием начальство отпускало Врангеля. Его соблазняли перспективой новых высоких назначений, но Врангель настаивал на своем. На Аляску, главным правителем русско-американских владений, Врангель отправился в чине капитана 1-го ранга.

Путешествие в Америку заняло более полугода. Зимовать Врангелю и его молодой жене пришлось в Иркутске. Весной у них родилась дочь. Обстоятельство это значительно усложнило дальнейший путь. До Якутска они плыли по Лене, затем проехали 1200 верст верхом, в Охотске сели на корабль. Нечего и говорить, насколько тяжел был этот путь. Тысячечерстное странствование молодой женщины с грудным ребенком верхом на лошади, ночлеги в ненастную погоду под открытым небом, сильные бури во время морского перехода, занявшего целый месяц, – все это потребовало большого напряжения сил и нервов. Только поздней осенью 1829 года Врангель с женой прибыли на новое место своего обитания – в Ситку. Вскоре здесь умерла их дочь.

Каспер Давид Фридрих. Ледяное море. 1824 г.

VI

Деятельность Врангеля на Аляске в качестве правителя русско-американскими владениями бесспорно представляет яркую страницу в его биографии.

Фердинанд Петрович застал на Аляске далеко не веселую картину. По его рассказам, «наши американские владения представляли в ту пору дикую страну и нравственное запустение». Промыслы велись неорганизованно, хищнически.

С кипучей энергией Врангель отдался новому делу. От Калифорнии до берегов Берингова пролива объезжал он острова и прибрежные территории наших американских владений.

ний, самолично на месте знакомился с жизнью русских поселенцев, подробно обследовал промыслы, опрашивал местных жителей, принимал от них жалобы на компанейских агентов, а попутно не упускал случая записать в тетрадь слова аборигенов – алеутов, колошей и других народностей, произвести этнографические наблюдения, познакомиться с обрядами и обычаями. Результатом этих наблюдений явился труд «Обитатели северо-западных берегов Америки»¹³. Врангель всячески заботился об улучшении быта алеутов и колошей. Ему энергично помогал в этом местный священник Вениаминов, впоследствии митрополит московский Иннокентий.

За пять лет управления Русской Америкой Врангель достиг значительных успехов. Благодаря гуманному отношению к местным жителям, он завоевал среди них огромную популярность. Раньше, запугиваемые алчными компанейскими агентами, они теперь приходили к Врангелю как к родному отцу, выкладывали ему свои нужды и всегда уходили удовлетворенными. Ни одна жалоба аборигенов не оставалась не рассмотренной. Следы культурного управления можно было видеть повсюду. В Русской Америке росли школы и больницы. Были реорганизованы промыслы, приняты меры для предотвращения истребления пушного зверя в лесах Аляски.

Главная резиденция Врангеля – столица Русской Америки Ново-Архангельск – за время его правления приобрела вид вполне благоустроенного и внушительного полувоенного поселка. Из амбразур редута (небольшой бревенчатой крепости) глядели 28 орудий. Гарнизон редута насчитывал 300 человек, по большей части отставных солдат. На дальнем северо-западе Аляски, у входа в могучий Юкон, был сооружен другой редут, получивший название редута Св. Михаила. Он внушал невольное уважение не только окрестным жителям, но и всем, кто хотел бы покуситься на нашу территорию или ее промыслы. Любопытный случай, приключившийся в 1834 году, показал, насколько предусмотрительным и дальновидным оказался Врангель, соорудивший редут и у реки Стахин, входящей в наши владения.

Случай этот получил широкую огласку и послужил хорошим примером не только для англичан, но и для других не менее алчных иноземцев, заглядывавшихся на богатства Русской Америки. Дело в том, что по конвенции, заключенной между Российско-Американской компанией и соседней английской Компанией Гудзонова залива (Гудзон-бай Компани), обе стороны получали взаимное право беспрепятственного входа в реки, протекающие по землям обеих территорий. Вместе с тем допускалось и более или менее длительное пребывание в чужих водах, но каждый раз с особого разрешения местных властей. В спорных случаях чинить насильственные действия не полагалось и инциденты должны были разрешаться путем переговоров между правительствами.

¹³ Труд этот напечатан в журнале «Сын Отечества», т. VII, 1839. Статью предваряет следующее замечание от редакции: «Обязанностью почитаем благодарить за сообщение сей статьи, содержащей в себе драгоценные, на месте собранные сведения знаменитого мореплавателя Ф. П. Врангеля». Помимо этого, на немецком языке издан обширный труд Врангеля на ту же тему, составивший первый том издававшегося под редакцией академиков Бэра и Гельмерсена сборника сведений о России. В этой книге, имеющей 332 стр., собрано множество чрезвычайно любопытных и по большей части совершенно новых сведений по статистике и, в особенности, этнографии Русской Америки, приводится описание промысловых зверей, приложена сравнительная таблица слов восьми аляскинских наречий: алеутов, кадьяков, кенайцев, колош и др.

Ново-Архангельск в начале XIX в.

Казалось бы, такая конвенция позволяла соседям жить в дружбе и строить свои отношения на основе взаимного уважения. Но английских хищников из «Гудзон-бай Компани» не удовлетворяло мирное существование. Они хотели, не упустив ничего из своих богатств, заодно воспользоваться богатствами Русской Америки. Агенты «Гудзон-бай Компани» проникали на русскую территорию, спаивали и обирали туземцев, восстанавливали их против русских, подбивали на восстания. Нередко суда англичан совершали пиратские набеги на наши воды, грабили промышленников, отбирали у них продукты промыслов. На огромной территории русско-американских владений существовало тогда около десятка укрепленных поселков. Владения обслуживались 12 судами водоизмещением от 100 до 400 тонн, вооруженных пушками. Этого, конечно, не было достаточно. Пользуясь каждой возможностью, англичане обходили конвенцию, подбирались к наиболее богатым и прибыльным звероловным и пушным угодьям.

Вот почему зимой 1834 года, проведав от местных жителей о намерении англичан основать свою факторию на самой границе с русскими владениями, Врангель приказал срочно выстроить на берегу реки Стахин редут, а в проходе к редуту поставить два вооруженных орудиями компанейских судна. Предусмотрительность оказалась не лишней. Весной в реку Стахин, впадающую в море, вошло большое трехмачтовое английское судно, нагруженное большим запасом строительных материалов. Обнаружив на берегу русский редут, англичане несказанно удивились. Все же корабль бросил якорь против редута. Тогда ему предложили немедленно удалиться, причем жерла орудий весьма недвусмысленно подчеркивали обоснованность этой просьбы. Пришлось непрошеным гостям не солоно хлебавши убраться восвояси, плыть вокруг света обратно в Англию.

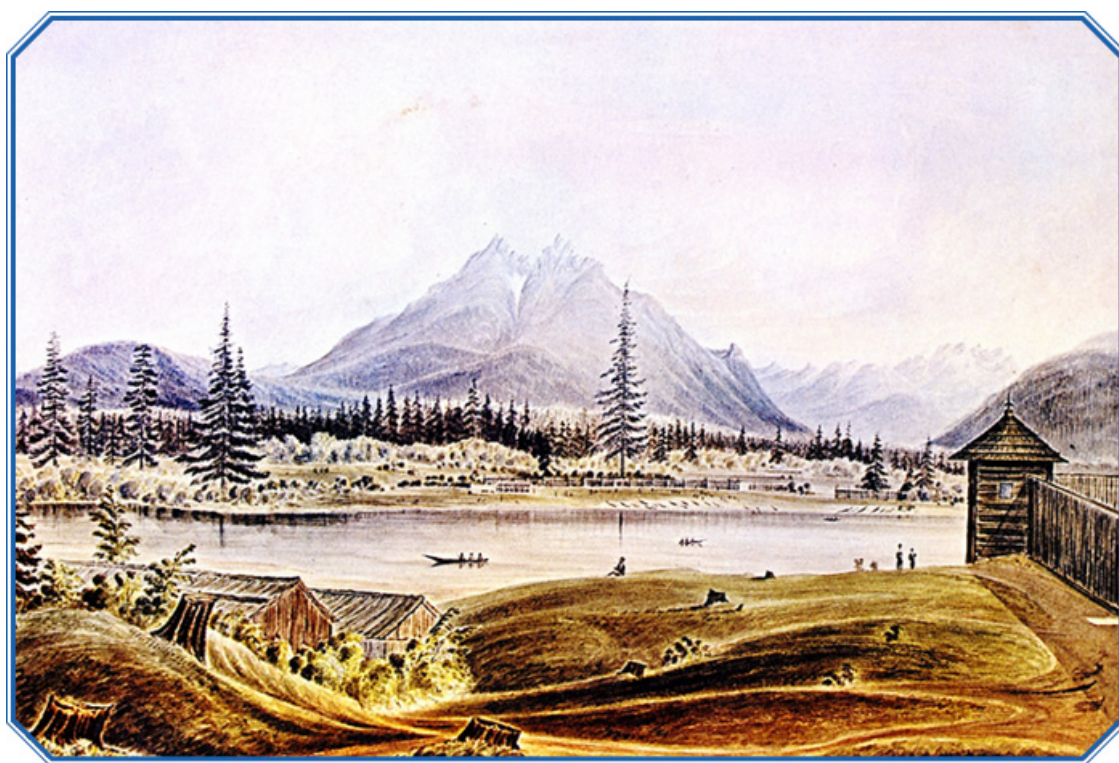
Инцидент с кораблем наделал немало шума. Дирекция Компании Гудзонова залива попыталась предъявить России иск в сумме 500 000 рублей за якобы понесенные убытки,

вызванные напрасным рейсом. Расхлебывать неприятное дело поручили Врангелю. И он блестяще справился с поручением. Это сделать было тем труднее, что в Петербурге, когда царю Николаю I доложили о всех обстоятельствах дела, он довольно хмуро заметил: «Дозволять англичанам нам на ногу наступать, конечно, не должно, но существующие трактаты нужно исполнять свято». Зная, что ни в одном пункте конвенция не была им нарушена, Врангель смело направился в Гамбург, где было назначено его свидание с представителем дирекции «Гудзон-бай Компани». Он сумел убедить последнего, что, в интересах самой же Англии, лучше инцидент считать ликвидированным и сохранить дружественные отношения с Россией. Врангель добился полного успеха; дело было улажено, а иск взят обратно, вместе с тем обе стороны заключили несколько новых весьма выгодных для них сделок.

Решительные действия и дипломатические способности Врангеля на родине были по справедливости оценены. Да и в самой Англии еще долго вспоминали, как русский моряк сумел опередить англичан и на реке Стахин, фигурально выражаясь, оставил их с носом.

Ново-Архангельск Врангель покинул в 1835 году. В Россию, в Петербург, он возвращался с женой и малолетним сыном, но не через Сибирь, как раньше, а через Калифорнию, Мексику, Нью-Йорк, Гавр и Гамбург.

Вспоминая о прощании с Ситкой, Врангель писал своему другу: «Мы бросили последний взор на скалу, где провели 5 лет, где покидали могилу милого дитя, сопутствовавшего нам по Сибири, и с умилением расстались с этим местом, с его добродушными и преданными нам жителями».

Компании Гудзонова залива Форт-Лэнгли.
Левый берег реки Фрейзер

Компанейское судно «Ситха» подняло якорь 24 ноября. Сильнейший шторм с «грозой, молнией и летучим огнем на реях» надолго задержал корабль в море. Только 17 декабря «Ситха» прибыла в Монтерей – главный город Верхней (принадлежащей Соединенным

Штатам Америки) Калифорнии. Здесь Врангель и его спутники «приветствовали прелестные холмы и долины Калифорнии, подобные паркам дубовые леса, бархатные зеленые луга и зыблющиеся пашни, которые живописно сменялись и восхищали взоры на кратком пути из Монтерея в Сан-Карлос».

Затем снова морской путь. В день нового года якорь «Ситхи» погрузился в прозрачные воды Сан-Бласского рейда. «Мы внезапно перешли, – писал Врангель, – в жаркий пояс под 21°32' с. ш.» Однако мексиканские впечатления путешественников были далеко не восторженными. «Сан-Блас, – отмечал Врангель, – есть самое нездоровое место в республике. Нигде лихорадка не свирепствует с такой жестокостью, и жители умирают тысячами от ужасной болезни».

Из Сан-Бласа Врангель предпринял чрезвычайно трудный и опасный переход поперек Мексики к берегам Атлантического океана в направлении на Веракрус.

Путешественники следовали верхами. Сначала путь пролегал по выжженным, дышащим нестерпимым зноем степям. Вот выписки из дневника Врангеля: «солнце распялет людей и животных до полного расслабления»; «гололобый коршун лениво носится над степью, опускаясь лишь там, где его привлекает мертвечина», «пейзаж оживляет лишь птичка огненного цвета, сверкающая в воздухе, как раскаленный уголь». Три дня пробирались Врангели пустыней. Их сопровождал краснокожий мексиканец, потомок древних ацтеков. Следующий этап – переход через горный хребет. На пути пришлось преодолеть кратер потухшего вулкана. «Мы вступили, – писал Врангель, – в страну смерти. Как далеко достигали взоры, земля была покрыта черными шлаками и кусками лавы, часто огромной величины».

Ни малейшее разнообразие не развлекало уstraшенных взоров; черная, изрытая обширная равнина простиралась под нашими ногами, до краев горизонта. Трудно составить себе понятие о такой совершенной картине смерти в природе». Далее по пути следовали горные ущелья с необыкновенно крутыми скатами, что несказанно затрудняло путь. Временами приходилось пробираться над захватывающими дух пропастями. «Если лошадь оступится, то всадник погиб. Если посмотреть вниз, зрителем невольно овладевает страх, чтобы животное с грузом и всадником не полетели стремглав в пропасть». Всего опаснее были встречи на узкой тропе двух караванов. Каждый такой разъезд стоил несказанных трудов. К природным опасностям присоединялись опасности и другого порядка, весьма частые здесь, – опасность ограбления.

В Гвадалахаре опасно заболел сын Врангеля. Положение его было настолько серьезным, что выздоровление казалось почти невозможным. Фердинанд Петрович и его жена еще не оправались от постигшей их в Ситке потери дочери. Три недели они не отходили от постели второго ребенка. Наконец он стал выздоравливать. Болезнь сына надолго задержала путешественников в Гвадалахаре.

И вот наконец Веракрус – живописный городок, расположенный на берегу Мексиканского залива.

Столь необычный, тяжелый и рискованный путь возвращения на родину связан с одной из любопытнейших страниц многогранной деятельности Фердинанда Петровича. Его посещение Мексики носило определенный политический характер. Оно имело целью добиться со стороны властей Мексиканской республики уступки России прекрасной, плодородной, никем не возделываемой долины, расположенной невдалеке от русского форта Росс (близ нынешнего города Сан-Франциско).

Нужно заметить, что из-за плохого промысла пушного зверя и неплодородной почвы колония Росс явно не оправдывала своего назначения и с каждым годом хирела. Это прекрасно знали мексиканцы, которые претендовали на передачу им и самой колонии, и принадлежащей ей земли. Дело принимало явно неблагоприятный оборот, так как колония

Росс, являвшаяся крайней южной точкой русских поселений в Северной Америке, официально принадлежала не русскому государству, а частной Российско-Американской компании. Надежд на расширение колонии Росс не было никаких, на очереди стоял вопрос об ее упразднении. А с ликвидацией колонии Россия навсегда теряла свой форпост в Калифорнии. Врангель никак не мог этого допустить.

Побывав на Россе, Врангель открыл вблизи плодородную долину, которую несомненно без труда можно было бы заселить. По его мнению, приобретение этой долины разрешало все трудности. И Врангель на свой риск и страх начал действовать. Во время посещения Мексики он добился аудиенции у вице-президента Барагома, принявшего его, однако, как частное лицо. С искусством ловкого дипломата, убедительно обрисовав все выгоды, которые мексиканское правительство сможет извлечь от заселения русскими долины, Врангель сумел добиться согласия на передачу долины Российско-Американской компании. Ему, однако, было поставлено одно весьма серьезное условие: признание Россией Мексиканской республики. Предстояло решить второй этап задачи, оказавшийся наиболее трудным: убедить русского канцлера Нессельроде и царя Николая I признать Мексику. Вернувшись в Россию, Врангель энергично взялся за дело. Но сперва у Нессельроде, а затем у Николая I он встретил решительный отказ. Царь, негодовавший при одном только упоминании слова «республика», резко и сухо сказал ему: «Я не могу вступить в сношения с мятежниками».

Все труды Врангеля пропали даром. В 1841 году селение Росс было упразднено. Россия навсегда потеряла свой форпост в солнечной Калифорнии.

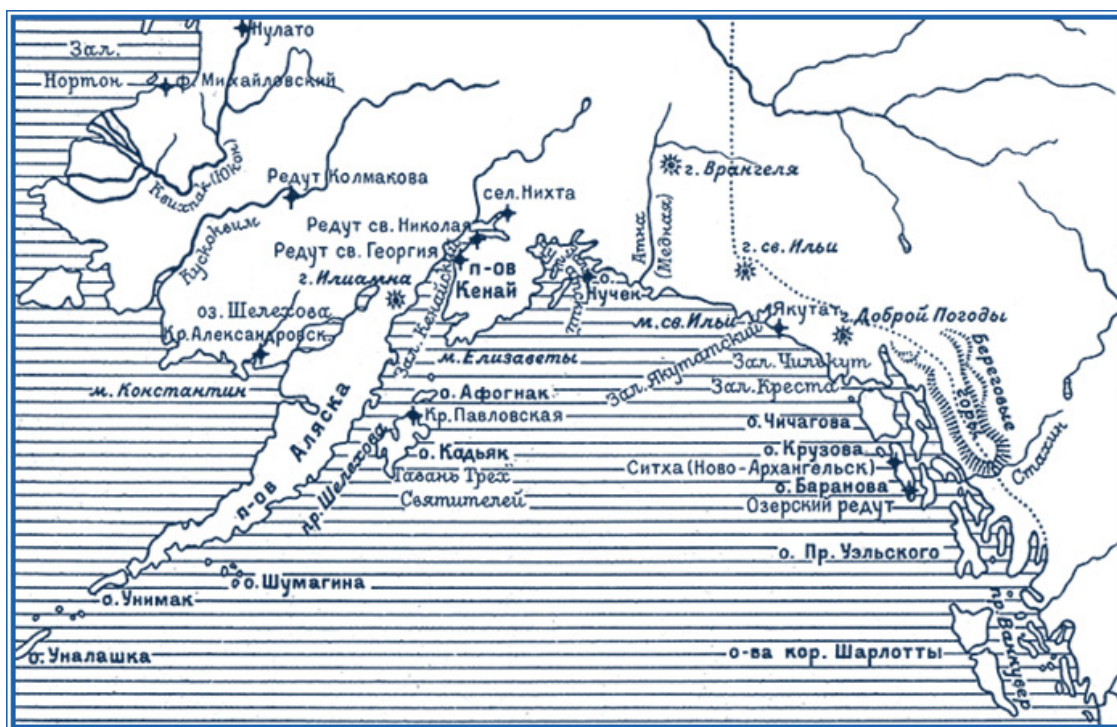
Из Веракрус, на пароходе, минуя берега Кубы и южных штатов Северной Америки, путешественники добрались до Нью-Йорка, уже тогда, 110 лет назад, по словам Фердинанда Петровича, «величайшего, богатейшего и многолюднейшего торгового города на всем материке Америки». «По улицам, – писал Врангель, – гремели нагруженные повозки, omnibus, наемные кареты, без числа толпились пешеходы. Здания – большей частью семиэтажные, наполненные магазинами, кладовыми, лавками и освещенные газом. Такое движение и разнообразие поразили нас». Это было время бурного расцвета заокеанской республики, ее юность, еще на омраченная чахоточным румянцем американского процветания.

Из Нью-Йорка английский пакетбот после тридцатидневного бурного плавания доставил путешественников сначала в Гавр, а затем и в Гамбург. 4 июня 1836 года «вожделенная цель путешествия» была достигнута. Врангели прибыли в Кронштадт.

После возвращения на родину Фердинанд Петрович не перестал интересоваться делами Российско-Американской компании.

В 1838 году, после длительных переговоров, он согласился взять на себя обязанности заведующего делами компании, а в 1840 году был назначен ее главным директором, в какой должности и оставался до 1849 года. Америку он больше не посещал¹⁴.

¹⁴ В 1867 году принадлежавшая России территория в Америке со всеми прилежащими к ней островами, заключавшая в себе пространство в 1 493 380 кв. километров, была уступлена русским правительством Соединенным Штатам Америки за ничтожное вознаграждение в 7 200 000 долларов. Сознывая всю нелепость и невыгодность для России подобной сделки, Врангель горячо и энергично протестовал против нее, но не был поддержан. Овладев Аляской, американцы выручили огромную сумму на эксплуатации ее промысловых богатств. С 1867 по 1936 год США вывезли из Аляски мехов на 300 миллионов долларов, золота на 470 миллионов долларов и рыбы – больше, чем на миллиард долларов.

Карта русских владений в Северной Америке
во второй половине XIX в.

VII

Высшие морские круги тепло встретили возвращение Врангеля в столицу. Он был произведен в контр-адмиралы, назначен членом общего присутствия кораблестроительного департамента, а затем исправляющим должность директора департамента корабельных лесов. Полнейший беспорядок, царивший в этой важной отрасли морского хозяйства, заставил Врангеля со всей энергией взяться за новое для него дело.

От Польши до Урала, от Архангельска до южных берегов Крыма, в течение двух лет Врангель объезжал казенные лесные дачи. Подробно знакомясь с постановкой дела на местах, изучая лесное хозяйство, он убеждался в необходимости не только срочно готовить сведущие кадры по лесоводству, но и полностью реорганизовать департамент корабельных лесов. Однако решительные действия нового директора и его энергичная критика существующих порядков вызвали, как и следовало ожидать, сильное недовольство в высших кругах. Вскоре Врангель убедился в явном недоброжелательстве как к себе лично, так и к своим смелым начинаниям. О сколько-нибудь полезной деятельности думать уже не приходилось.

В ту пору Ф. П. Врангель сблизился с многими выдающимися русскими учеными географами и мореплавателями. Коротая время в дружеских беседах, они все чаще возвращались к вопросу о неустроенности русской научной мысли, об отсутствии общественного центра, который собирал бы в один фокус и умело направлял усилия патриотов-исследователей России.

Так возникла идея создания Русского географического общества – ныне одного из старейших научных обществ в мире. Вместе с прославленным русским мореплавателем Ф. П. Литке и знаменитым ученым академиком К. М. Бэрм Врангель стал членом-учредителем этого общества, возникшего в 1845 году и завоевавшего вскоре широкую популярность. Целью своей члены-учредители Географического общества ставили объединение лучших

научных сил страны, всех ревнителей просвещения и отважных людей, которые принимали близко к сердцу интересы науки и отечества. Общество разделялось на четыре отделения, причем председателем отделения общей географии в течение нескольких лет состоял Врангель. Он уделял много времени и энергии молодому, только что начинавшему развиваться делу; всячески поддерживал общество как в печати, так и на собраниях.

К этим первым временам жизни Русского географического общества между прочим принадлежит позабытый любопытный доклад Врангеля: «О средствах достижения полюса»¹⁵, прочитанный им на общем годовом, собрании общества в 1846 году.

¹⁵ Опубликовано в «Записках Русского географического общества», книжка II, СПб., 1847.

*И. Н. Крамской.
Портрет графа Ф. П. Литке. 1871 г.*

Ознакомив читателя с неудачным проектом капитана Парри достичь полюса¹⁶, Врангель задает вопрос: «Не имеется ли в виду других средств и путей для достижения полюса, не испытанных доселе и не имеющих тех различных неудобств, которые встречены были на

¹⁶ Немедленно по окончании третьей экспедиции, Парри добился организации четвертой. Причем, кроме прочего, составил отряд гребных судов, снабженных полозьями для передвижения по льду. Добравшись до Шпицбергена, этот отряд отправился на серев на лодках-санях и достиг широты 82°45'.

мореходном пути, на единственном в своем роде пешеходно-морском пути капитана Парри и, наконец, в поездках по льду на север от сибирских берегов?»

И, отвечая на этот вопрос, Врангель предлагает совершенно иной проект организации полюсной экспедиции. Предназначенному для экспедиции судну надлежит отправиться в Гренландию и зимовать на западном берегу вблизи эскимосского селения под 77° широты. На борту корабля должны находиться не менее 10 нарт с собаками и проводниками, а также провизия и корм в достаточном количестве. Осенью члены экспедиции смогут заняться рекогносцировочными работами в направлении к северу, примерно до 79°, где и должны организовать на побережье удобное место для склада части продуктов.

В феврале сюда могут перебраться все участники экспедиции, после чего в начале марта, продвинувшись еще на два градуса севернее, организовать вторую продовольственную базу. Отсюда в течение марта, лишь только наступят благоприятные метеорологические условия, полюсная партия может двинуться в путь по льду, «держась по возможности меридионального направления и сокращая расстояние прямыми переездами поперек бухт, заливов и проливов»... «Если бы, – заканчивает Врангель свою статью, – самый северный предел сплошного берега Гренландии или архипелага гренландских островов оказался в расстоянии слишком большом от полюса и достижение его невозможным, то экспедиция могла бы совершить опись этой страны, никем еще не исследованной, и тем принести важную услугу общей географии».

Весьма характерное для Врангеля замечание! Научные интересы, стремление к обогащению науки новыми данными не оставляли его ни при каких обстоятельствах и всегда превалировали над всеми другими интересами.

К проектам достижения северного полюса Врангель всегда относился с большим интересом и внимательно изучал их. В старости Врангель не без юмора рассказывал о более чем оригинальном проекте его бывшего наставника, профессора Дерптского университета Паррота¹⁷, который серьезно советовал ему, «достигнув наиболее выдающейся в океане точки и выждав южного ветра, подвязать под мышки воздушный шар и с бодрым духом нестись на север до тех пор, пока стрелка инструмента, которым Паррот хотел снабдить моряка-воздухоплователя, не укажет ему, что находится над магнитным полюсом; тогда постараться опуститься на льдину, сделать необходимые наблюдения и, выждав северного ветра, вернуться на материк»¹⁸.

«Проект» Паррота характерен тем, что он показывает, как наивно представляли себе полярные путешествия даже наиболее образованные люди того времени. Проект же Врангеля является результатом длительного и серьезного изучения этого вопроса.

Мысли, высказанные Врангелем в его докладе, спустя почти столетия легли в основу организации походов Роберта Пири, достигшего Северного полюса в 1909 году. Даже маршрут Пири – и тот в общих чертах соответствовал намеченному Врангелем.

В кругу друзей-географов и ученых Врангель находил отдых. Но служебные интриги все же в конце концов побудили его покинуть Петербург. В 1849 году Фердинанд Петрович вышел в отставку и уехал с семейством в свое имение Руиль в Эстляндской губернии. Здесь вице-адмирал в отставке весьма прилежно занимался сельским хозяйством. Спустя пять лет, в 1854 году, его постигло тяжелое горе: скончалась любимая жена, преданный его друг и помощница.

¹⁷ Паррот (1791–1841) – русский натуралист, путешественник и врач.

¹⁸ См. воспоминания К. Н. Шварца «Барон Ф. П. Врангель». «Русская Старина», 1872, март.

Титульный лист «Записок Русского Географического общества», в которых впервые был опубликован доклад Ф. П. Врангеля «О средствах достижения Северного полюса». 1847 г.

VIII

Началась Крымская война. Взоры всей страны были прикованы к Севастополю, где зачиналась величественная эпоха героической обороны. Вместе с тем русская армия, предводительствуемая бездарным генералитетом, терпела одно поражение за другим. Крестьянские волнения, направленные против крепостного права, сотрясали основы русского самодержавия. Даже правящим кругам становилась ясной вся гнилость и отсталость госу-

дарственного аппарата Российской империи. В эти дни в Петербурге вспомнили о Врангеле. Пятидесятивосьмилетнего вице-адмирала в отставке запросили, не желает ли он снова принять участие в государственных делах. Ему предложили пост директора гидрографического департамента. После недолгих колебаний Врангель принял предложение и переехал в Петербург. Здесь начинается последний этап его жизни. С присущей ему энергией Врангель берется за реорганизацию порученного ему учреждения. Помимо этого его загружают множеством других дел, назначают председателем комиссии по пересмотру морских уголовных законов, председателем морского ученого комитета, инспектором штурманов Балтийского флота.

В мае 1855 года Врангеля назначают морским министром и членом Государственного совета. Одновременно он состоит членом Сибирского комитета и членом Комитета для соображения средств к защите берегов Балтийского моря. В следующем году Врангель получает звание генерал-адъютанта¹⁹ и производится в полные адмиралы. В министерский период своей деятельности Врангель осуществил ряд важных административных мероприятий по морскому ведомству. Наиболее значительные – образование технического комитета и преобразование Адмиралтейств-совета. Много внимания уделял Врангель развитию торгового флота. По его настоянию был введен новый порядок замещения должностей начальников портов в Черном и Азовском морях. Со времен Врангеля на эти посты стали назначаться морские офицеры. Врангель возбудил вопрос о необходимости основания акционерного общества корабельного страхования, не существовавшего дотоле в России.

В записке, поданной правительству, Врангель доказывал пользу развития на Черном и Каспийском морях торгового флота, снабженного хорошо оборудованными, современными пароходами, способными выполнять срочные рейсы между портами и тем поднять торговлю и оживить прибрежные города. Созданное после этого Русское Общество пароходства и торговли, организовавшее срочные рейсы по Черному и Средиземному морям, просуществовало вплоть до Великой Октябрьской революции.

Непрерывная кипучая деятельность с годами давала себя знать. В 1857 году, на 61-м году жизни, Врангель оставил министерский пост. Силы его иссякали. Все чаще повторялись припадки головокружения. Полуторагодичное лечение несколько восстановило его здоровье, и осенью 1859 года Врангель снова начал работать. Будучи членом Государственного совета, он принимает активное участие в его деятельности.

Но преклонный возраст берет свое. В 1864 году, оставив все служебные занятия, Врангель навсегда переселился в свое имение Руиль. Правда, и здесь он не остается бездеятельным; он ведет обширную переписку, пишет мемуары. Его корреспонденция обширна и крайне разнообразна. С девятнадцати лет наука была его прибежищем и отрадой, и ей до конца дней он отдает все свои силы и мысли. Врангель был столь же тружеником моря, сколь и тружеником науки.

Люди, хорошо знавшие Врангеля, отмечали, что он всегда был удивительно скромным, умерен и чужд всяких излишеств. Но одной «прихоти», как он выражался, и притом довольно дорогой, он никогда не изменял – своей библиотеке. Его лучшими друзьями были не царские сановники, не сослуживцы-карьеристы, а ученые и мыслители, с книгами которых он не уставал беседовать в тиши своего кабинета до глубокой ночи, а то и до зари.

Интересно отметить, что по выходе романа Гончарова «Обломов» Врангель, отдавая должное огромному таланту писателя, в то же время резко осудил желание Гончарова представить в лице своего литературного героя тип русского человека. Он считал такое толкование национального характера поклепом на русский народ, энергичный и неукротимый в

¹⁹ Генерал-адъютант – почетное военное и придворное звание, которое присваивалось адмиралам или вице-адмиралам (генералам или генерал-лейтенантам).

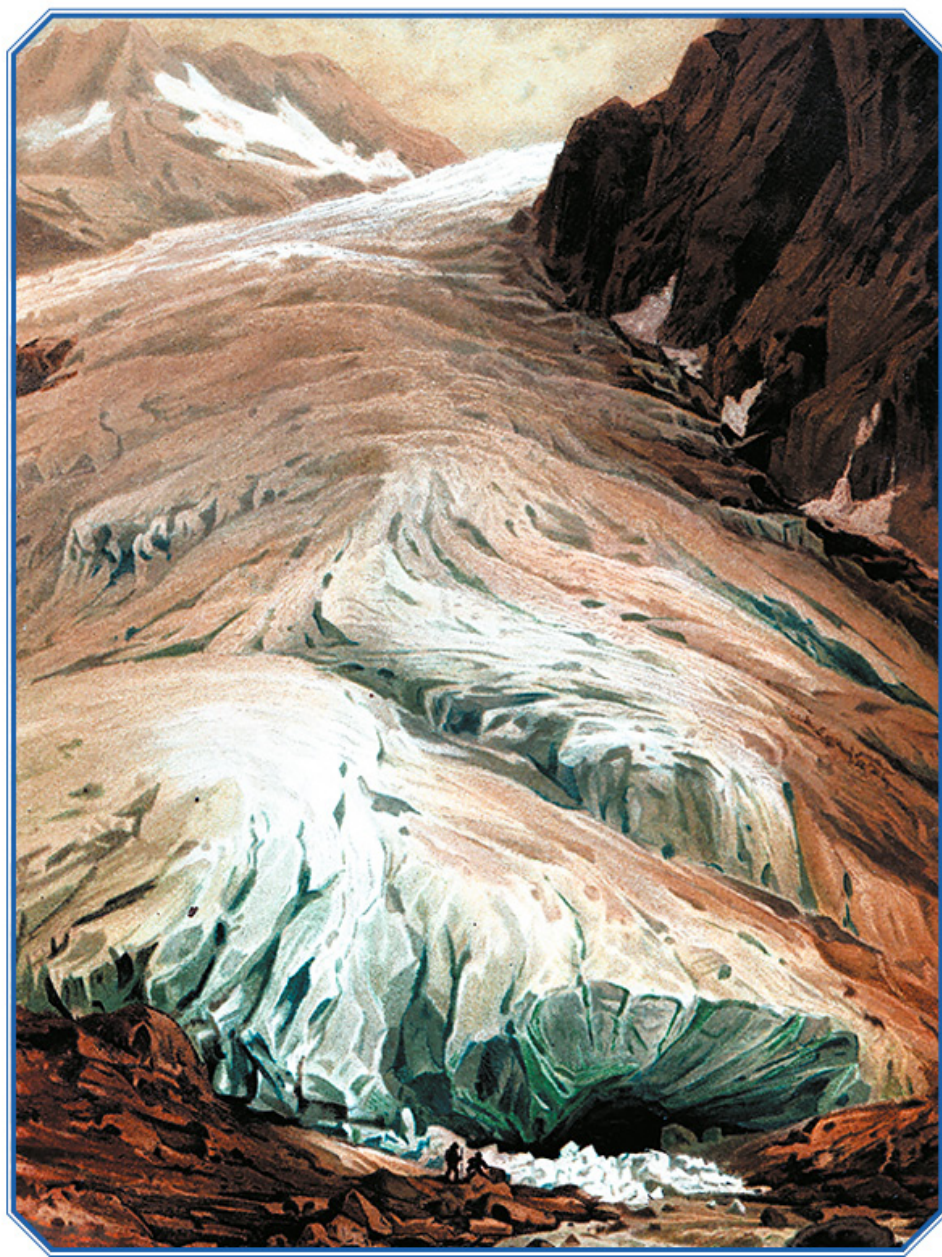
своих делах и помыслах, народ великих дерзаний и великих свершений. Всей своей жизнью сам Врангель представлял пример такого деятельного русского человека. В его трудах, направленных на процветание отечественной науки и отечественного флота, в широком гуманном взгляде на человека и землю, во всегдашней вере в русского человека проявился и жив для нас тот Врангель, память которого мы чтим до этого дня.

Врангель умер в Дерпте (Юрьев, Тарту) 25 мая 1870 года. Незадолго до смерти, как бы предчувствуя близкую кончину, он пожелал посетить места, где протекали его детство и юность. С этой целью он предпринял небольшое путешествие. Остановившись у брата в Дерпте, он скоропостижно скончался у него на 74 году жизни.

Б. Г. Островский

Часть первая

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЕВЕРНЫМ БЕРЕГАМ СИБИРИ И ПО ЛЕДОВИТОМУ МОРЮ

Часть первая

Глава первая

Историческое обозрение путешествий по Ледовитому океану, между Карским морем и Беринговым проливом, до 1820 года. – Состояние карт в то время. – Назначение отряда к северо-восточным берегам Сибири.

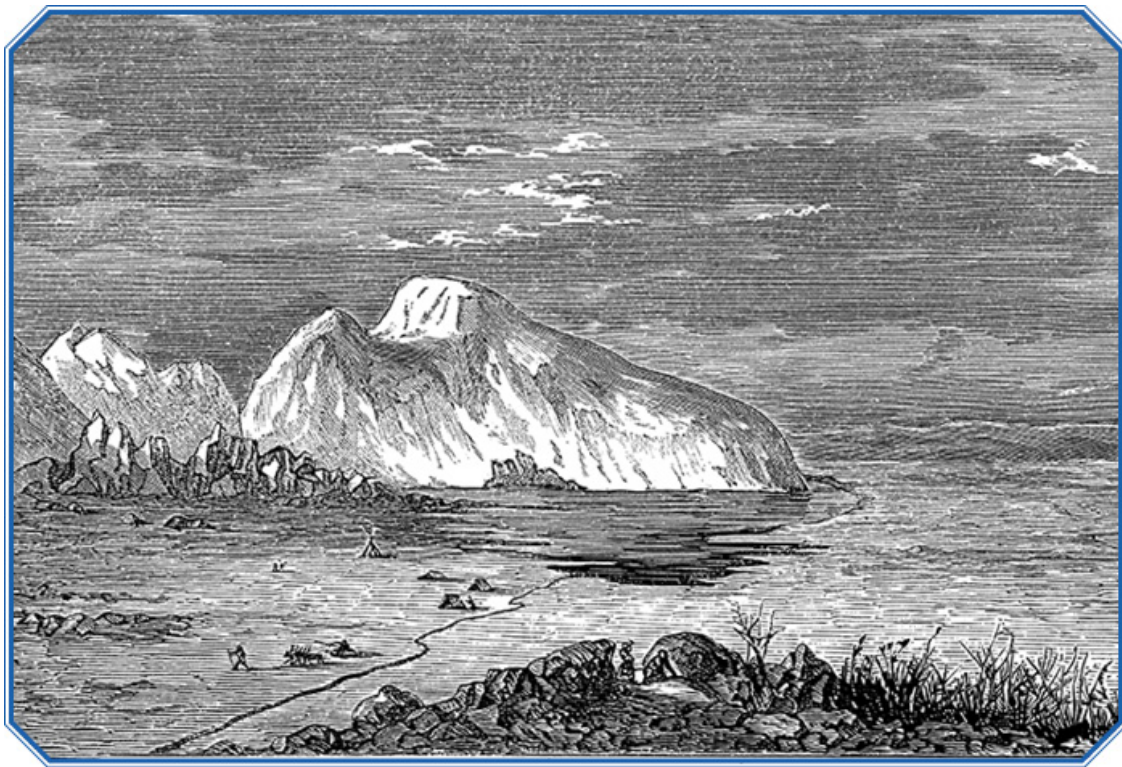
Обширное пространство земного шара, заключающееся между Белым морем и Беринговым проливом, почти на 145° долготы, по матерому берегу северной Европы и Сибири, открыто и описано россиянами. Все покушения мореплавателей других народов проникнуть Ледовитым морем из Европы в Китай или из Великого океана в Атлантический ограничены на запад Карским морем, на восток – меридианом мыса Северного. Непреодолимые препятствия, останавливавшие иностранцев в дальнем плавании, преодолены нашими мореходцами. Они более привыкли к суровости климата и пользовались всеми средствами, которые представляла им смежность с Россией Сибири, уже покоренной.

В первые времена таковых предприятий соотечественники наши были побуждаемы к этим многотрудным путешествиям надеждой на прибыльную торговлю с прибрежными жителями страны, обильной драгоценной рухлядью. Впоследствии с одобрения правительства военнослужащие отправлялись на кочах вдоль морского берега и сухопутно к устьям больших рек, в море впадающих. Цель их предприятий состояла в том, чтобы покорить жителей этих стран и собрать с них подать (называемую «ясак») звериными кожами; потом правительство неоднократно отправляло разные отряды, для того только, чтобы описать берега уже известные и искать новые.

Желая представить обозрение последовательного открытия и описей берегов Ледовитого океана от Карского моря до Берингова пролива, не буду описывать неудачного плаванья англичан Пита и Джекмена в 1580 году, блуждавших по Карскому морю среди льдов, без пользы для географии того края; плаванья адмирала Ная, в 1594 году, который полагал, что находится при устье реки Оби, когда был в губе Мутной, что в Карском море; плаванья семи судов в 1595 году, под начальством того же Ная, еще с меньшим успехом, нежели в первом путешествии; покушения Босмана в 1625 году, остановленного льдами почти при самом вступлении в Карское море. Этими предприятиями весьма мало приобретено сведений о Карском море, и даже самые пределы его остались неописанными.

В то время берега от Белого моря до реки Оби были уже известны россиянам. Ладьи их (в последней половине XVI столетия) ходили из Белого моря и реки Печоры через Карское море до рек Оби и Енисея. Иногда они совершали этот путь морем, но обыкновенно перетаскивали суда через волок между Карским морем и Обскою губою, входили в реку Мутную, впадающую в Карское море, поднимались вверх по этой реке бечевою восемь суток и достигали двух озер, в окружности от 10 до 12 миль. Там выгружали свои суда и перетаскивали через перешеек шириною около 200 сажен в озеро, называемое Зеленым, из которого течет в

Обскую губу река Зеленая. Сею рекою достигали реки Оби. Плавание из Архангельска к Оби морем продолжалось от трех до четырех недель, а из Оби в Енисей – две или три недели²⁰.

Северные отроги Урала близ Печоры.
Иллюстрация из «Живописной России». 1880 г.

Сибирская летопись сохранила известие о первом сборе ясака с енисейских самоедов в 1598 году, по повелению царя Федора Иоанновича, отправленным нарочно для этого из Тобольска Федором Дьяковым. Для надежнейшего распространения и утверждения в Сибири российских владений заложен в 1600 году при Борисе Федоровиче Годунове, в земле самоедской, на реке Тазе, новый город Мангазея, перенесенный впоследствии на реку Туруханку, где в 1607 году казаки, неутомимые в собирании ясака с кочевавших самоедов, остяков и тунгусов, построили зимовье, названное по имени реки Туруханским. Туруханкою казаки вошли в Енисей, и в 1610 году, достигнув устья этой знаменитой реки, доставили первые подробные о ней известия, последствием которых были новые предприятия.

В том же году составилось в Мангазее общество из купцов и промышленников; с двоякою целью открытий и торговли отправились они сухопутно в зимовье Туруханск, где, построив кочи²¹, пошли вниз по рекам к устью Енисея и через четыре недели увидели Ледовитое, или, как тогда называли, Студеное море; здесь встретили столько льда, что должны были стоять пять недель на месте, доколе южный ветер, разогнав льды, открыл возможность выйти в море. Известно, что они достигли устья реки Пясины²², но о дальнейших успехах этого предприятия нет никаких сведений²³.

²⁰ «Четырехкратное путешествие капитан-лейтенанта Литке», часть 1, стр. 76.

²¹ Кочи – суда плоскодонные, в длину около 12сажен, соразмерной ширины, с одною палубою, ходили греблею и под парусами при попутном ветре.

²² Сия река достопамятна тем, что некогда вся низовая страна реки Енисея называлась ее именем. Слово пясина на

Направление рек Тунгуски и Вилюя, которые имеют вершины свои на одном хребте и вливаются первая – в Енисей, последняя – в Лену, привело казаков города Енисейска в 1630 году к важному открытию величественной реки Лены.

Деятельным сибирским воеводам и предприимчивым исполнителям их воли, казакам, движимым и славолюбием и корыстью, это новое обретение было поводом к овладению дальнейшими странами Сибири.

В 1636 году отправлен из Енисейска на Лену казацкий десятник Елисей Буза с повелением осмотреть все реки, в Ледовитое море впадающие, и наложить ясак на прибрежных жителей. Буза с десятью казаками остался зимовать в Олекминском остроге, пригласил к себе 40 человек промышленников, или, как их в Сибири называют, промышленных, вместе с ними по наступлении весны отправился в путь, в две недели достиг западного устья Лены, откуда в одни сутки Ледовитым морем пришел к устью реки Оленека и, продолжая путь вверх по этой реке, зимовал у тунгусов, с которых собрал ясак. Весною Буза пустился с своим отрядом к реке Лене вышел на оную при устье речки Молоды. Оттуда на двух построенных им кочах предпринял он путь к Ледовитому морю, вошел в него по десятидневном плавании и через пять дней достиг устья реки Яны. Следуя вверх сею рекой, по трехдневном плавании встретил он якутов, с которых собрал богатый ясак.

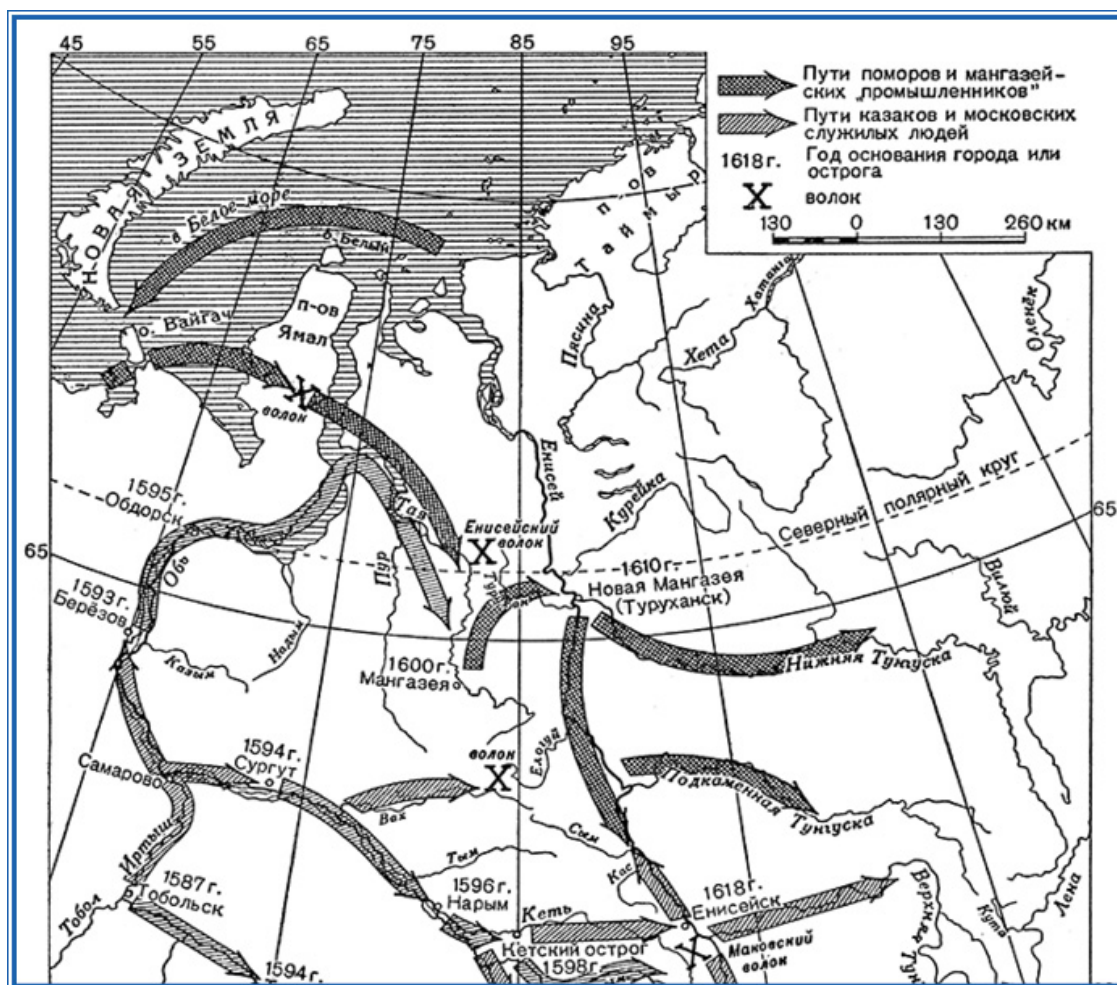
На Яне Буза построил четыре коча и в следующем 1639 году пошел вниз по реке: восточным рукавом достиг к устью узкого протока, втекающего в Ледовитое море; близ этого места, у впадающей в море реки Чендоны, нашел юкагиров, живущих в землянках, собрал с них ясак и пробыл в этих местах до 1642 года.

В то же время, когда Буза в 1638 году вошел с моря на реку Яну, некто Постник Иванов открыл с горной стороны реку Индигирку, победил живших близ оной юкагиров, основал зимовье и оставил в этом месте 16 казаков: они построили два коча, по Индигирке вышли в Ледовитое море и, простирая оным путь далее, доставили первые сведения о реке Алазее.

Неизвестно, каким путем и кем открыта река Колыма. Сибирская история упоминает в первый раз об этой реке в 1644 году, когда якутский казак Михайло Стадухин на левом ее берегу, около ста верст от устья, основал Нижне-Колымское зимовье, переименованное после в острог. Стадухин доставил известие о воинственном чукотском народе и об одном большом острове на Ледовитом море. Какая-то женщина сказывала ему, что против рек Яны и Колымы находится остров, усматриваемый с матерого берега, и что чукчи с реки Чукочьей (впадающей в Ледовитое море к западу от Колымы) зимой в один день переезжают на оленях на этот остров, где промышляют моржей, возвращаясь с добытыми моржовыми головами и клыками. Стадухин также слышал о большой реке Погыче или Ковыче, будто бы впадающей в Ледовитое море к востоку от Колымы, на три дня плавания при благополучном ветре.

самоедском языке означает ровную безлесную землю, тундру. См. «Сибирский Вестник» за 1821 год.

²³ В 1941 году группа советских гидрографов обнаружила на острове Фаддея и в заливе Симса у восточного побережья Таймырского полуострова множество древних русских вещей. изучение найденных вещей позволило установить, что они принадлежат русской торгово-промышленной экспедиции, отправившейся в плавание около 1617 года. Таким образом, было доказано, что уже в то время русские мореплаватели проникали в море Лаптевых. (Прим. ред.)

Маршруты русских промышленников и служивых людей
в Мангазею и на Енисей в XVII в.

Последовавшие путешествия частью опровергли рассказы этой женщины: остров, который описывали Стадухину обширнейшим, является на наших картах маленьким Крестовским островом, в купе Медвежьих островов; он виден с матерого берега в ясную погоду, и жители реки Большой Чукочьей доезжают до него в один день.

Первое плавание по Ледовитому морю к востоку от Колымы предпринято в 1646 году обществом промышленников под предводительством Исаия Игнатъева, родом из Мезени. Мореходцы нашли море, покрытое льдом, а между ним и матерым берегом – свободную от льдин полосу, по которой продолжали путь двое суток сряду. Войдя в губу, окруженную двумя скалами материка, увидели на берегу чукчей и выменяли у них несколько моржовых зубов. Довольствуясь открытием этой новой промышленности и, может быть, не доверяя чукчам, которых язык был им совершенно чужд, они возвратились на Колыму. Из этого поверхностного описания мы не видим, до которого именно места доходил Игнатъев; однако, судя по времени плавания, он мог быть в губе Чаун, в заливе против острова Араутана, где берег действительно горист.

Казакам и промышленникам, недавно зашедшим во вновь покоренную ими страну, но привыкшим к трудностям кочевой жизни, довольно было услышать о народе в их соседстве, еще независимом и богатом моржовым зубом, чтобы побудиться к предпринятию поисков в неизвестные места, открывавшие новое поле неутомимой деятельности. Составилось обще-

ство промышленников, к которым присоединился московского купца гостинной сотни Алексея Усова приказчик, Федот Алексеев Колмогорцев²⁴, и по просьбе его государев в Нижне-Колымске приказчик дал им служащего казака для соблюдения в предпринимаемом путешествии пользы казенной. Этот казак был Семен Иванов сын Дежнёв, вызвавшийся сотовариществовать Колмогорцеву, тот самый, который впоследствии обошел северо-восточную оконечность Азии.

В июне 1647 года с устья Колымы на четырех кочах отправились они в море; предположили отыскать реку Анадырь, о которой слыхали, будто она впадает в Ледовитое море, но по множеству льдов на пути возвратились без всякого успеха.

Известия, доставленные в Якутск основателем Нижне-Колымского острога, казаком Михаилом Стадухиным, об острове на Ледовитом море и о реке Погыче, как выше упомянуто, подали повод к отправлению этого казака вторично на Колыму с повелением отыскать реку и привести в подданство прибрежных жителей. Стадухин, отправляясь из Якутска в июне 1647 года, зимовал при реке Яне, и в исходе зимы 1648 года переехал на нартах к Индигирке, где построил коч, на котором вошел в Колыму.

В 1649 году Стадухин на двух кочах пошел из Колымы для отыскания реки Погычи; один коч разбило при самом выходе в море. Продолжая путь семь суток под парусом и не видя никакой новой реки, пристал он к берегу и послал людей своих узнать о ней от жителей, но и они ничего не знали. Берег состоял из крутого каменного утеса, так что не было возможности ловить рыбу; путешественники, крайне нуждаясь в съестных припасах, вынуждены были возвратиться и ничего не приобрели, кроме малого числа моржовых зубов. Невозможно определить, до какого места Стадухин доходил, но весьма вероятно, что в семь суток хотя и не непрерывного плавания он далеко прошел Шелагский мыс, восточнее коего берега большей частью утесисты, что согласно с описанием Стадухина.

Неудача первого покушения Дежнёва и его спутников несколько не охладила их рвения; наоборот, число охотников увеличилось до того, что на следующий же год по возвращении Дежнёва из первого путешествия, т. е. в 1648 году, снарядили семь кочей²⁵ для отыскания реки Анадыря. Неизвестно, что случилось с четырьмя кочами²⁶; на остальных трех кочах были начальниками Семен Дежнёв и Герасим Анкудинов, а над промышленниками – вышеупомянутый Федот Алексеев.

Дежнёв был так уверен в успехе, что обещал привезти с реки Анадыря семь сороков соболей, «это золотое руно того времени, – сказано в «Сибирском вестнике», – которого домогались не только казаки и промышленники, но и многие из людей высшего состояния, и для того единственно, оставляя все выгоды службы, родства, удовольствий жизни в изобилии, стремились из России в Сибирь, отдаленную и дикую страну». К чести наших соотечественников прибавить можно, что жадность корысти, побуждая их на отважные предприятия, не ознаменовывалась бесчеловечными поступками, как ненасытная алчность к золоту испанцев в Перу и Мексике. Надежды Дежнёва исполнились, но не так легко и скоро, как он

²⁴ По современным данным – Федот Алексеевич Попов, родом из Холмогор. (Прим. ред.)

²⁵ Хотя Бурней (Burnay's. Chronological History of North Eastern Voyages, p. 644) не решается назвать Дежнёва суда кочами, не находя сего наименования в выписке Кокса из подлинных отписей Дежнёва (Coxes Account of Russian Discoveries, p. 378) и выводит слово «коч» от английского Ketch – мореходное судно, отличающееся вооружением, однако я думаю, что не отступлю от истины, называя кочами все суда, на коих сибирские наши мореходы в то время ходили вдоль берегов Ледовитого моря, ибо Фишер в Сибирской истории, стр. 373, в замечании говорит: «кочи необходимо должны быть объявленной величины (12 сажень в длину); довольно того, когда они вид судна имеют».

²⁶ Бурней в Chronological History, стр. 63, говорит, что четыре коча разбились на острове к северу от Колымы и что люди с них спаслись. Я не знаю, откуда он взял сие сведение. В Хронологической истории Берха, ч. I, стр. 89, сочинитель, сообщая читателям сказку о бородатых людях, живущих будто бы в Америке, при реке Хеуверене, говорит, что известие сие последовало от того, что четыре коча, бывшие с Дежнёвым, пропали без вести. В «Сибирском Вестнике» за 1821 год сказано, что остров Котельный (против реки Яны) населен такими бородатыми людьми, но ныне известно, что остров сей необитаем, да и весьма невероятно, чтобы упоминаемые четыре коча туда занесло.

сперва предполагал. В июне месяце 1648 года отправился он в путь, не предвидя, сколько предстояло препятствий, и не помышляя, что весьма долгое время после не будет совершено подобного плавания. Дежнёву и его отважным спутникам исключительно принадлежит честь совершения морского пути из Колымы в Северный Великий океан.

Сожаления достойно, что не все происшествия этого знаменитого предприятия описаны. Дежнёв в донесениях в Якутск мало упоминает о том, что с ним случалось на море, он ни слова не говорит о препятствиях от льдов, которых, вероятно, и не встречал, ибо в другом месте напоминает, что море не всегда бывает от них так свободно. Повествование свое начинает он от Большого Чукотского Носа. Этот мыс, по замечанию Дежнёва, состоит весь из камня, находится между севером и северо-востоком, и поворачивается кругом, к стороне реки Анадыра. На русской, т. е. западной стороне Чукотского Носа, втекает в море речка Становье, близ которой чукчи устроили род башни из китовых костей. Против самого мыса лежат два острова, на которых видели чукчей с прорезанными губами и продетыми в них кусками моржовых зубов. От мыса к реке Анадыру попутным ветром можно достигнуть в трое суток и в такое же время дойти сухим путем; первый мыс от Колымы не Чукотский, а тот, который назван Святым, и для Дежнёва особенного примечания был достоин потому, что коч Анкудинова на том месте разбился, и несколько жителей взято в плен, когда они гребли на своих лодках.

В кратком, весьма недостаточном описании плавания Дежнёва не упомянуто ни о губе Чаун, ни о Колючинском острове, ни о других приметных местах, которые должны быть усмотрены на пути из Колымы до Берингова пролива. Однако описание большого Чукотского Носа, его заворот к стороне реки Анадыра, близость двух островов, дикари с прорезанными губами и продетыми в них кусками из моржовых зубов – все служит доказательством, что Дежнёв говорит о восточной оконечности Азии и что он первый прошел через пролив, до которого 30 лет после него достиг мореплаватель наш Беринг, которому приписана честь обретения этого пролива и разрешения вопроса о несоединении Азии с Америкою.

Мыс, названный Дежнёвым Святой Нос, конечно, тот, который ныне называют Шелагским мысом, ибо от Колымы к востоку этот мыс наиболее приметен по отличительной высоте и протяжению.

Бурней²⁷, стараясь доказать вероюtie соединения Азии и Америки посредством воображаемого им перешейка около Шелагского мыса, прибегает к различным странным предположениям, а именно, что Дежнёв шел не на коче, а в шитике²⁸, который расшивали на одной стороне перешейка и по переносе составных частей его на другую сторону сшивали. Таким образом Дежнёв мог вовсе не огибать Шелагского мыса. Бурней в доказательство приводит путешествие Тараса Стадухина из Колымы в Камчатку; будучи не в состоянии обойти большой Чукотский Нос, он оставил свое судно и перешел пешком через узкий перешеек на другую сторону, где построил себе судно. При нынешних сведениях о берегах Чукотской земли с большей вероятностью полагать можно, что Тарас Стадухин прошел поперек этой земли там, где залив Колючинский, вдаваясь далеко внутрь, весьма сближается с вершиною губы Св. Креста, образуя довольно узкий перешеек, соединяющий гористый полуостров с западной частью Чукотской земли. Ныне известно, что к северу весь берег Сибири омывается морем, а потому мы не имеем никакого права оспаривать у Дежнёва чести совершения морского пути из Колымы в Анадыр, тем более, что он имел намерение из Анадыра в Колыму идти морем.

²⁷ Burney's Chronol. Hist, p. 69.

²⁸ *Шитиками* в Сибири называют довольно большие лодки, у коих низ выдолблен из одного дерева, а к бокам пришиты доски ивовыми прутьями. Такая постройка трудна, ибо прутья должно парить, чтобы доставить им нужную гибкость, и Бурней обманывается, говоря о шитиках: if was customary to construct vessels in a raanner (hat admitted of thir being with case taken to pièces, by which ihey could be carried acoross the ice to the oiiter edge and there be put thogether adain, p. 69).

Обратимся к Дежнёву и его спутникам. Люди, бывшие на разбившемся у восточной оконечности Азии коче Герасима Анкудинова, перебрались на остальные два коча Семёна Дежнёва и Федота Алексеева. 20 сентября на берегу дрались с чукчами, и Федот Алексеев был ранен. Вскоре после того буря разлучила оба коча, и они уже более не соединялись. Коч Дежнёва долго несло крепкими ветрами по морю, наконец, в октябре месяце, выбросило на берег, в немалом расстоянии к югу от реки Анадыра, вероятно, близ губы Олюторской. Что случилось с Федотом Алексеевым и его товарищами, увидим ниже.

Восточный берег Енисея

Дежнёв с бывшими при нем 25-тью человеками немедленно отправился пешком для проведения реки Анадыра, отнюдь не отчаиваясь достигнуть предположенной цели. Без проводника прошел он, не прежде как через десять недель, к устью реки, в землю безлесную и необитаемую. Лишенные всех средств искать себе пропитание, не имея рыболовных снарядов и не находя диких зверей, укрывающихся в лесах, путешественники решили отправить вверх по Анадыру 12 человек, которые блуждали 20 дней и, не находя ни людей, ни пищи, большею частью от голода и изнеможения умерли; остальные вынуждены были возвратиться к стану Дежнёва. Следующего лета, 1649 года, Дежнёв с товарищами пошел²⁹ вверх рекою, и был так счастлив, что встретился с малочисленным поколением жителей этих мест, называвшихся анаулами, которые заплатили ему первый ясак, но впоследствии за оказанную ими непокорность были совершенно истреблены. Дежнёв основал Анадырский острог в виде обыкновенного зимовья, не переставая заботиться о том, как перейти на Колыму или послать о себе уведомление.

²⁹ Должно, полагать, что они построили себе лодку, или две (их было почти 20 человек), из выкидного леса, которого в Сибири около устьев рек всегда множество.

Между тем промышленники на Колыме не оставались праздными. Вскоре после неудачного покушения Михаила Стадухина к отысканию реки Погычи узнали, что название оной Анадыр, что устья ее по северному берегу Чукотской земли искать должно и что кратчайший путь туда лежит по горам, через которые провести их взялись пленные ходынцы – народ, покоренный казаками в 1650 году в верховьях реки Анюя. Составилось общество охотников из казаков и промышленников, получивших дозволение идти к Анадыру и обязать тамошние народы. В 1650 году, марта 23-го, Семен Мотора, предводитель этих охотников, взял на Анюе одного старшину из ходынцев, выступил в путь и апреля 23-го соединился на Анадыре с Дежнёвым, к обоюдному удивлению. Михайло Стадухин³⁰ пошел вслед за Моторой, провел семь недель в пути, обошел стороною зимовье Дежнёва и действовал от него отдельно. Дежнёв и Мотора, стараясь избежать неудовольствий с завистливым Стадухиным, готовились перейти к реке Пенжине, но вместо них пошел туда Стадухин, о котором не получено никаких известий.

Дежнёв и Мотора не оставались в бездействии. Они построили суда, на которых намеревались делать новые поиски. Хотя в одном из сражений с анаулами, в исходе 1651 года, Мотора был убит, Дежнёв не унывал и летом 1652 года пошел вниз реки к ее устью и на северной стороне открыл отмель³¹, на которой собирались обыкновенно моржи в большом количестве. Добыв несколько моржовых зубов, возвратился он в зимовье, считая свое приобретение достаточной наградой за все перенесенные им труды.

В 1653 году Дежнёв готовил лес для построения коча, на котором предполагал отправить в Якутск морем собранный им ясак, но недостаток в прочих необходимых потребностях и известие, что берега Чукотской земли не всякое лето бывают так чисты от льдов, как во время его плавания в 1648 году, понудили его оставить свое намерение.

В следующем году Дежнёв предпринял вторичное путешествие к вышеупомянутой мели, на которой было много моржей, и взял с собой казака Юшку Селиверстова, недавно прибывшего из Якутска с предписанием в пользу казны промыслять моржовые зубы. Селиверстов утверждал, что он и Стадухин открыли эту мель, названную Анадырской коргой, будто бы ими найденною в первое морское путешествие с Михаилом Стадухиным (в 1649 году), но Дежнёв доказывал противное. Возникшему от того между ними несогласию обязаны мы известием о знаменитом плавании Дежнёва. Опровергая утверждения Селиверстова, он приводит в донесениях якутскому воеводе разные обстоятельства своего путешествия, которые в 1736 году собраны Миллером из подлинных бумаг Якутского архива.

Дежнёв, продолжая плавание к корге, держался берега, видел коряков и между ними узнал якутку, жившую прежде с Федотом Алексеевым; она сказала ему, что Федот и Герасим (Анкудинов) от цинги умерли, многие из их товарищей убиты, а малое число спаслось на лодках, но куда и что с ними случилось, она не знала. Впоследствии открылось, что они достигли реки Камчатки, где, проживая некоторое время в большом уважении у камчадалов, пали наконец жертвами собственных раздоров, подавших корякам и камчадалам случай их убить.

После этого нет дальнейших сведений о Дежнёве, который провел 6 лет (с 1648-го по 1654 год включительно) в неутомимой деятельности, среди дикого народа, в стране, им открытой и частью покоренной. Возвратился ли он в свою отчизну или сделался жертвой своей смелости – не находим известия в сочинении историографа Миллера³².

³⁰ В «Сибирском Вестнике» ошибочно сказано, что Стадухин отправился морем. См. Миллер. *Nachrichten von Seereisen*, р. 15.

³¹ *Корга*, на сибирском наречии.

³² Дежнёв оставался на Анадыре до 1662 года. Затем доставил «костяную казну» в Якутск и оттуда был послан в Москву. Сохранилась его челобитная о выдаче жалованья, заслуженного за 19 лет – жалование было выдано. В 1665 году Дежнёв выехал обратно в Якутск, служил там до 1670 года. Вернулся в Москву в 1672 году и через год скончался. (Прим. ред.)

Каким великим опасностям подвергались простиравшие плавание по Ледовитому морю, читатели увидят из следующего в «Сибирском вестнике» помещенного описания путешествия нескольких казаков под начальством казака Булдакова.

В 1649 году Булдаков послан из Якутска на реку Колыму приказчиком. Прозимовав в Жиганске, он прошел июня 2-го 1650 года в устье Лены, но за восточным и северным ветрами, нанесшими к берегу множество больших льдин, вынужден был стоять четыре недели. По наступлении благополучного ветра отправился он под парусами в Омолоеву губу, где встретил льды, между которыми коч его был восемь дней и немало повредился. Приближаясь к островам против устья Лены, решился он пристать к одному из них; двое суток пробивались между льдинами. Булдаков, по продолжавшимся ветрам то с моря, то с берега, простояв на месте шесть дней, увидел, что море ото льда как будто очистилось, и пустился вторично в Омолоеву губу, но, к несчастью, опять попал между льдинами, которые препятствовали идти далее, а потому и пошел он к реке Лене.

При ее устье стояли восемь кочей, принадлежавших казакам и промышленникам, готовых выступить в море. Когда настал ветер с берега и море очистилось ото льда, все кочи вместе пошли к Омолоевой губе, в которой был также наносный лед; сквозь него пробивались не без затруднений. На другой стороне губы находится остров; протоком между этим островом и берегом обыкновенно хаживали кочи, но в то время проток был совершенно затерт льдом, осевшим на дно моря; путешественники с усилием разломали лед и вывели свои кочи; в этом месте встретили еще четыре коча, которые шли с Колымы на Индигирку.

Июля 15-го по выходе кочей из протока настал попутный ветер, и все суда в одни сутки достигли устья реки Яны. Здесь опять они встретили столько льда, что могли быть раздавлены, ежели бы по отлогости морского берега, препятствующего большим льдинам приближаться к нему, не оставался для них свободный путь. Следуя возле берега, они благополучно миновали Святой мыс, который по северному его положению с давних лет мореплаватели считали самым опасным местом.

На другой день Булдаков достиг Хромской губы. Она была наполнена строчными льдинами, затруднявшими плавание кочей, особенно когда от ночных морозов намерзал новый лед, которым 30 августа покрылось все море: тогда пять кочей находились недалеко от берега, на глубине одной сажени. Предприимчивый и отважный Булдаков, надеясь, что лед уже достаточно тверд, вздумал груз перетаскивать на берег; но надежда его обманула, ибо 1-го сентября, когда лед был толщиной на полпядени³³, подул с берега жестокий ветер, которым лед изломало, кочи занесло далеко в море и носило пять дней; потом ветер стих, море замерзло, и на третий день можно было ходить по льду. Тогда Булдаков послал несколько человек, чтобы узнать, как ближе подойти к берегу.

Они нашли в расстоянии на один день езды бывший с ними коч казака Андрея Горелова, стоявший во льду, и хотели перенести скарб и запас на этот коч, чтобы ближе быть у берега, но вдруг в море прибыла вода, и лед изломало; к тому же поднялся сильный ветер, которым занесло кочи, вместе со льдом, еще далее в море, и так быстро, что под парусами невозможно идти скорее. Через пять дней ветер утих, и кочи в третий раз замерзли во льду. От стечения стольких бедствий спутники Булдакова были в отчаянии и, чтобы избавиться от очевидной гибели, взяв каждый из своего скарба и съестных припасов, сколько мог везти на санях, отправились к берегу, но не избегли преследовавшего их несчастья. Лед изломало, и они вынуждены были санки свои перетаскивать с одной льдины на другую, а сами переправлялись с помощью шестов и веревок. Между тем видели, как кочи их, один после другого, разбивало льдом.

³³ Пядень, или пядь, – старорусская мера длины, равная 1/12 сажени, 1/4 аршина, 4 вершкам, 7 дюймам – всего 17,78 см. (Прим. ред.)

Напоследок, изнуренные цингой, стужей, голодом и трудом, вышли на берег близ устья реки Индигирки и при разных бедственных случаях продолжали путь вверх по ней, до Уяндинского зимовья, где нашли себе успокоение от болезней и трудов и провели всю зиму.

Два года после плаванья Булдакова, т. е. в 1652 году, на место его начальником острога на Колыму послан пятидесятник Иван Ребров. Ему в особенности предписано с подробностью осведомиться о большом острове, который, по донесению Михайла Стадухина, находится на Ледовитом море. Миллер не отыскал в Якутском архиве никаких доказательств о существовании этого острова и говорит, что рассказы Стадухина были совершенно забыты, доколе наконец в 1710 году, февраля 20-го, Якутская канцелярия собрала несколько изустных показаний от казаков, которые простирали плавание Ледовитым и Камчатским морями. Следующие известия непосредственно относятся до предназначенных нам изысканий.

Между 1661-м и 1678 годами служивый Никифор Мальгин с торговым человеком Андреем Воропаевым на коче ходили с Лены на Колыму. До Святого Носа следовали они большей частью возле берега; потом, по причине примкнувшего к берегу льда, держали мористее. На этом пути бывший с ними кочевник Родион Михайлов указал им лежащий по эту сторону Колымы вдаль остров, который они все видели, а по прибытии их в Колыму купец Яков Вятка сказывал Мальгину, что однажды в плаваньи из Лены в Колыму на девяти кочах, три отнесены к сему острову, и посланные на берег видели следы неизвестных зверей, но людей не видали.

Торговый человек Тарас Стадухин также говорил Мальгину, что за несколько до того лет он с 90 человеками на коче ходил с Колымы морем к Чукотскому Носу, которого водой обойти не могли, а перешли на другую сторону его пешком и, построив коч, шли возле берега до устья реки Пенжины.

Некто Михайло Насеткин показал, что в 1702 году, путешествуя по Камчатке, видел с южной оконечности ее землю; после того на пути между Колымой и Индигиркой усмотрел в море еще землю, о которой кочевник Данил Монастырский сказывал ему, будто она соединяется с берегом, против Камчатки лежащим, и простирается далее против устья Лены.

В 1710 году получено в Якутске письменное показание устьянского казака Якова Пермякова, что на пути из Лены в Колыму он видел против Святого Носа остров и что против устья реки Колымы находится остров и на нем есть горы, усматриваемые с морского берега.

Остров, который видели Мальгин и Вятка, может быть один из островов, лежащих против реки Яны, или Крестовский остров из числа Медвежьих. Михаил Насеткин говорит о первом Курильском и первом Медвежьем острове; словам Монастырского верить нельзя. Показание Якова Пермякова, без сомнения, касается первого Ляховского и Крестовского островов.

Носившиеся таким образом слухи, а частью и достоверные известия о находящихся на Ледовитом море островах, побудили якутского воеводу Трауернихта произвести о этом изыскание с возможною подробностью, особенно, когда в 1711 году сибирский губернатор князь Гагарин писал ему: «Сказывали мне казаки и дворяне якутские, что ваша милость изволит нарядить казаков, также и охотников отпустить на новую землю, что остров против реки Колымы, и удержался-де, мой государь, за тем, что без указу не смели, и ваша милость того медлить не изволь».

Трауернихт отправил два отряда – один к устью реки Яны, другой на Колыму; им предписали осмотреть Ледовитое море летом или зимой и не возвращаться, покуда не разрешат вопроса об островах или новой земле.

Первый отряд из 11 казаков поручен казаку Меркурию Вагину. Он отправился из Якутска 1711 года осенью; выехал из Усть-Янска на нартах в мае месяце 1712 года и, держась берега до Святого Носа, пустился прямо на север. Они приехали к одному острову, на котором не было никакого леса; вокруг него езды 9 или 12 дней. С этого острова видели другой

остров или землю, но за поздним временем и по недостатку в съестных припасах отправились назад к матерой земле, с тем, чтобы летом запастись рыбой и следующей зимой опять выступить в путь. Они вышли на берег между Святым Носом и рекой Хромой при урочище, где якутский казак Катаев в прежние времена поставил крест, почему оно прозвано «Катаев крест».

Оттуда направили путь на Хрому для рыбного промысла, но, не имея съестных припасов, вынуждены были есть собак, на которых ехали, наконец и мышей, и потому должны были возвратиться к морскому берегу, где прожили все лето, питаясь рыбой, дикими гусями, утками и их яйцами. Бывшие с Вагиным казаки, устав от пребывания в этих местах и опасаясь, что на пути к усмотренному острову будут подвержены еще большим нуждам и голоду, убили Вагина, его сына, одного казака и одного промышленника. По возвращении в Усть-Янск убийцы скрыли преступление разными вымыслами, и об острове не упомянули ни слова. Положение первого Ляховского острова объясняет обретение Вагина; величина его, конечно, не соответствует показаниям, но преувеличения важности обретения весьма часты в повествованиях древних путешественников.

Второй отряд, воеводой Трауернихтом отправленный, состоял из 22-ух человек, на одном шитике³⁴, под управлением казака Василия Стадухина. Из донесения его от 28 июля 1712 года видно, что он усмотрел на восточной стороне Колымы протянувшийся в море мыс, окруженный непроходимыми льдами, но не заметил никакого острова, и что жестокой погодой с моря отнесло его назад, причем он едва не погиб. Стадухин, вероятно, говорит о Шелагском мысе, который предшественники его называли Святым Носом.

В 1714 году были еще два подобных отправления казаков Алексея Маркова и Григория Кузякова. Первому велено идти в море с устья Колымы, и ежели увидит, что шитики неудобны, дозволено построить другие суда. Каждому дано было по одному матросу из присланных Гагариным в Якутск для предположенной морской экспедиции из Охотска.

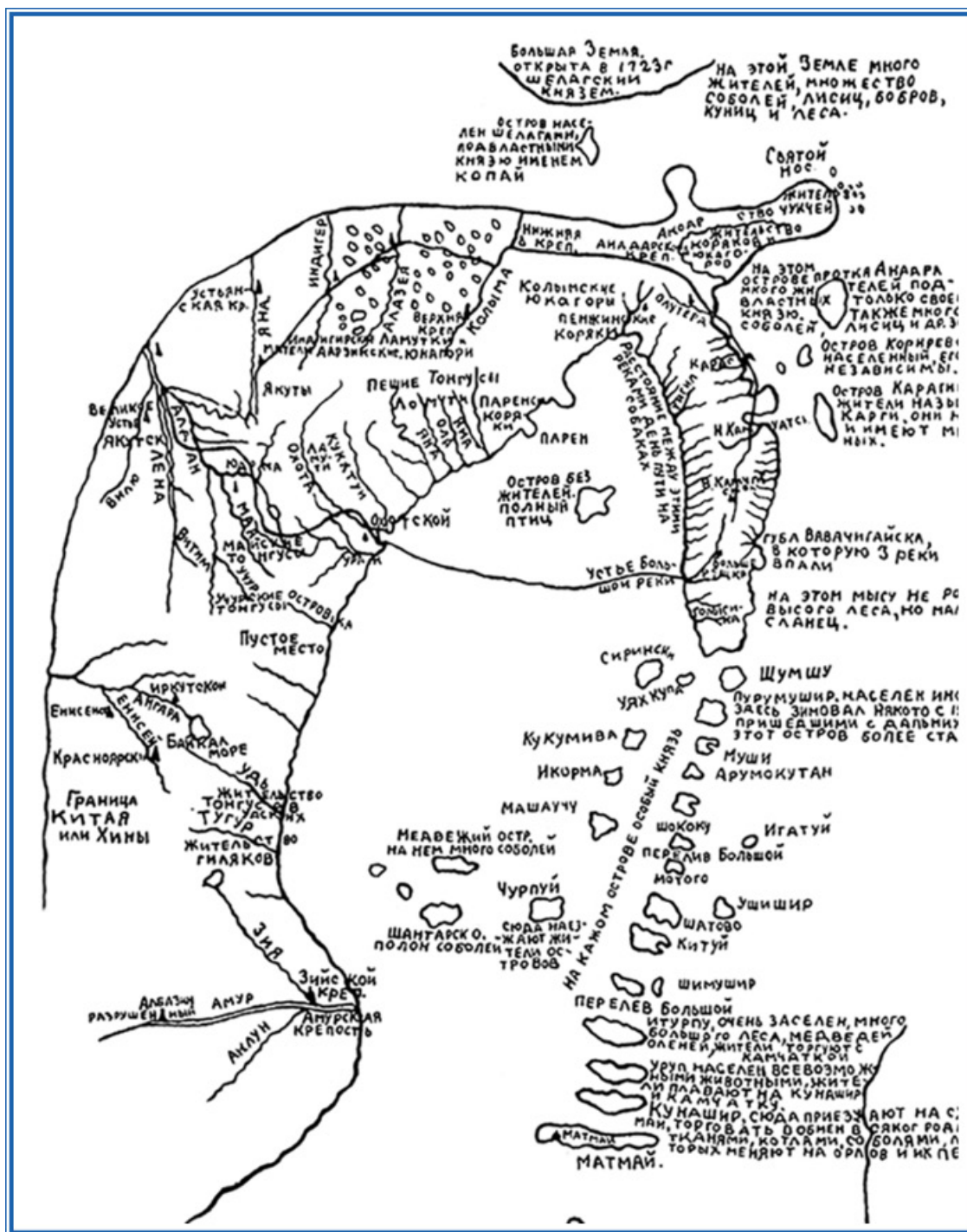
Марков по приезде в Усть-Янское зимовье, послал 2-го февраля 1715 года в Якутск донести, что на Святом море летом и зимой всегда стоит лед, и потому в назначенный путь невозможно отправиться иначе, как нартами на собаках; он отправился 25 марта, взяв девять человек. 3 апреля возвратился он опять в Усть-Янское зимовье и привез известие, что ехал по морю прямо на север семеро суток с самой большой, на собаках возможной скоростью, но ни земли, ни острова не видел, достиг такого места, где льдины стояли, как высокие холмы, поднимался на них и вдали не увидел никакого берега. Из-за недостатка корма для собак многие с голоду издыхали, и ими кормили остальных. В 17 дней непрерывной езды Марков не мог проехать более 680 верст, или 340 верст в одну сторону; следовательно, правя на север, он должен бы увидеть какой-либо остров из лежащих против устья реки Яны и Святого Носа, а потому в справедливости показаний Маркова нужно сомневаться.

О путешествии Кузякова не найдено никаких сведений, кроме услышанного Миллером от якутских жителей, будто бы Кузяков также отправился в море на собаках, и предприятие его было так же безуспешно, как и Маркова.

Такие неудачи остановили на некоторое время предприимчивых казаков в дальнейших покушениях, но в 1723 году сын боярский Федот Амосов опять обратил внимание на какой-то остров, простирающийся от устья Яны до устья Индигирки и далее. Он вызвался покорить жителей острова и для исполнения такого предприятия отправлен с отрядом. Вместо того, чтобы поиски начать с Яны или Индигирки, поехал он на Колыму. При самом выходе из

³⁴ Шитики того времени были длиной в пять сажень, шириной в две сажени, с палубой, плоскодонные, конопачены мхом: вместо веревок и канатов на шитиках употребляли ремни лосиные; паруса бывали ровдужные, якоря деревянные, с навязанными камнями. Ныне шитиками называют беспалубные большие рыбацкие лодки; о якорях прибрежные жители понятия не имеют, и паруса ровдужные употребляют весьма редко. Ровдуга – оленья шкура, выделанная в замшу.

устья этой реки, июля 13-го³⁵ 1724 года встретилось такое множество несущегося льда, что не решился он продолжать путь далее.

Карта, составленная якутским казачьим головой
Афанасием Шестаковым в 1726 г.

³⁵ В «Сибирском Вестнике» сказано – апреля 18-го, а у Миллера – июля 13-го; сие последнее согласнее с показанием Амосова, что в море несло лед.

Между тем промышленник Иван Вилегин подтвердил слух о помянутом острове, рассказывая, что в ноябре 1720 года он ездил вместе с промышленником Григорием Санкиным с устья реки Чукочьей по льду на тот остров или землю, но за непрерывными ветрами и туманом они не могли ехать вдаль, почему и не знают, твердая ли то была земля или остров и есть ли на нем жители и растет ли лес³⁶. Видели старые юрты и места прежде бывших юрт, но не могли узнать, какому народу они принадлежат.

Землю эту при ясной погоде можно усмотреть с реки Чукочьей, и казалось, что она простирается мимо Индигирки и Святого Носа до меридиана реки Яны, с одной стороны, а с другой – мимо устья Колымы и далее, до жилищ шелагов – поколения чукчей. Вилегин заключал так по рассказам какого-то Копая из племени шелагов и полагал, что достигнуть до этой земли водой ни с устья реки Колымы, ни с Чукочьей и Индигирки невозможно по причине множества льда, но против жилищ шелагов море бывает чище, и потому должно искать земли с этой стороны.

Амосов, утвердись на этом мнении, пошел морем возле берега к жилищу Копая, которого достиг 7-го августа 1723 года, но по множеству льдов не только не мог продолжать путь, но даже с трудом возвратился.

В следующую зиму Амосов решился для открытия острова ехать на нартах, и прислал о своем путешествии в Якутскую воеводскую канцелярию следующее донесение: «Отправившись в намеренный путь из Нижне-Колымского зимовья ноября 3-го 1724 года, нашел я на море остров или землю и оттуда 23-го того же месяца возвратился обратно на Колыму. На той земле видел старые земляные юрты, а какие в них жили люди и куда сошли, неизвестно. Наконец, съестных припасов и корма для собак не достало; для этой причины невозможно было ничего более и проведывать. Путь по льду был весьма труден, потому что море замерзло не гладко. Везде стояли высокие льдины, и лед от выступающей морской соли был шероховат»³⁷.

В бытность свою в Якутске Миллер лично спрашивал Амосова об его путешествии. По словам его, жилище Копая – на 200 верст к востоку от устья Колымы, близ небольшого острова, возле самого берега лежащего. От матерой земли между реками Чукочьей и Алазеей езды до открытого Амосовым острова один день, и вокруг одного столько же; на этом острове горы немалой высоты, которые видимы и с матерой земли; из животных попадались олени; служащий для них пищей мох растет по всему острову.

Обретение Вилегина и Амосова одно и то же. Оба они были на первом Медвежьем острове, на котором прежде их бывали промышленники и, по слухам, давно, уже имели о нем сведение. Вилегин, не зная, что находился на маленьком острове, и услышав, вероятно, об усмотренной против Яны земле (первый Ляховский остров), вообразил, что эти две земли соединяются и составляют берег одной обширной земли. Но можем ли мы полагаться на показание Копая? Его жилище было, без сомнения, возле острова Сабадея (около 200 верст от Колымы, как Амосов Миллеру рассказывал), а против этого места к северу на $2\frac{1}{4}^{\circ}$ по широте (около 230 верст) мы в 1821 году ни малейших признаков земли не нашли, да и чукчи, живущие около Шелагского мыса, с которыми в 1822 году мы имели сношения, не знали ни о какой земле в этих странах, хотя и не скрывали от нас, что со скалы Якан (около 200 верст к востоку от Шелагского мыса и в 300 верстах от жилища Копая) иногда видны в море горы.

Может быть, Копая и Вилегину то было известно, но удивительно, что они, говоря об одном только острове против Колымского устья и о Большой Земле, за ним лежащей, не знали о прочих четырех островах, составляющих одну купу с островом, который усмотрен

³⁶ В «Сибирском Вестнике» сказано, что Вилегин нашел тут лес, но у Миллера того нет.

³⁷ Описание этих путешествий и некоторых из следующих заимствованы мною из «Сибирского Вестника» на 1821 год, а поправлены, где были несогласия, с сочинением Миллера.

Вилегиным. Не должно ли заключить, что эти-то четыре острова и приняты за Большую Землю?

Карты наши в то время были сообразны поверхностному обозрению северных берегов Сибири, которые от Карского моря до восточной оконечности Азии в продолжение половины столетия открыты казаками и промышленниками, неутомимыми в трудах, но не имевшими никаких познаний. Все путешественники, бывшие до того времени при упомянутых берегах, также не имели способов и нужных сведений для изображения берега с некоторой верностью, и потому карты наши составлены были, так сказать, наугад, на основании сбивчивых, темных рассказов.

Казацкий полковник Шестаков, приехавший в 1726 году из Северной Сибири в С.-Петербург, сочинил карту, которую напечатали, а потом скопировали в Париже географы Делиль и Бюаш. На этой карте остров Копай назначен на расстоянии двухнедельной езды от матерого берега и по параллели занимает такое же пространство, какое находится между противолежащими сему острову реками Колымой и Алазеей; на карте написано, что остров Копай обитаем непокорными шелагами. За ним к северу проведен берег Большой Земли, и в надписи сказано, что отстоит он от острова Копая на неполный двухдневный переезд (следовательно, остров от матерого берега Сибири далее, нежели от Большой Земли).

Против северо-восточной оконечности Азии на востоке означен большой остров со следующей надписью: «Остров против Анадырского носа; на нем многолюдно и всякого зверя довольно; дани не платят, живут своей властью».

Северный берег Чукотской земля проведен довольно ровной чертой, и губа Чаун и Шелагский мыс неприметны.

Другая карта, попавшаяся историографу Миллеру, сочинена якутским дворянином Иваном Львовым. На этой карте изображены два носа. Крайний к северо-востоку, обыкновенно называемый Чукотским Носом, или Восточным мысом, назван Шелагским и не ограничен. Другой, лежащий прямо на юг от первого, назван Анадырским Носом, и между этими двумя мысами, в обширной губе, положен остров, обитаемый чукчами, а против Анадырского Носа назначены два острова один другого к берегу ближе, со следующей надписью: «До первого острова от берега езды водой полдня. На нем обитают люди, которых чукчи называют ахьюхалят. Они говорят особым языком; платье носят из утиных кож: питаются моржами и китами. За недостатком у них на острове лесу, варят рыбьим жиром».

Другой остров от первого находится в расстоянии двух дней езды водой. Жители одного называются по-чукотски пеекели. Они щеки пронимают и вставляют в них зубы; живут в крепких местах; платье носят из утиных же кож». За этими островами изображена большая земля с надписью: «Чукчами именуются кичинэлят. Эти говорят особливым языком; платье носят соболье; живут в землянках, а бой у них лучной. Звери в них водятся всякие, которых кожи употребляют на платье. Лес там растет ельник, сосняк, лиственник и березняк».

Миллер упоминает еще о карте, в Якутске же сочиненной. На этой карте Шелагский Нос также не ограничен, и против него проведена неограниченная земля, где надписано: «Обитаемая народом кыкыкме, который подобен юкагирам». Над Шелагским Носом надписано: «Жители говорят языком особливым. На бою весьма жестоки, и покорить их не можно. Хотя из них кто и в полон попадет, тот сам себя убивает».

Не только на картах, составленных в Якутске самоучками-географами, но и на сочиненной Берингом в 1728 году, по возвращении его из первого плавания к восточным берегам Чукотской земли, не отличают Шелагского Носа, а чтобы согласить карты с плаванием Дежнёва, присовокупили к последнему мысу, на некоторых картах, название Святого Носа, а на других, полагаясь на вышеупомянутую карту Львова, оставляли Шелагский его мыс на севере неограниченным, и тем изъявляли сомнение о плавлении Дежнёва; но должно заметить, что оно не было известно сочинителям тех карт, ибо Миллер первый нашел сведение

о нем в якутском архиве 1736 года³⁸. В названной на одной карте Большой Земле, за островами против Анадырского Носа, мы узнаем северо-западный берег Америки, и Большая Земля против Шелагского Носа также назначена по неосновательным сведениям о дальнейшем протяжении того берега на север. Предположение наше объясняется следующим обстоятельством.

В 1711 году якутский казак Попов, который из Анадырского острога ездил на Чукотский Нос, между прочим сказывал: «Напротив Носа, по обеим его сторонам, как в Колымском, так и в Анадырском море, виден остров, называемый чукчами Большой Землей, на которой живут народы с продетыми в щеки большими зубами», и пр. Потом говорится о берегу, простирающемся южнее и севернее Чукотского Носа (конечно, о берегах Америки), и слова ясно доказывают, что тогда называли Колымским морем часть океана к северу от Чукотского полуострова, а находящуюся по южной стороне его – Анадырским морем. Восточную часть Чукотского полуострова, следовательно, и ту часть берега, где тогда назначили Шелагский мыс, Попов называет Чукотским Носом. Итак, по моему мнению, из этого ясно видно, почему на картах, составленных по сбивчивым рассказам безграмотных людей, назначена против Шелагского Носа Большая Земля.

Выше упомянуто, что известный географ Делиль перенес и на свою карту неверности Шестакова карты. На изданной Делилем в 1728 году карте изображены: остров против Колымского устья, в широте 73°, а за ним, в широте 75°, Большая Земля, будто бы открытая россиянами в 1723 году по указанию шелагского князя Копая; но в означенном году ездил Амосов к Копая, и не сделано никаких новых открытий.

При обстоятельном рассмотрении бывших в то время известий о Большой Земле в Северном Ледовитом океане не найдено ни одного, которое достойно и малой вероятности. При нынешних сведениях наших об этих странах было возможно несколько пояснить неосновательность географии Северо-Восточной Азии и находить незначущие острова или чистое море там, где в начале XVIII столетия полагали обширные земли.

Следующие путешествия совершены нашими мореплавателями единственно для исправления карт северных берегов Сибири.

В царствование императрицы Анны Иоанновны предпринято опознание берегов Сибири от Белого моря до Берингова пролива, и исследование возможности Ледовитым морем пройти из Архангельска в Камчатку. Адмиралтейств-Коллегия, для лучшего исполнения этого предприятия, положила отправить мореплавателей в Ледовитое море в одно время из трех разных мест: 1) от города Архангельска два судна на восток до устья Оби; 2) из реки Оби на восток, до устья Енисея одно судно; 3) из реки Лены два судна – одно на запад к устью Енисея, другое на восток, мимо устья Колымы до Берингова пролива.

Для первого отряда коллегия сделала все нужные распоряжения, предоставив главному командиру Архангельского порта выбор и снабжение судов. По совету мореходцев того края построили два коча – «Экспедицион» и «Обь», длиной в 52 ½ фута, шириной в 14 футов, глубиной в 8 футов. Экипаж каждого судна состоял из 20 человек; командирами назначены лейтенанты Муравьев и Павлов.

Они отправились от города Архангельска 4 июля 1734 года, достигли Мутного залива (в Карском море) и возвратились зимовать к устью реки Печоры. В июне месяце 1735 года вышли опять в море, прошли не далее, как в прежнее плавание, и зимовали по-прежнему в реке Печоре. Адмиралтейств-Коллегия, уважив представление лейтенанта Муравьева, что он не мог иметь желаемых успехов оттого, что ходил на кочах, приказала построить у города Архангельска два палубных бота, длиной в 60 и 50 футов, и отправить оные под коман-

³⁸ Миллер всего лишь «переоткрыл» плавание Дежнёва. На самом деле открытие Дежнёва нашло отражение на современных ему картах и только потом было забыто. (Прим. ред.)

дой лейтенантов Скуратова и Сухотина; на место лейтенанта Муравьева поступил лейтенант Малыгин, который был тогда на реке Печоре. Мая 27-го 1736 года на коче «Экспедицион» он пошел вниз по реке; 29-го против устья коч льдом разбило, и едва могли спасти людей и часть груза. Исправив немедленно другой бывший с ним коч «Обь», Малыгин отправился в путь 17 июля.

Преодолевая чрезвычайные затруднения от льдов, задержанный долгое время под островом Долгим, где 7-го августа присоединились к нему вышеупомянутые боты под начальством лейтенантов Скуратова и Сухотина, Малыгин пересел на первый бот, а на второй определил Скуратова; Сухотина на коче «Обь» отправил в Архангельск и с двумя ботами дошел до реки Кары, где остался зимовать. Сухотин возвратился в Архангельск благополучно.

В этом же году, в июле и августе месяцах, геодезист Селифонтов объехал на оленях западный берег Обской губы и, переехав на карбасе к острову Белому, осмотрел часть его южного берега. В ноябре присоединился он к лейтенанту Малыгину. В следующем году, марта 16-го, Селифонтов отправлен вторично на оленях с самоедами к Ледовитому морю для описи матерого берега и острова Белого. Действия его неизвестны.

В начале июня 1737 года вскрылась река Кара, но так как море освобождается ото льда не прежде половины июля, то Малыгин и Скуратов, с общего совета, положили пробыть на месте до 1-го июля. В половине июня показалась между служителями цинготная болезнь, которую однако успели истребить противцинготными травами, растущими по окрестным тундрам³⁹.

Обдорские остячка и остяк

3-го июля наши мореплаватели достигли устья реки Кары; в море видно было еще весьма много льда. Направили плавание по возможности к северу; наконец 23-го июля усмотрели остров Белый и 24-го легли на якорь в проливе, отделяющем остров от матерого берега. Широту определили 73°8'. Прилив шел от W только четыре часа, а отлив восемь часов от О. Первый приносил с собой соленую воду, последний – пресную. Течение отлива

³⁹ Четырехкратное путешествие капитан-лейтенанта Литке, стр. 87.

было многим сильнее течения прилива, которое иногда было едва ощутительно. Прикладный час 3 часа, возвышение воды 1 ½ фута. Пролив усеян мелями, между которыми бывают сильные спорные течения. Противные ветры задержали лейтенанта Малыгина в этом проливе 25 дней. Обогнув (по Миллеру) мыс, называемый самоедами Ялмал, 18-го августа боты вошли наконец в Обскую губу, 11 сентября в реку Обь, 5 октября в реку Сочву, где и зимовали; служителей поместили в Березове по квартирам. Лейтенант Малыгин возвратился берегом в С.-Петербург; Скуратов и подштурман Головин на прежних ботах 11 августа 1739 года пришли в реку Двину, испытав на пути множество опасностей от льдов.

Другие два отряда, которым надлежало осмотреть берега от реки Оби к востоку, поступили в распоряжение командора Беринга. Он приказал построить в Тобольске дубель-шлюпку, названную «Тобол», назначил командиром лейтенанта Овцына и снабдил его наставлениями, данными Адмиралтейств-Коллегией. Дубель-шлюпка была длиной 70, шириной 15, глубиной 8 футов, двухмачтовая, с восемью двухфунтовыми фальконетами; вооружена как шнява; экипаж состоял из 53 человек; сверх того иеромонах, штурман и геодезист⁴⁰.

15 мая 1734 года по совершенном изготовлении дубель-шлюпки «Тобол» лейтенант Овцын отправился из Тобольска вниз по Иртышу, и с ним несколько дощеников, нагруженных провиантом и морской провизией. Тобольский губернатор Плещеев, флота капитан Чириков и профессора Академии наук, находившиеся при Камчатской экспедиции, проводжали лейтенанта Овцына несколько верст: девять дней он шел вниз по Иртышу, миновал многие русские деревни и остяцкие юрты; 24-го мая остановился на короткое время при устье этой реки, у большой слободы, называемой Самаховский Ям, и, переменяя проводника, продолжал путь далее, вниз по реке Оби.

2-го июня пришел он к городу Березову, принял на суда проводников и служителей, назначенных в дополнение к имеющейся у него команде. Через три дня отправился далее, и 12-го в полдень достиг Обдорского острожка, последнего российского селения при реке Оби.

15-го Овцын пришел к устью реки Оби, где она впадает в Обскую губу тремя рукавами, и по восточному, в котором глубина больше, вышел в губу 19-го июля. В это время от сильного и крепкого ветра дощеники так повредились, что плаванья на них продолжать было невозможно; один разломали, из леса построили на берегу магазин и выгрузили в него провиант и прочие запасы. При этом месте семь озер, почему и назвали оное Семиозерным. Широта по наблюдениям найдена 65°36'.

Оставив караул при магазинах, 21-го Овцын продолжал путь далее, возле правого берега Обской губы. 26-го послал на лодках унтер-офицера и семь человек служителей вперед к Ледовитому морю для доставления при устье Обской губы знаков и для встречи ожидаемых из города Архангельска судов; по препятствию от противных ветров и мелей, между которыми надлежало искать фарватер, Овцын шел вперед по Обской губе к северу весьма медленно. 6-го августа пришел он в широту 70°4' и, опасаясь пускаться далее по приближавшейся осени и наставшим морозам, решился идти зимовать к Обдорскому острожку и прибыл к нему 4-го сентября.

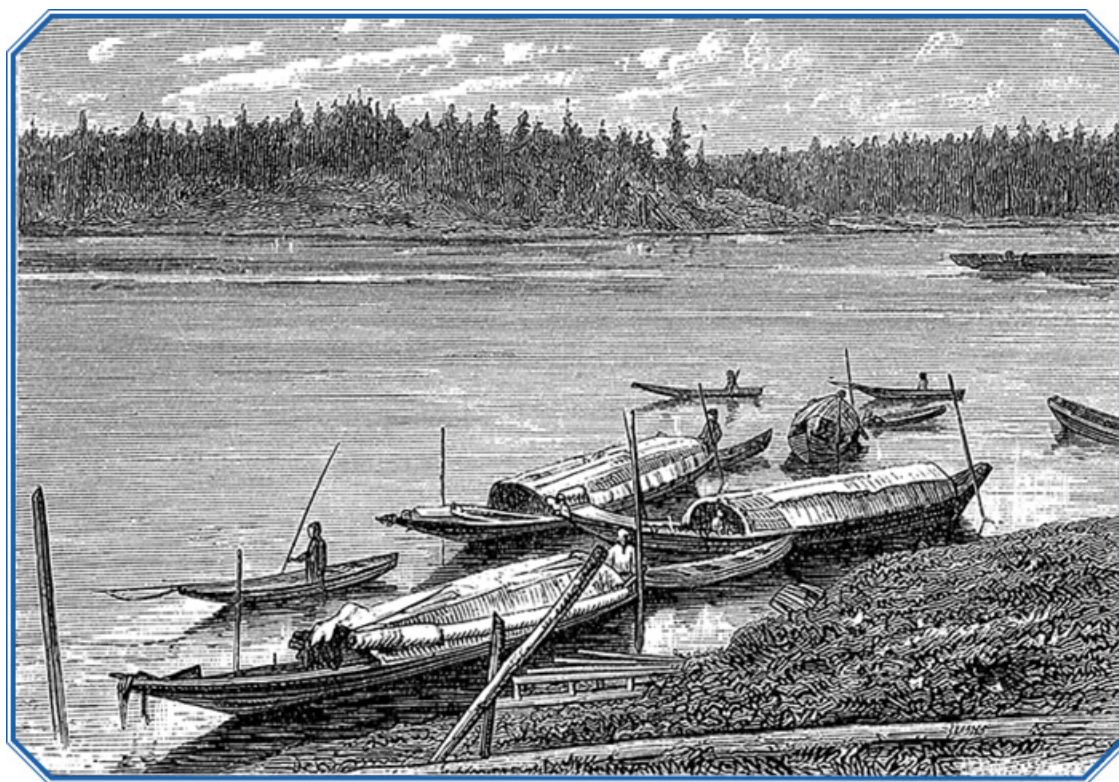
Во время плаванья по Обской губе лейтенант Овцын на берегах ее находил безлесные тундряные места и землю, замерзшую в самое лето глубже полуаршина; имел частые свидания с кочующими самоедами: видел по тундре много оленей и медведей, и один раз приметил в губе плавающих белуг.

⁴⁰ Помещаемое здесь описание путешествия лейтенантов Малыгина, Овцына, Прончищева, Лаптева и штурманов Челюскина и Минина заимствовано мной частью из записок бывшего Государственного Адмиралтейского департамента на 1820 год; довольно значительные ошибки и пропуски в сем извлечении, мной замеченные, исправлены и пополнены из подлинных журналов.

Дубель-шлюпку разгрузили и выгрузили все припасы в магазины, люди перебрались в острог. 13-го октября река Обь покрылась льдом.

В ноябре приехали в Обдорск с западной стороны оленные самоеды для взноса в казну ясака и сказывали, что прошедшего лета видели на берегу Ледовитого моря, близ реки Кары, русских людей, посланных из Пустозерска на оленях для поставления маяков⁴¹. Овцын с теми самоедами отправил в Пустозерск двух казаков к Муравьеву для извещения его о плавании своем по Обской губе и о маяках, поставленных на ее устье.

1735 года, мая 29-го, лейтенант Овцын пошел вниз по Оби, но льдом вынуждаем был беспрестанно останавливаться у берегов. 6 июня пришел он к семиозерным магазинам и взял оставленную прошедшего года провизию. 11-го продолжал путь далее; вскоре вновь задержан льдом, неподвижным по всей Обской губе. 20-го лед взломало, и фарватер начал очищаться, но до 8 июля Овцын шел на дубель-шлюпке вслед за льдом весьма медленно; в то время оказалась у многих из бывших с ним цинга, которая вскоре усилилась до того, что в половине месяца из 53-х человек оставалось здоровых только 17 человек. Овцын был также тяжело болен, и с совета своих подчиненных вынужден 18 июля пойти в обратный путь. Предполагая зимовать в Тобольске как для лучшего излечения больных и исправления поврежденной дубель-шлюпки, так и для запаса на будущее время провизии, он, при помощи присланных к нему из Обдорска и Березова служителей, сколько возможно поспешал плаванием, но пришел к Тобольску не прежде 6 октября; в это время по Иртышу уже несло лед, и река вскоре стала.

Рыболовецкие суда на Оби

Через два месяца по прибытии в Тобольск Овцын, получив от болезни облегчение, отправился в С.-Петербург для личного донесения Адмиралтейств-Коллегии о своем плава-

⁴¹ То есть астрономических знаков. (Прим. ред.)

нии и предстоявших препятствиях к исполнению возложенного на него дела. Он представлял, что если ему будет повелено на будущее лето идти в Ледовитое море, то, по причине опасного плавания между льдами, нужно дать еще другое судно для взаимного вспомоществования в случае повреждения одного из них, и что он считает полезным послать весной по зимнему пути на оленях или на собаках геодезиста описывать берега Ледовитого моря до устья реки Енисея. Адмиралтейств-Коллегия, найдя представление основательным, предписала Овцыну построить в Tobольске к будущему лету палубный бот для совместного плавания с дубель-шлюпкой, назначила на оный командиром флотского мастера Кошелева и положила отправить геодезиста для описи берегов Ледовитого моря.

Овцын поспешил возвратиться в Tobольск, взяв с собой мастера Кошелева, которому поручено было строение нового судна; они прибыли на место 24-го февраля, приступили к заготовлению лесов и марта 11-го заложили палубный бот длиной в 60, шириной в 17, глубиной в 7 ½ футов. Как ни поспешали строением, но не успели приготовить бота к плаванию на следующее лето.

В 1736 году, мая 23-го, лейтенант Овцын на дубель-шлюпке с дощениками, нагруженными провиантом, отправился из Tobольска вниз по рекам Иртышу и Оби. 14-го июня пришел в Березов, где простоял до 23-го для перегрузки провианта и для разных исправлений на дубель-шлюпке. 4-го июля миновал Обдорск, 7-го достиг устья реки Оби, оставил дощеники у семиозерных магазинов и на дубель-шлюпке следовал далее к северу по Обской губе. 28-го прошел то место, откуда возвратился в 1734 году; 5-го августа достиг в широту 72°34', где был остановлен льдом, который впереди покрывал всю Обскую губу и стоял еще твердо с прошедшей зимы. Лейтенант Овцын ходил взад и вперед около этого места в ожидании, что лед будет взломан и унесен в море: видя, что он стоит неподвижно, решился, с совета своих подчиненных, для зимовки возвратиться в Обдорск, куда и прибыл 26-го сентября. В начале октября река Обь покрылась льдом. В декабре месяце приехали к Обдорскому оленные самоеды для взноса в казну ясака; с ними отправлен геодезии ученик описывать берег Ледовитого моря.

1737 года, мая 5-го, флотский мастер Кошелев и штурман Минин, на вновь построенном боте, названном «Почталион-Обь», пошли от Tobольска вниз по реке Иртышу и Оби, 5-го прибыли к Обдорску и вступили под начальство лейтенанта Овцына. В то время дубель-шлюпка была готова к походу. Овцын определил на нее командиром мастера Кошелева, а сам перешел на бот.

29-го июня оба судна отправились от Обдорска вниз по реке Оби. 9-го июля пришли к семиозерным магазинам: взяли на суда оставленный в них с прошлого лета провиант и другие припасы. 14-го июля пошли далее к северу по Обской губе, но за противными ветрами и туманами весьма медленно. 6-го августа находились в широте 72°46', у правого берега Обской губы, близ залива, называемого Гыдыям⁴², вдавшегося внутрь берега к юго-востоку на 160 верст; в вершине его впадает речка того же названия.

7-го августа лейтенант Овцын, по совету своих подчиненных, положил, по позднему осеннему времени, не осматривать левого берега Обской губы, а поспешить к реке Енисею, на другой день мореплаватели вышли в Ледовитое море; близ устья Обской губы, в широте 72°40', увидели, что направление прилива на SW по 3 ½ мили, отлива на NO с равной скоростью. При попутном ветре, продолжая путь к северу до широты 73°56', встретили густой, высокими буграми стоявший лед, на котором сидели чайки во множестве; глубина в этом месте была 11 сажен: течение моря к западу по ¾ мили в час. Здесь видели кита. Поворотили от льдов к берегу на SotS, и впереди льдов уже не было.

⁴² Современное название – Гыданска губа. (Прим. ред.)

На другой день усмотрели на ONO землю; глубина была 7, 6 и 5 сажен; грунт серый и крепкий песок. 10-го приблизились к невысокому и ровному берегу, у которого стали на якорь в расстоянии полумили, на глубине $2\frac{1}{2}$ сажени, имея северный мыс на NNO, южную оконечность берега на StO. Для обозрения этого берега послан на ялботе штурман Минин, который, возвратившись к вечеру, донес, что берег ровный, невысокий, положение от SW к NO; по заплескам лежит много выброшенного морем леса; далее внутрь берега шесть озер, соединенных одно с другим речкой, впадающей в море, по озерам и речке множество диких гусей, уток и чаек. Земля везде тундряная, и нет никакого растения; вдаль видели диких оленей и одного белого медведя. Широта якорного места найдена $73^{\circ}10'$; отклонение компаса $\frac{1}{2}$ румба восточное; течение моря примечено, с 7-го часа утра до полудня, $\frac{3}{4}$ мили к северу.

Следующие шесть дней мореплаватели наши, при противных ветрах, днем лавировали, а в ночное время стояли на якорю. 16-го находились в широте северной $73^{\circ}18'$; тогда северо-восточный мыс, называемый Мате-Соль⁴³, был от них на OSO в $3\frac{1}{2}$ милях. На этом мысе лейтенант Овцын приказал поставить из выкидного леса знак с надписью, что он в 1737 году, 16 августа, прошел с двумя судами из Обской губы к востоку. В этом месте вода горька и солонa, цвета светло-зеленого; прилив и отлив N и S по $3\frac{1}{2}$ мили. Идучи далее к O, на глубине 10, 7, 5 сажен, заметили 17-го числа множество леса, несомого от S к N. Глубины оказывались весьма неравные, и обширные мели простирались от берега в море. За мысом Мате-Соль к StO вдалься большой залив на 100 верст, шириной до 35-ти. Далее этого залива морской берег до устья реки Енисея простирается к SO на 160 верст.

30-го августа мореплаватели наши подошли к устью реки Енисея и чрезвычайно были обрадованы прибытием на лодке геодезии ученика Прянишникова, который близ устья Енисея ожидал суда, чтобы показать им вход в реку.

1-го сентября оба судна благополучно вошли в устье реки Енисея и остановились у магазинов, которые, по приказанию начальства, нарочно построены для припасов, нужных нашим путешественникам. Широта этого места найдена $71^{\circ}33'$, отклонение компаса $\frac{3}{4}$ румба восточное.

Получив из магазинов провиант и взяв проводника, знающего фарватер реки, лейтенант Овцын пошел 2-го сентября Енисеем; в продолжение месяца поднимался он вверх под парусами, поспешая сколько возможно к городу Туруханску, но 2 октября остановлен льдом и зимовал в Ангутском заливе, не доходя 30 верст до Туруханска. Мастер Кошелев на дубель-шлюпке отстал на несколько верст, не мог идти далее, вынужден был спуститься вниз по Енисею и при устье реки Денешкиной остался для зимовки в ста верстах от Туруханска.

1738 года лейтенант Овцын по доносу подчиненных отдан под суд. Мастер Кошелев потребован в С.-Петербург для отчета по делам. Штурману Минину предписано следующего лета идти в Ледовитое море и стараться обойти Таймурский мыс.

С приходом весны оба судна были освидетельствованы, и оказалось, что дубель-шлюпка к плаванию ненадежна. Штурман Минин приготовил бот, на котором июня 4-го отправился вниз по реке Енисею и 3-го августа пришел к ее устью. По выходе в море продолжал плавание возле берега; 8-го августа миновал утесистого, каменного берега мыс, называемый Ефремов Камень, в широте $72^{\circ}36'$; 9-го в широте $72^{\circ}53'$, на глубине 15-и сажен, встретил густой лед, который вынудил его возвратиться к зимовью Волгину; широта его найдена $72^{\circ}20'$. Простояв три дня, Минин пошел опять к северу, вдоль утесистого каменистого берега. 16-го в широте $73^{\circ}8'$ стал на якорь за утесистым же каменистым островом, от матерого берега в 4-х милях; далее, за великими льдами, продолжать плавание было невозможно.

⁴³ В Хронологической истории Берха, ч.1, стр. 124, ошибочно сказано, что сие четвертое плавание Овцына было в 1738 году и что он тогда, обошед мыс Ялмал, вошел в реку Енисей; у Миллера также ошибка в годе, но мыс называет он Мать-соль. Мыс Ялмал, как мы выше видели, находится на западной стороне Обской губы. Мать-Соль на самоедском языке значит «Тупой мыс» (современное название этого мыса – Матте-Саль).

22-го послали на ялботе штурмана Стерлегова, возле берега, для осмотра, не найдется ли где возможность пройти. Через три дня посланный возвратился и донес, что он шел возле самого берега между льдов с большой трудностью; в сорока верстах от судна увидел, что берег заворотился к востоку и дальний мыс впереди был тогда на $ONO \frac{1}{4} O$ в 16-ти милях⁴⁴.

Идти к нему штурман Стерлегов не мог по недостатку взятой им провизии и вынужден был возвратиться к судну. Вдоль северного берега того острова, за которым бот был на якоре, глубина 19 и 20 сажен.

Штурман Минин, простояв за островом до 30-го августа, из-за наступивших морозов, отправился в обратный путь. 13-го сентября вошел в реку Енисей и зимовал, не доходя до города Туруханска, у зимовья Исакова Терехино.

1739 года, июня 3-го река вскрылась. Штурман Минин весной занялся описью тех частей Енисея, которые в прошедшие годы не были еще осмотрены; в фарватере нашел он от 2-х до 8-ми сажен глубины. 18-го июня на боте ходил Минин вверх Енисея к Туруханску, чтобы запастись провизией, должен был ожидать ее до 31 июля и потому отправился в предназначенный ему путь весьма поздно, дошел только до устья реки Енисея и возвратился.

В 1740 году из Туруханска на собаках послан штурман Стерлегов к устью Енисея для описи морского берега до реки Таймуры⁴⁵. Он поехал от Волгинского зимовья, при устье Енисея, и 22-го марта был у северо-восточных островов, в широте по наблюдению $73^{\circ}5'$; 23-го начал опись: в тот же день, в широте по наблюдению $73^{\circ}9'$, нашел отклонение компаса 10° восточнее; ему казалось, что в 3-х и 4-х верстах от берега носился лед, и, как он говорит: «над водой стоит пар, яко дым». Продолжая опись вдоль берега на север, Стерлегов почти каждый день определял широту по наблюдениям. Берег материка и близ него лежащие острова скалисты, до широты $75^{\circ}13'$, в которой находился Стерлегов апреля 12-го. 14-го на высоком каменном мысе, в широте $75^{\circ}26'$, поставили маяк. «Компаса отклонение от правого севера (так говорит Стерлегов) весьма много стало показывать, и неравное, и уповаемо, что в здешних северных местах магнитная сила служить не стала». По причине боли в глазах от блестящей белизны снега как у проводников, так и у Стерлегова, он вынужден пойти в обратный путь и остановился в устье реки Пясины, в зимовье двух промышленников, чтобы дать отдохнуть собакам, из каких большая половина так истощала, что не могла далее везти нарт. 29-го мая достигли устья реки Енисея.

Штурман Минин 7-го июня на боте отправился вниз по реке Енисею, 4-го августа вышел в Ледовитое море и следовал вдоль берега к северу. Пройдя острова Северо-Восточные⁴⁶, терпел жестокий шторм от SW и NW, потерял ялик, который висел на боканцах, и 14-го августа для укрытия от волнения зашел за риф, где и отстоялся на якоре. Продолжая плавание, 16-го находился близ устья реки Пясины, в которое по причине мелей войти не мог. 17-го осмотрел залив в устье этой реки, чтобы в случае нужды найти надежное убежище. Залив закрыт от NW ветров; глубина $4 \frac{1}{2}$ сажени, грунт хорош. 20-го в широте по наблюдениям $74^{\circ}43'$ усмотрели за двумя островами закрытый небольшой залив. При благополучном ветре, продолжая плавание на N, находили глубину 8 и 10 сажен и вдруг лотом не достали дна⁴⁷. Августа 21-го, в широте $75^{\circ}15'$, Минин встретил непроходимый лед, и потому в журнале его сказано: «От незнания впереди положения берега, к прибежищу от всех случаев, к сохранению судна, вынужден был поворотить назад». Время уже настало холодное, и Делилев термометр опускался на 209° (Реомюр 3°). 28-го августа вошли в устье реки Енисея,

⁴⁴ 13 августа 1922 г. геолог Н. Н. Урванцев нашел на побережье Ледовитого океана, между устьями рек Енисея и Пясины, деревянную доску, на которой вырезана надпись: «1738 году августа 23 дня мимо сего мыса, именуемого Енисея Северовосточного, на боту Оби Почталионе от флота штурман Федор Минин прошел к осту оной в ширине $73^{\circ}14' N$ ». (Прим. ред.)

⁴⁵ Современное наименование – река Таймыра. (Прим. ред.)

⁴⁶ Ксеверо-востоку от острова Диксона.

⁴⁷ В журнале не упомянуто, сколько сажен линия выпустили.

вверх которой продолжали плавание до широты $69^{\circ}40'$, где 16-го сентября при устье реки Дудина остановились зимовать.

В 1741 году штурман Минин описывал реку Енисей до города Енисейска, где, оставив бот «Почталион-Обь», с командой отправился в С.-Петербург.

На дубель-шлюпку «Якутск», подобную «Оби» и построенную в Якутске, назначен командиром лейтенант Прончищев, которому предписано идти Ледовитым морем от устья Лены на запад к Енисею, навстречу боту «Оби» под командой лейтенанта Овцына. В то же время приготовлено было в Якутске другое судно, «Иркутск», под начальством лейтенанта Ласиниуса, которому поручено идти на восток по Ледовитому морю, близ берегов, и стараться пройти Беринговым проливом в Восточный океан, а потом продолжать путь к Камчатке или к реке Анадыру.

Июня 30-го 1735 года оба судна отправились вниз по течению реки Лены, сопровождаемые дощениками, на которых погружен был запасной провиант с другими разными потребностями. Плавание по Лене совершили без всякого затруднения: глубина по реке найдена от 4-х до 9-ти сажень; берега были покрыты лиственным и березовым лесом. Мореплаватели миновали много островов, на которых, как и на берегах реки, видели промышленников, ловивших рыбу; по всем этим обстоятельствам путешествие было довольно приятное.

2-го августа пришли к устью Лены, впадающей в Ледовитое море пятью рукавами, образуя через то четыре острова; 8-го восточным рукавом, называемым Быковский проток, вышли в Ледовитое море; тогда, перегрузив на суда провиант и припасы, отправили дощеники обратно в Якутск.

9-го августа оба мореплавателя расстались, пожелав друг другу достигнуть благополучно назначенной им цели. Ласиниус пошел на восток. Прончищев, за противным ветром не прежде 14-го направил путь к северу, обходя острова Кирылол, Тумиты и Креста, которые лежат в устье реки Лены и ее рукавами отделяются от матерой земли.

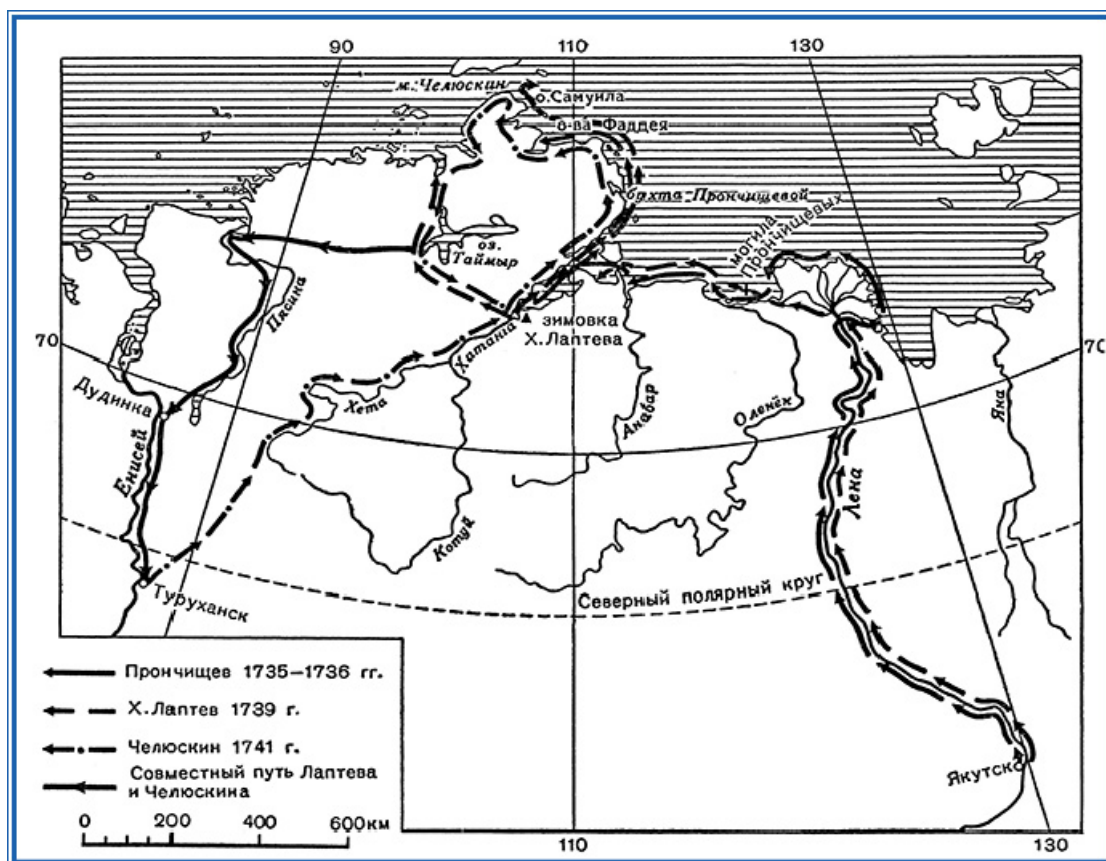
16-го августа Прончищев увидел к северу множество льда, и потому, не удаляясь от вышеупомянутых островов, но держась возле них, шел к северу и северо-западу, на глубине $1\frac{1}{2}$, 2 и $2\frac{1}{2}$ сажени; 24-го пришел к западному устью рукава Лены, повернул на юг, внутрь губы, к устью реки Оленек, к которому приблизившись, 26-го числа стал на якорь и послал промеривать фарватер, ведущий в реку. 30-го вошел в устье и, остановившись у берега против пустых летних промышленнических юрт, расположился зимовать.

20-го сентября крепким северным ветром нанесло с моря в реку множество льда, который бывшим тогда морозом скрепило, и река стала.

5-го октября отделали для жилья землянки, и команда с судна перебралась в них. Широта этого места по наблюдениям найдена $72^{\circ}54'$. 10-го ноября солнце скрылось за горизонт⁴⁸.

С наступлением весны 1736 года лейтенант Прончищев начал готовить судно к походу, но река Оленек вскрылась до устья не ранее 21-го июня, и тогда в море стоял еще твердый лед.

⁴⁸ В Записках Адмиралтейского департамента выведена из показанного времени сокрытия солнца за горизонт широта места $70^{\circ}57'$, и по разности сей широты с определенной Прончищевым заключили, что сия последняя определена неверно. Основываясь на ошибочном предположении и на широте устья Колымы, найденной капитаном Биллингсом $69^{\circ}29'$, на $1^{\circ}46'$ менее означенной на прежних картах Ледовитого моря, выведено заключение, что берег Ледовитого моря на прежних картах, т. е. картах, сочиненных морскими офицерами, бывшими с Прончищевым, положен на полтора градуса севернее настоящего. Для опровержения всего этого нужно только заметить: 1. Широта устья Оленека на карте Прончищева $72^{\circ}54'$, широта устья Оленека на карте лейтенанта Анжу $72^{\circ}57'$. 2. Широта (счислимая) маяка при устье реки Колымы Лаптевым $70^{\circ}05'$, Врангелем $69^{\circ}35'$. 3. В больших северных широтах зимой и при таянии снегов весной горизонтальная рефракция бывает так велика и неравномерна, что нарушает верность обыкновенного математического вычисления широт по времени сокрытия светил за горизонтом.

Маршруты путешествий В. В. Прончищева
и Х. П. Лаптева

Знаменитые русские полярные исследователи — Василий Васильевич Прончищев (1702—1736), Харитон Прокофьевич (?—1763) и Дмитрий Яковлевич (1701—1771) Лаптевы и Семен Иванович Челюскин (1700—1764) — в одно время учились в Школе математических и навигацких наук, после окончания которой служили во флоте. В 1733 г. все они вошли в состав Великой Северной экспедиции.

В 1733 г. Прончищеву поручено было возглавить Ленско-Енисейский отряд экспедиции и исследовать побережье Северного Ледовитого океана от устья Лены до устья Енисея. Для этого была снаряжена дубель-шлюпка «Якутск», в экипах которой вошли среди прочих штурман Семен Челюскин и геодезист Никифор Чекин.

В 1735 г. «Якутск» отправился из Якутска вниз по Лене. Отряду удалось перезимовать на побережье Северного Ледовитого океана и летом 1736 г. продолжить путь на запад, вдоль береговой линии полуострова Таймыр. Однако закончить переход не удалось: дорогу преградили тяжелые льды. «Якутск» повернул обратно с намерением стать на зимовку. Отправившись на разведку, Прончищев сломал ногу и по возвращении на судно умер от эмболии. Командование принял штурман Челюскин, а позднее — Харитон Лаптев.

Экспедиция Прончищева составила первую точную карту русла реки Лена от Якутска до устья, а также карту побережья моря Лаптевых от дельты Лены до залива Фаддея. Общая длина описанной береговой линии составила около 500 км.

3-го августа отнесло льды от устья Оленека, и Прончищев направил путь к северо-западу.

5-го, перейдя в устье реки Анабара, посылал геодезиста Чекина вверх по реке промеривать глубину; через шесть дней Чекин возвратился.

12-го Прончищев отправился далее к северу вдоль берега, но, отойдя только 32 мили, встретил льды, между которыми при противном ветре лавировал; 13-го пробрался к устью губы Хатанги, которая при входе шириной до 30 миль, на середине два острова, один низменный, и от него к западу другой, утесистый каменный; глубина в устье от 9-ти до 12-ти сажень. Прончищев, увидев на берегу шалаш, послал проведать, нет ли там жителей; посланные, вскоре возвратившись, объявили, что увиденный шалаш — зимовье промышленников; людей не видали. Нашли только собак и свежий хлеб, из чего заключили, что хозяин вышел на промысел.

По наблюдению высоты солнца августа 14-го находились в широте $74^{\circ}48'$; отклонение компаса было $1\frac{1}{2}$ румба восточное, устье губы Хатанги отстояло на SW $2^{\circ}44'$ в 30-ти милях.

17-го увидели губу, покрытую сплошным льдом, мимо которого пробирались далее с большим трудом, на глубине от 2-х до 14-ти сажень. Между льдом видели много островов, но за туманом величины их определить не могли. По вычислениям мореплаватели наши полагали, что они в 120-ти милях от устья губы Хатанги, в широте $70^{\circ}20'$.

18-го, держась возле стоячего льда, по препятствиям от льда плавающего, шли вперед очень медленно. Высокие горы, покрытые снегом, видимы были за низменным берегом в отдалении на юго-западе. Море было наполнено буграми плавающего льда, и в губе стоял неподвижный, гладкий лед.

19-го прошли мимо большой губы, которая простиралась на юго-запад до 20-ти миль; впереди увидели два острова и между ними пролив шириной около мили.

Пройдя эти острова, Прончищев держал к северу, чтобы обойти сплошные, неломанные льды, пролегающие из губы в море: суда были подвержены непрестанной опасности быть раздавленными ото льда. В полдень мореплаватели наши полагали, что находятся против устья реки Таймуры, берега которой возвышены. Глубина моря поперек губы Таймурского устья была от 10-ти до 35-ти сажень⁴⁹.

Пробиваясь далее к западу, видели между островами много плавающих белуг и летающих чаек. Это еще более удостоверало, что были точно при устье реки Таймуры⁵⁰, но войти в него не имели возможности по причине стоявшего сплошного льда, который, кажется, всегда неподвижен; у берегов не видно было никаких заплесков, но от него простирались в море ледяные закраины, по которым во множестве ходили белые медведи. 20-го августа около полуночи судно льдами сжало со всех сторон, так что не было возможности идти далее, и потому, в широте северной $77^{\circ}29'$, Прончищев решился по совету своих подчиненных возвратиться и идти зимовать в реку Хатангу или другое удобное место. В это время настала совершенная тишина, ударил мороз, и море покрылось льдом. Оставалось одно средство – пробираться назад греблей между льдов.

25-го задул крепкий северный ветер, и судно со льдами понесло к югу. Мореплаватели наши отчаивались в своем спасении, но на другой день, к счастью их, сильными порывами ветра разнесло весь лед и открылся свободный путь; тогда воспользовались благополучным ветром, пришли к устью реки Хатанги, но войти в него не могли из-за множества льда и поэтому направили путь к реке Оленеку; 28-го достигли ее устья; за противными ветрами и льдами носимы были шесть дней взад и вперед. Весь экипаж от стужи и трудов был в великом изнеможении и едва управлял парусами, которые от мокроты и стужи обледенели. Прончищев, больной, не мог выходить из каюты; болезнь его еще более усилилась из-за отчаянного положения его судна, и он, к крайней горести всех подчиненных, умер 30 августа. После него вступил в начальствование судном штурман Челюскин.

3-го сентября мореплавателям нашим удалось войти в устье Оленека. На другой день они с надлежащей почестью отдали последний долг бывшему своему начальнику. Несчастливая супруга Прончищева, бывшая с ним в его путешествии, лишившись нежно любимого ею мужа, не перенесла такой потери; съедаямая печалью, она вскоре за ним последовала, и похоронена с ним вместе.

18-го сентября Оленек покрылся льдом. Штурман Челюскин зимовал на этой реке; следующего 1737-го года, в исходе июля, вышел он на дубель-шлюпке в Ледовитое море и,

⁴⁹ В Записках Адмиралтейского департамента сказано, что 18-го августа с 5-ти сажень вдруг оказалось 113 сажень глубины, а немного далее лотом дна не достали. В подлинном журнале Прончищева об этом ничего не упомянуто.

⁵⁰ Прончищев ошибался, полагая себя против устья Таймуры, впадающей в губу по западной стороне северо-восточного мыса, которого он не обошел, в чем легко можно удостовериться, сравнив журнал его с описью лейтенанта Х. Лаптева и штурмана Челюскина.

предполагая, что после тщетных покушений прошедшего лета и при очевидной невозможности миновать северный Таймурский мыс предпринимать вторичное плавание на запад к устью Енисея напрасно, решил идти назад к устью Лены и по ней вверх возвратиться в Якутск. По прибытии в город не нашел он там командора Беринга, который был тогда в Охотске, послал к нему рапорт о своем возвращении и отправился в С.-Петербург для личного объяснения высшему начальству о плавании лейтенанта Прончищева.

Адмиралтейств-Коллегия, по рассмотрении карты Ледовитого моря, представленной штурманом Челюскиным, не утвердась на его объяснениях о невозможности пройти к реке Енисею, положила для большего удостоверения испытать еще раз, не удастся ли следующим летом на дубель-шлюпке по Ледовитому морю обойти северный Таймурский мыс; когда же при всех усилиях этого сделать было бы невозможно, тогда осмотреть и описать мыс берегом. Штурман Челюскин отправлен обратно в Якутск; между тем командиром на дубель-шлюпку определен вместо лейтенанта Прончищева лейтенант Харитон Лаптев.

1739-го года лейтенант Лаптев, отремонтировав дубель-шлюпку, и запасшись на два года провиантом, 9-го июня пошел от Якутска вниз по реке Лене; 20-го июля вышел в Ледовитое море через Крестовский рукав, на устье этого рукава построил из высокого леса маяк вышиной в 7 сажен, отпустил обратно в Якутск дощеники, кроме одного, который отправил к устью Оленека, велел там выгрузить провиант и на дубель-шлюпке пошел к западу вдоль берега. Вскоре встретил льды; продолжая путь между ними, миновал реку Оленек, потом губу, покрытую стоячим льдом, по которому бегали во множестве песцы и один белый медведь; губу эту назвал он Нордвиг⁵¹; наконец, 6-го августа пришел к устью Хатанги.

В этом месте лейтенант Лаптев намерен был выгрузить из дубель-шлюпки часть провианта, но окруженная со всех сторон льдом, который принесло восставшим северным ветром, дубель-шлюпка была совершенно сжата, и ежеминутно нужно ожидать ее крушения. В таком опасном положении мореплаватели находились до 16-го августа; тогда переменившийся ветер отнес льды в море, и они продолжали путь к северу. На льдинах видели множество лежащих моржей.

20-го прошли мимо мыса Св. Фаддея. Льды вновь прижимали дубель-шлюпку к берегу, и наконец стоячие льды совсем заградили ей путь.

21-го, остановившись на якорь возле самого мыса Св. Фаддея, в широте 76°47' по вычислению, лейтенант Лаптев послал геодезиста Чекина по льду узнать, далеко ли на запад простирается матерой берег. В то же время два человека посланы к югу берегом отыскать устье реки Таймуры и шестеро – на мыс для устройства на нем маяка; они нашли на самом мысе мамонтовый рог. «Мыс Св. Фаддея состоит из каменного утеса и простирается в губу к S и к W; местами мелкий камень, белый как алебастр, вязкая глина и изредка мох, негодный для корма оленей».

К NW видели землю и на ней высокие горы, местами покрытые снегом и простирающиеся от N к S около 30-ти верст. Лейтенант Лаптев полагал, что земля эта была та самая, от которой в 1736 году лейтенант Прончищев пошел в обратный путь, а остров, отстоявший от них на NtW близ 10 миль, признан за последний к северу, в прошедшую кампанию описанный, и назван островом Св. Лаврентия. Геодезист Чекин возвратился, не рассмотрев из-за тумана положение берега; штурман Челюскин, посланный на берег для обозрения моря, по возвращении донес, что далее к северу губа и море покрыты гладким, сплошным льдом и что не видно никакого прохода. Тогда лейтенант Лаптев, по совету своих подчиненных, решил, из-за приближающейся осени и уже наступивших морозов, возвратиться.

На обратном пути мореплаватели были подвержены непрерывным опасностям от льдов, между которыми пробирались с большим трудом. Наконец, 27-го августа благопо-

⁵¹ Современное наименование – бухта Нордвик. (Прим. ред.)

лучно вошли в Хатангу, где и остались зимовать в устье реки Блудной. В этом месте нашли оседлых тунгусов, называемых сидячими, потому что не кочуют, а живут на одном месте; у них нет оленей, а вместо них для зимней езды держат собак и запрягают в нарты, точно так, как охотские сидячие тунгусы.

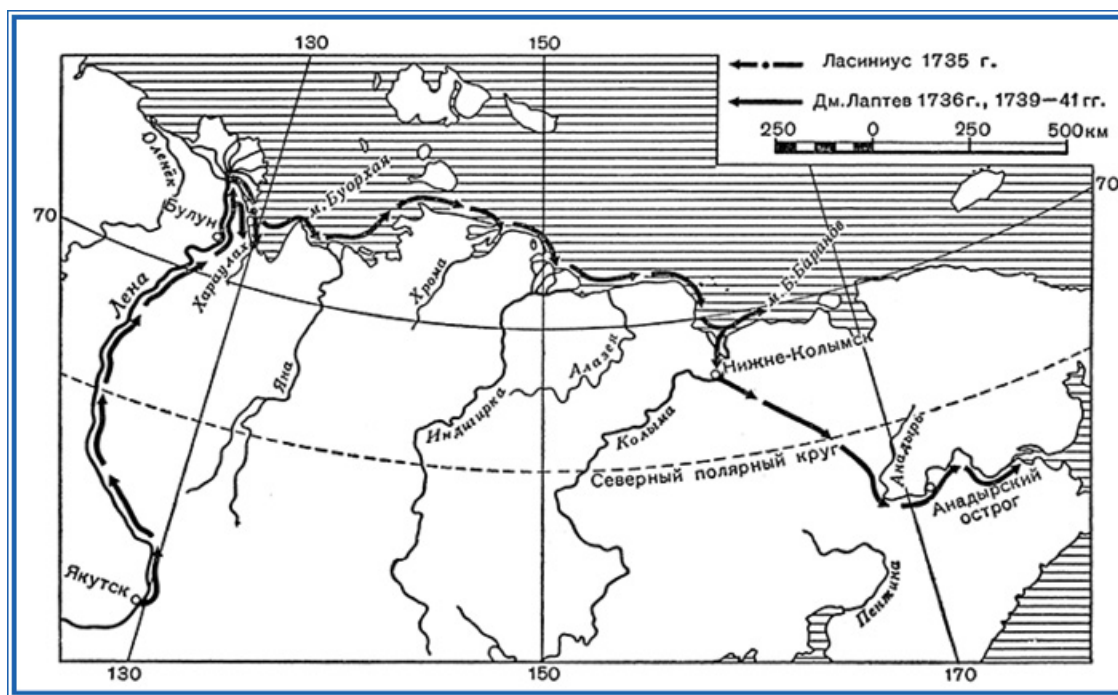
Экипаж с дубель-шлюпки перебрался на берег, в избушки, которые устроил из выкидного леса, но так как поблизости его было недостаточно и для построения жилищ, а к согреванию в зимнее время необходимо иметь очень большое количество дров, то все служители должны были ходить за лесом ежедневно по несколько верст. Это беспрестанное движение много предохранило их от цинготной болезни.

Лейтенант Лаптев, стараясь в точности исполнить порученное ему исследование о положении Таймурского мыса, отправил 1740-го года, 23-го марта, геодезиста Чекина на собаках к реке Таймуре для описи морского берега от ее устья, лежащего к северу, до реки Пясины. Тунгусы взялись везти Чекина на своих семи нартах, запряженных собаками. Двое оленных тунгусов, с 18-тью оленями, согласились сопровождать, но 9-го апреля возвратились и объявили, что у них все олени пали из-за недостатка корма. 17-го мая геодезист Чекин, возвратившись, донес, что он, доехав до реки Таймуры, продолжал путь вниз оной до морского берега, и потом вдоль одного к западу до ста верст. Тогда увидел, что направление берега прямо на юг. От этого места далее возле моря следовать он не мог из-за недостатка корма для собак и должен был возвратиться, чтобы поспешить к зимовью.

Лейтенант Лаптев, зная из опыта, что северный Таймурский мыс обойти морем невозможно по причине простирающегося от него сплошного неподвижного льда, не рассудил предпринимать вторичного плавания и решился идти к устью Лены. Два раза выходил он в море, но льды вынуждали его возвращаться в Хатангскую губу; 30-го июля вышел он в третий раз и с большим трудом стал пробиваться между льдами к востоку.

13-го августа дубель-шлюпку сжало льдами, выломило форштевень и пробило подводную ее часть, от чего оказалась большая течь. Три дня беспрестанно отливали воду, но как она не убывала, то сбросили пушки и прочие тяжести в море и начали выгружать провизию на лед, чтобы облегчить судно и спасти от потопления.

В этом бедственном положении мореплаватели наши, находясь далеко от берегов, носимые между льдов ветрами и течением, совершенно предались отчаянию и ожидали томительной смерти.

Маршруты отрядов Ласиниуса и Д. Лаптева в 1735—1741 гг.

19-го наставший сильный мороз покрыл тонким льдом полые места между льдинами; тогда некоторые смелые из служителей дубель-шлюпки пошли пешком по льду к берегу, полагая, что он находится к югу в двадцати верстах; во многих местах встречали полыньи, через которые вынуждены были переплывать на малых льдинах с большой опасностью и наконец достигли берега. Три дня после того продолжавшийся мороз покрыл все море твердым льдом. Лейтенант Лаптев, забрав сколько возможно провизии, перешел со всем экипажем на берег. Сначала обрадовались, достигнув твердой земли, но скоро увидели, что положение было не лучше прежнего, ибо не могли продолжать пути к своему Хатангскому зимовью из-за рек, которые тогда еще не стали, но покрыты были густым несущимся льдом; нужно было оставаться на пустом берегу, где не находили даже дров для согревания себя и приготовления пищи.

Вырыли в земле ямы, в которых укрывались от стужи и ветров; между тем посылали попеременно людей к дубель-шлюпке переносить на берег и прочую провизию, но 30-го восставшим крепким ветром весь лед взломало и унесло в море вместе с дубель-шлюпкой, и мореплаватели наши лишились большей части провизии, оставшейся на льдинах. После этого провели три недели в пустом месте, преодолевая стужу и голод, отчего многие умерли, но при всем том оставшиеся сохранили бодрость и с твердостью, без роптания, переносили свое несчастье.

21-го сентября преграждавшие путь реки покрылись крепким льдом, и лейтенант Лаптев с командой начал пробираться к прежнему своему зимовью. Путь был весьма трудный и продолжительный; малую часть провизии истощенные собаки везли на нартах; прочее несли служители на себе, прокладывая дорогу по неровным и неизвестным местам; наконец, изнуренные 25-дневным странствованием, прибыли к прежнему зимовью на реке Хатанге, потеряв дорогой 12 человек, умерших от стужи, голода и болезней.

Лейтенант Лаптев расположился провести зиму в Хатангском зимовье, и весной, как скоро возможно будет, пробираться со всей командой к устью реки Енисея, где находился приготовленный в магазинах провиант. В данном ему наставлении предписано было осмотреть и описать северный мыс между реками Хатангой и Таймурой, и если этого нельзя будет выполнить морем, то произвести берегом, а поэтому в начале апреля 1741 года он послал на собаках штурмана Челюскина к реке Пясины и велел ему, накормив собак и запасшись кормом у сидячих тунгусов, живущих в этих местах, ехать на северо-восток вдоль морского берега, к устью реки Таймуры.

Лейтенант Лаптев, готовясь отправиться навстречу штурману Челюскину и с восточной стороны кругом мыса Таймурского описать берег, не осмотренный летом, послал апреля 8-го на 19-ти нартах провиант и другие съестные припасы к устью реки Таймуры и на озеро Таймурское, а 10-го отправил на 60-ти оленьих санках команду свою к устью Енисея. 22-го геодезист Чекин поехал на трех нартах для описи морского берега до Таймуры, а 24-го лейтенант Лаптев через тундру к Таймурскому озеру, куда прибыл 30-го, миновав несколько озер и речек, по курсу NW, на расстоянии около 192-х верст.

От этого места до вершины реки Таймуры, вытекающей из озера, полагал он 22 версты, по румбу WNW. Северные берега озера и реки (ширина ее от 2 до 2 ½ верст) состоят из высоких гор, образованных из камня желтоватого цвета. В горах над берегом заметили пещеру, в пять сажен длиной и в три поперек, стены которой состоят из черного аспиды, а дно «камень белый как алебастр». Следуя по всем извилинам реки, мая 6-го Лаптев достиг ее устья, где дожидались уже посланные вперед нарты с провизией; по наблюдению широта этого места найдена $75^{\circ}36'$, отклонение компаса два румба восточное. Мая 10-го отправились через тундру на восток, чтобы выехать к морскому берегу и описать его, но мучительная глазная боль вынудила Лаптева возвратиться к зимовью на устье Таймурское, куда и прибыл он 17-го. Оставив запасы для геодезиста Чекина, которому надлежало непременно быть к зимовью,

Лаптев отправился 20-го числа к западу, навстречу штурману Челюскину, производившему опись берега от реки Пясины к востоку; в полдень того же дня определил широту $75^{\circ}33'$; 21-го приехал к скалистому мысу, где определил широту $75^{\circ}49'$ и отклонение компаса два румба восточное; продолжал описывать берег, следуя вдоль него по льду, который, по видимому, летом был неподвижен; берег местами крутой, местами отлогий; в полдень 24-го по наблюдению широта места $76^{\circ}38'$.

Проехав три версты к SW и удостоверившись, что направление берега идет к югу, лейтенант Лаптев поставил маяк на приметном месте, от которого в 17-ти верстах проехал к маяку, построенному геодезистом Чекиным в 1740 году. 26-го широта по наблюдению определена $76^{\circ}23'$; в этом месте нашли довольно много плавнику; на восточном берегу его не видно. 29-го по наблюдению широта найдена $75^{\circ}37'$, а июня 1-го $75^{\circ}21'$; берег возвышенный и на нем отлогие горы. 2-го июня лейтенант Лаптев встретился с штурманом Челюскиным и с ним продолжал путь вдоль берега до устья реки Пясины, где находится тунгусское жилье. Прибыв к нему 10-го июня, определили широту места $73^{\circ}39'$ (на подлинной карте штурмана Минина устье этой реки в широте $73^{\circ}38'$), а отклонение компаса $21^{\circ}00'$ восточное. Лаптев на пути видел маяк, поставленный Мининым, и в лабазах оставлял съестные припасы для геодезиста Чекина.

На другой день по прибытии к жилью лейтенант Лаптев отправил штурмана Челюскина берегом к Енисею, а сам за худостью собак остался в зимовье.

Штурман Челюскин прибыл 29-го июля на устье реки Енисея, продолжал путь вверх реки, 4-го августа соединился с лейтенантом Лаптевым, который от устья реки Пясины приехал прямым путем через тундру. Августа 11-го сошлись со всей командой, которая ожидала начальника в устье реки Дудина, впадающей в Енисей в широте $69^{\circ}40'$. К неудовольствию

Лаптева, весьма неожиданно встретил его и геодезист Чекин, который из-за недостатка в разных припасах вынужден был возвратиться к Хатанге, откуда прямым путем приехал к реке Дудина. 29-го августа все прибыли в город Мангазею, где остались зимовать.

Лейтенант Лаптев, желая завершить опись берега, простирающегося к западу от мыса Св. Фаддея, отправил декабря 4-го штурмана Челюскина на пяти нартах и 8-го февраля 1842 года выехал из Мангазеи на пяти нартах для произведения описи.

Лейтенант Лаптев возвратился в Мангазею 16-го июля, не приобщив к прежней описи ничего нового; штурман Челюскин приехал к мысу Св. Фаддея 1-го мая и, занимаясь описью берега, удостоверился, что мыс Св. Фаддея не является самой северной оконечностью Азии; однако, хотя и объехал он часть берега, которая до того времени не была описана, но так как не произведено наблюдений для определения широт и опись была весьма поверхностная, то о положении этого берега знаем только, что он омывается океаном, не соединяясь ни с какой неизвестной, к северу лежащей землей; из журнала Челюскина не видно даже счислимой широты самой северной оконечности этого берега. Мая 15-го, находясь на описанном прежде берегу, Челюскин приехал через тундру к ближним якутам и 20-го июля соединился с лейтенантом Лаптевым в Мангазее.

Лейтенант Лаптев, со всеми состоявшими под его начальством, отправился из Мангазеи вверх по реке, производил опись ее до города Енисейска, куда прибыл 27-го августа, и потом поехал в С.-Петербург для личного донесения Адмиралтейств-Коллегии о своем путешествии.

1735 года, августа 9-го, лейтенант Ласиниус, расставшись при устье реки Лены с лейтенантом Прончищевым, шел к востоку; 13-го числа встретил льды, между которыми с великим трудом подвигался вперед; 18-го августа, видя невозможность продолжать путь далее за множеством льда, вынужден был с совета своих подчиненных зайти в реку Хариулах, от восточного устья Лены, называемого Быковским протоком, в 120-ти верстах, где и расположился зимовать. В этом месте нашли много выкидного леса и построили с разными отделениями избу, в которой поместилась вся команда.

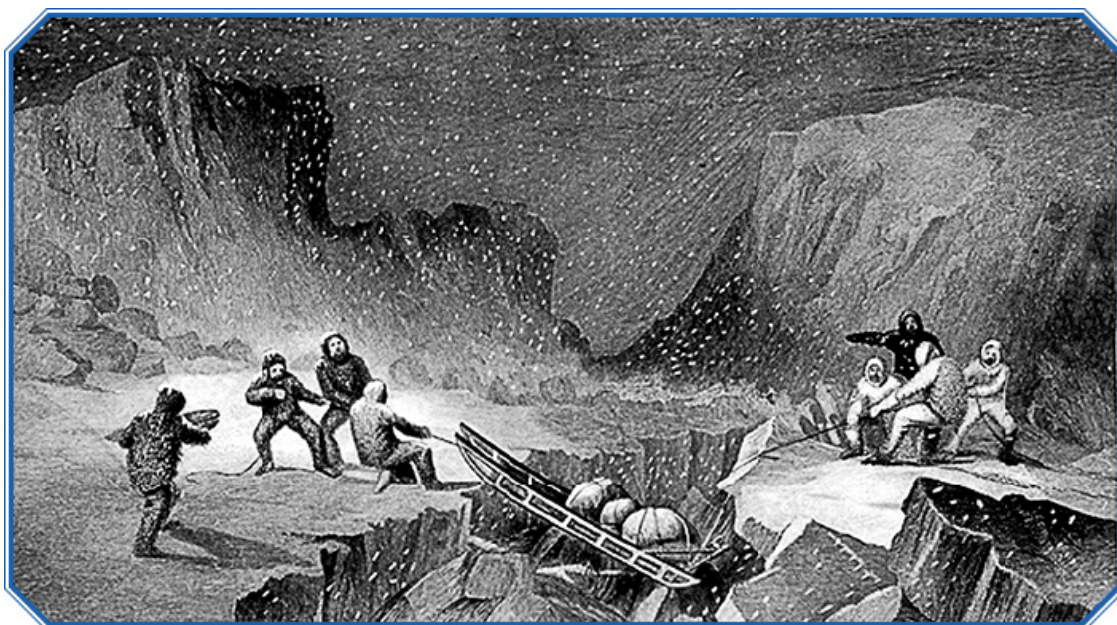
В продолжение зимы от тесноты жилья и малого движения все подверглись цинготной болезни, и она к весне так усилилась, что большая часть и сам Ласиниус умерли; остались в живых из 52-х человек только священник, подштурман и семь матросов. Командор Беринг, узнав о смерти лейтенанта Ласиниуса и его спутников, послал из Якутска к реке Хариулах штурмана Щербина и 14 человек служителей; они приехали к месту зимовки 4-го июня 1736 года, нашли всех оставшихся людей зараженными цингой и к службе неспособными, почему Щербин отправил их в Якутск. Между тем командор Беринг вместо лейтенанта Ласиниуса определил командиром на бот «Иркутск» лейтенанта Дмитрия Лаптева, который со всеми, под его начальство назначенными из Якутска, на дощаниках, нагруженных потребным количеством провианта, отправился вниз рекой Леной. Когда вышел он в Ледовитое море, непроходимые льды не позволили ему продолжать путь далее; он оставил у Быковского устья дощаники, и на легких лодках возле берега пробирался между льдами к реке Хариулах, где находился бот. 18-го июля начали подготавливать его для предназначенного плавания.

30-го лейтенант Лаптев вышел в Ледовитое море и для забрания с оставленных им дощаников провианта направил путь к устью Лены. По морю носило множество льда, между которым с большим трудом пробрался он к Быковскому устью, перегрузил с дощаников на бот провизию и 11-го августа отправился по Ледовитому морю на восток вдоль берега; два дня шел между льдов; на третий день бот был окружен со всех сторон льдами, которые сдвинувшись зажали его так, что невозможно было управлять. В этом положении бот носило по морю до 15-го августа; тогда льды несколько раздвинулись.

Мореплаватели наши, видя невозможность продолжать путь далее, решились, с общего совета, возвратиться к устью Лены. Августа 22-го вошли в устье Быковского протока, по

которому с большим трудом продолжали плавание и, отыскивая фарватер, становились на мель. 27-го усмотрели по Полярной звезде отклонение компаса $3^{\circ}00'$ восточное «и в тот же день вступили в реку близ так называемого Столба», где глубина была 20, 15, 10 сажен, а далее вверх реки, по фарватеру 5, 3, 2 сажени, 6-го сентября вошли в реку Хуматорки, где остались зимовать. Вскоре после того понесло по реке густой лед, и 8-го числа Лена им покрылась. Во время зимы у многих из служителей оказалась цинга, от которой избавлялись движением и декоктом из коры и шишек кедрового кустарника.

Лейтенант Лаптев послал к командору Берингу, находившемуся в Якутске, донесение о своем плавании и невозможности пройти по Ледовитому морю около мысов Борго⁵² и Святого⁵³, простирающихся между реками Леной и Индигиркой далее прочих к северу; стоявшие около этих мысов сплошные льды препятствовали идти далее. Якуты уверяли, что льды никогда не относит от берегов. Лаптев доносил, что все покушения, которые впредь предприняты будут, почитает он тщетными, потому просил позволения возвратиться с дубель-шлюпкой в Якутск; командор Беринг позволил ему это исполнить.

Переправа через трещину во льдах.
Иллюстрация из книги И. К. Кейна
«Арктические исследования 1953—1955 гг.»

1737-го года, мая 29-го, пошел лейтенант Лаптев вверх по Лене, на глубине 4, 3 $\frac{1}{2}$ и 3 сажен. По возможности производил он опись реки и 2-го июня прибыл в Якутск. По приказанию Беринга Лаптев отправился в С.-Петербург для личного донесения высшему начальству, представил Адмиралтейств-Коллегии карту своего путешествия и объяснил затруднения и препятствия, которые не позволяли ему пройти по Ледовитому морю к устью реки Колымы. Коллегия донесла о том Правительствующему Сенату. Карты и журнал лейтенанта Лаптева были рассматриваемы в Сенате, и положено еще раз сделать покушение от реки Лены по Ледовитому морю к востоку и, когда невозможно будет пройти морем, тогда про-

⁵² Современное название – мыс Борхая. (Прим. ред.)

⁵³ Современное название – мыс Святой Нос. (Прим. ред.)

известить описью морского берега сухим путем, на собаках или на оленях. Вследствие этого Лаптев отправлен обратно в Якутск.

1739-го года, весной, послан сухим путем из Якутска матрос Лошкин, описывать берег от устья Лены до Святого Носа. Между тем бот «Иркутск» был исправлен и снабжен провизией, и 7-го июня Лаптев отправился на нем из Якутска вниз по Лене; 21-го июля Быковским рукавом вышел он из устья реки в Ледовитое море. Тогда возвратился на бот матрос, посланный берегом для описи мысов Борго и Святого.

23-го июля бот стоял за Быковским мысом, укрываясь от носившихся в море льдов; широту мыса Лаптев определил по счислению $71^{\circ}42'$. В то время штурман Щербин ездил описывать берег к мысу Борго и нашел простирающуюся от мыса на 2 итал. мили, между N и NNO, отмель, приметную по стоящему на ней льду.

24-го бот вошел в море, пробираясь между мелей, которыми фарватер до острова Быковского весьма стеснен; производя опись губы Борго⁵⁴, лейтенант Лаптев 8 августа подошел к мысу Борго, на глубину 12-ти сажен; широта мыса найдена Лаптевым $71^{\circ}55'$. Того же дня обошли отмель, и 11-го августа находились уже против устья Яны, где положили якорь. В этом положении наставшим жестоким северным ветром понесло много льду прямо на бот, но, к счастью, огромнейшие льдины остановились на мели в некотором расстоянии от бота, удерживая за собой мелкий лед. Немногие льдины, однако, прорывались, проплывали мимо бота и доставили команде случай убить несколько белых медведей, на них лежавших.

Лодка, посланная для промера фарватера, нашла в устье реки Яны 6 и 7 футов глубины, а несколько выше по течению глубина увеличилась от 3-х до 10-ти сажен.

13-го с попутным ветром лейтенант Лаптев снялся с якоря и продолжал плавание к Святому Носу. Лот показывал от 2-х до 10-ти сажен.

14-го западный ветер обратился в шторм, почему, опасаясь набежать на мель, положили якорь, а 15-го, по укрощении ветра, вступили опять в путь; того же дня прошли Святой Нос, положенный на карте Лаптева в широте $72^{\circ}50'$. Продолжая плавание к О, имели глубины 18, 17, 13 сажен; по приближении к берегу на $\frac{1}{4}$ немецкой мили глубина уменьшалась до 2-х сажен. Проплыв 26 миль и 7 от Святого Носа, увидели остров Меркурьев на NO, а в 16-ти итальянских милях далее увидели и остров Св. Диомида, на NNW $\frac{1}{4}$ W в $\frac{1}{2}$ немецких милях⁵⁵.

16-го по причине густого тумана пролежали на якорь; 17-го западным ветром воздух очистился, почему и пошли в путь; 18-го, проплыв около ста пяти миль от Святого Носа вдоль берега, увидели в море остров, по румбу ONO, но вдруг нашедшая пасмурность не позволила обстоятельно рассмотреть этого открытия, поэтому Лаптев приказал положить якорь и дожидаться ясной погоды. На другой день, когда воздух был чист, мореплаватели уверились в обмане; мнимый остров превратился в массу ледяных гор, подобные которым носились по морю во множестве и во всех направлениях. 19-го пошел большой снег при юго-восточном ветре, против которого лавировали, ложась в темные ночи или при пасмурности на якорь. 21-го сильное течение от SO, по одному направлению с ветром, весьма затрудняло лавировку; 22-го, перейдя на пресную воду, остановились на якорь и послали шлюпку проведать, против какой реки находятся.

Между тем раньше возвращения шлюпки 24-го настал шторм от SO с сильным с той же стороны течением, так что с трудом бот отстоялся на якорь; 26-го буря несколько смягчилась. Заметив, что вода получила соленый вкус, подошли ближе к берегу, делая из пушек частые позывные сигналы не возвращавшейся с берега шлюпке. От SO наносило на борт много

⁵⁴ Современное название – губа Борхая. (Прим. ред.)

⁵⁵ Кажется, эти два острова лежали на очень близком между собой расстоянии и, вероятно, считались как один остров, потому что на карте Лаптева остров Меркурия не назначен, а Св. Диомида положен согласно с журналом. Мы ниже увидим, что эти острова ныне не существуют.

льда, для избежания которого беспрестанно должны были переменять место, что, конечно, всегда было сопряжено с трудами, тем более тягостными, что мороз увеличивался и снег весьма часто падал. Лучшее убежище находили за огромнейшими льдинами, служившими отводами мелким, однако и то не спасло бот от повреждения форштевня и самого борта, что с большим трудом исправили.

31-го, находясь опять на пресной воде, лейтенант Лаптев послал штурмана на шлюпке к берегу для отыскания удобного места к зимованию. Штурман с большим трудом добрался до берега.

1-го сентября море покрылось льдом при восточном ветре, который дул уже несколько дней сряду. В этом положении делали беспрерывные, но тщетные сигналы посланным на берег шлюпкам. Положение команды и бота стало еще затруднительнее, когда 4-го числа настал жестокий ветер от WSW, действием которого вода стала прибывать, лед изломало и бот понесло к NO, с 10-ти футов глубины на 5 сажень, по 2 ½ версты в час. К счастью, ветер переменялся через сутки и, установившись в NW четверти, приблизил бот к берегу. Наконец на 7-ое число настало безветрие, а 9-го судно на 12-ти футах совершенно замерзло, находясь в 2 ½ верстах к югу от образовавшегося из льдов высокого вала.

Мореплаватели, не зная, как далеко от берега судно их замерзло и напротив какого места находилось, не осмеливались идти к берегу по нетвердому еще льду и оставались в бездействии до 20-го сентября; тогда посланный на берег в шлюпке 31-го августа штурман возвратился на бот пешком по льду и привел с собой якутов с устья реки Индигирки; они объявили, что устье ближнего рукава этой реки находится от бота в 50-ти верстах, и что недалеко от бота есть русское зимовье. Этим известием мореплаватели были чрезвычайно обрадованы; в то же время некоторые отправились пешком на берег, а 24-го числа и вся остальная команда перебралась с бота в русское зимовье; якуты перевезли на собаках часть провизии.

Лейтенант Лаптев проводил здесь зиму не без пользы; он послал геодезиста Киндякова на нартах описывать берег до Колымского устья, а сам ездил для описей на реку Хрому, которую нашел столь мелкой, что одним лодкам войти можно. Говоря вообще о морском берегу к востоку от Святого Носа, Лаптев замечает, что обширные отмели простираются от него в море на такое расстояние, что низменный берег в редких местах с моря усматривается. При устьях Индигирки, в 30-ти верстах и более от моря, лежит в изобилии наносный лес, между тем как у самого моря его нет.

По наступлении весны 1740-го года Лаптев предпринял спасти бот. Для того со всей своей командой разбивал он лед с чрезвычайным трудом; в июле месяце привел судно в безопасное место, стал исправлять его починкой и в исходе июля приготовился к походу.

Июня 15-го определили по полуденной высоте солнца широту в устье реки Индигирки 70°58', отклонение компаса 7°00' восточное.

31-го июля Лаптев вышел в Ледовитое море, направив путь к востоку вдоль берега. 2-го августа миновал устье реки Алазеи, коего широту нашел по счислению 70°58'.

3-го августа усмотрели остров, ныне именуемый Первым Медвежьим, к которому подошли вплоть, имея 3 ½ сажени глубины. Лейтенант Лаптев назвал его именем Св. Антония и нашел по счислению широту середины 71°00'. Спеша воспользоваться безледностью моря, продолжал он плыть к востоку, а 4-го числа, находясь против устья Средней Колымы, остановился на якоре, послав шлюпку промерить фарватер реки. Дав о себе знать в ближнее селение, Лаптев пошел 8-го числа далее; вскоре показались льды, между которыми плыл он к востоку с большим трудом; 9-го находились у Малого Баранова Камня; 10-го, 11-го и 12-го при западном ветре шло течение на OSO по два узла в час, от чего огромные льдины наносимы были на бот, не находивший надежного прикрытия у приглубого и ровного берега.

14-го числа, будучи у Большого Баранова Камня, остановлены ледяным полем, прикнувшим вплоть к берегу. Лейтенант Лаптев направил путь обратно в Колыму. Этого числа было сильное течение от W; 15-го бот вошел благополучно в Средне-Колымское устье, где имели глубины от 9-ти до 14-ти футов, а пройдя Каменное (холм на Мерхояновом острове), глубину нашли от 2-х до 7-ми сажен.

24-го находились против Нижне-Колымского острога, где тогда было 10 жилых домов; здесь Лаптев расположил свою команду для зимовки.

28-го Лаптев по обсервации нашел широту острога $68^{\circ}31'$, а 31-го числа наблюдение показало $68^{\circ}34'$ широты; отклонение компаса $8^{\circ}30'$ восточное.

Чтобы получить понятие о точности наблюдений лейтенанта Лаптева, сравним широты главных пунктов, выведенных этим мореплавателем, с наблюдениями новейших обсерваторов⁵⁶:

В течение зимы лейтенант Лаптев построил две лодки, на которых с большей удобностью полагал предпринять плавание в будущем лете.

1741-го года, по вскрытии реки Колымы, 8-го июля вышел он на боте в Ледовитое море и плыл на восток; лодкам велел идти вперед и промеривать глубину; посланный на них штурман должен был давать знать сигналами, где найдет проход между льдами для безопасного плавания. Таким образом лейтенант Лаптев при противных большей частью ветрах подвигался медленно вперед; 5-го августа навалила на бот льдина, возвышавшаяся около 15-ти сажен над водой и угрожавшая боту гибелью, но, однако, счастливо избегли опасности. Того же числа, находясь в 30-ти милях итальянских от Лаптевского маяка на Колыме, у высокого каменного утеса, встретили непроходимые льды, остановившие дальнейшее плавание, поэтому 7-го предприняли обратный путь в Нижне-Колымск, куда 10-го прибыли благополучно, войдя в реку восточным ее устьем.

Итак, мы видим, что лейтенант Лаптев как в прошлом году, так и теперь, не мог обойти Большого Баранова Камня, бывшего крайним пунктом к востоку, до которого доведена опись берега, осмотренного этим усердным офицером от реки Лены на 37° разности долготы.

Лейтенант Лаптев, желая выполнить порученную ему опись реки Анадыря⁵⁷ и уверившись в невозможности достигнуть этой реки морем, решился на трудный и опасный поход со всей командой через горы и страну, обитаемую враждебными нам чукчами.

1741-го года, октября 27-го, выступил он из Нижне-Колымского, сопровождаемый 45-тью нартами. Находясь на границе Чукотских кочевьев, близ Лабазного, на Большом Анюе, ноября 5-го Лаптев отданным по команде приказом установил воинский порядок, который надлежало соблюдать со строгостью в походе через неприятельскую землю.

Следуя вверх реки Большого Анюя, потом перевалив через хребет гор на реку Яблон, впадающую в реку Анадыр, путешественники 17-го ноября достигли благополучно Анадырского острога, не увидав на своем пути ни одного инородца. В остроге провели они остальную часть зимы и встретили здесь 1742 год.

В журнале Лаптева под февралем месяцем сказано: «От 26-го до 28-го числа по ночам видима была чрезвычайная звезда, или комета, которая являлась около полуночи; хвост от нее долгой, острой, лежащий к югу, а иногда к концу хвоста разделяется на двое острыми же концами; светлостью наподобие звезд, а к заре хвостом поворачивается к W и отемневает и остается одна звезда».

Марта 13-го Лаптев по полуденной высоте солнца определил широту Анадырского острога $64^{\circ}54'$; отклонение компаса $20^{\circ}00'$ восточное.

⁵⁶ По современным данным, широта мыса Борхая $71^{\circ}57,2'$, мыса Святой Нос – $72^{\circ}53'$. (Прим. ред.)

⁵⁷ Современное название – Анадырь. (Прим. ред.)

Июня 9-го пошел он на двух новопостроенных лодках вниз Анадыра, но из-за разлития реки не мог делать ей описи, которую начал июля 11-го, находясь близ ее устья. К осени, возвратившись в острог, Лаптев, октября 19-го поехал в Нижне-Колымск, оттуда в Якутск; в этот город прибыл он марта 8-го 1743-го года после семилетнего отсутствия. От капитана Чирикова получил он здесь предписание отправиться немедленно в С.-Петербург для донесения о своем путешествии высшему начальству.

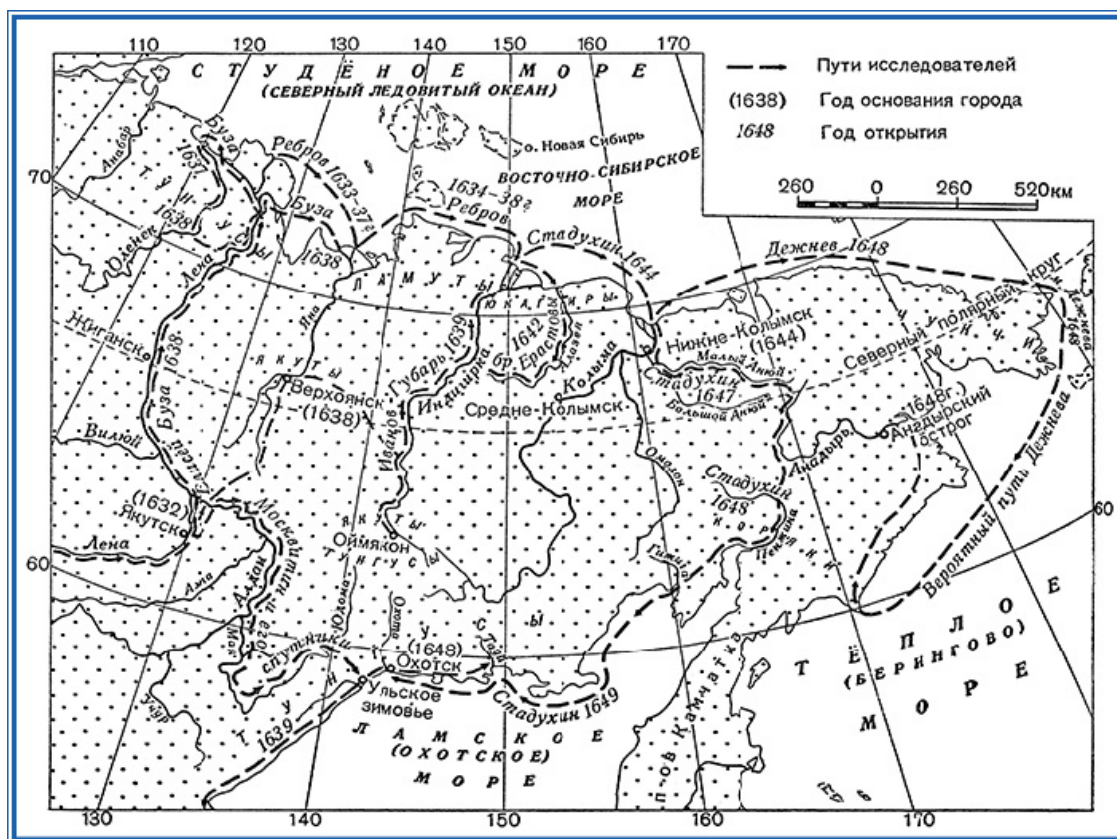
Описание этих путешествий представляет читателю ряд опасностей, трудов и неудач, против которых плаватели наши должны были вооружаться твердостью духа, неутомимым рвением в исполнении своих обязанностей и мужественным терпением, этими отличительными свойствами мореходцев всех веков и народов. Не ослепляясь пристрастием, мы невольно должны признаться, что подвиги лейтенантов Прончищева, Ласиниуса, Харитона и особенно Дмитрия Лаптевых заслуживают удивления потомства. Журналы этих деятельных офицеров, конечно, во многом недостаточны; мало, или почти вовсе не знакомят они нас с обитателями Сибири, не касаются предметов физических и естественной истории, и самое производство описи оставляет желать еще многого. Но это не умаляет достоинства офицеров в глазах справедливого потомства, видящего в недостатках одно – несовершенство средств того времени.

Относительно гидрографических операций заметим вкратце: от Белого моря к востоку описан матерой берег Сибири с моря на судах, плававших вдоль берегов, не всегда в таком от них расстоянии, чтобы опись могла быть точной, тем менее, что мореплаватели, стараясь пользоваться ветрами, погодой и другими благоприятными обстоятельствами для плавания к востоку, не могли терять времени в подробной описи берегов, бухт, гаваней, определении приметных мысов и в промерах глубин, везде, где для безопасности мореплавания то было бы нужно.

Однако опись и не вовсе лишена астрономических наблюдений широт и промеров глубин, как в близких расстояниях от берегов, так и в фарватерах главнейших рек Сибири, и карты Овцына, Минина, Челюскина, Прончищева и обоих Лаптевых представляют немало гидрографических подробностей в изображении берегов и прилежащих к ним островов, от Обской губы до устья реки Таймуры, и от реки Оленек до Баранова Камня. Но как опись большей частью основана на счислении, подверженном неизбежным погрешностям от течений и непрерывных поворотов во льдах. и поелику наблюдения для широт не всегда были надежны, а для долгот и вовсе их не делано, то она могла служить только подготовительным началом другой вернейшей описи.

От устья Таймуры до мыса Св. Фаддея берег не мог быть обойден на судах и весьма поверхностно осмотрен зимой по льду на собаках штурманом Челюскиным, так что положение северо-восточного, иначе Таймурского, т. е. самого северного мыса Азии, остается неопределенным⁵⁸.

⁵⁸ Обвиняя Челюскина в поверхностности, Ф. П. Врангель несправедлив, что выяснилось еще до 1860 г. Крайняя северная оконечность евроазиатского материка была переименована в мыс Челюскина; координаты его – 77°43' с. ш., 104°14,9' в. д. (Прим. ред.)

Сводная карта открытий
русских путешественников и промышленников
в XVII в. в Северо-Восточной Азии

Затруднения и опасности, в этих путешествиях испытанные и не вознаградившиеся желанными успехами, после 20-летнего бездействия, казалось, усугубили дух предприимчивости.

В 1760 году якутский купец Шалауров построил при реке Лене на собственное иждивение галиот (по Коксу, шитик), на котором намеревался совершить плавание вокруг Северо-Восточной Азии в Великий океан или в Камчатку. Берх (Хронологическая история⁵⁹) говорит, что Шалауров побуждался к такому предприятию находкой мамонтовых рогов на острове, открытом до его отправления якутом Эгериканом, и исключительным правом, данным купцу Ляхову промыслять их, – мнение, которое частью подтверждается и в «Сибирском Вестнике» на 1822 год, с прибавлением, что Шалаурова путешествие имело целью и открытие земли, полагавшейся против устья Колымы.

Однако Шалауров не пытался простирать своего плавания от устья Колымы далеко на север; также из дошедших до нас сведений не видно, чтобы он искал мамонтовые клыки. Напротив, Шалауров старался единственно обойти Шелагский мыс и плыть далее на восток, стремясь за славой разрешения вопроса о северо-восточном проходе из Атлантического в Великий океан, – этот славе принес он в жертву и имение свое и самую жизнь⁶⁰.

⁵⁹ «Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны», СПб., 1821, ч. 1, стр. 144.

⁶⁰ В 1755 году состоялся сенатский указ о дозволении купцам Бахову и Шалаурову предпринять путешествие для отыскания по Северному морю пути в Камчатку. В самом тексте указа сказано, чтобы устюжским купцам Ивану Бахову и Никите Шалаурову для своего промысла, ко изысканию от устья Лены реки, по северному морю, до Колымы и Чукотского Носа,

Сокращенное известие о плавании несчастного Шалаурова взято мной из известного сочинения Кокса и Сауерова описания путешествий Биллингса. Иные достовернейшие и полнейшие источники мне неизвестны⁶¹.

В 1760 году Шалауров с Баховым поплыли на галиоте вниз по Лене. По причине ледовитости моря прошли они не далее реки Яны, при которой и зимовали.

В июле 1761 года вышли они из реки Яны в море. Для избежания льдов, Шалауров держался близ берегов и, обойдя 6-го сентября Святой Нос, открыл на севере, в малом расстоянии, гористую землю. Он продолжал плавание к востоку, но, встречая препятствия от ветра и льдов, прошел не ранее 15-го числа через пролив, находящийся между Сибирским берегом и островом Диомида. 16-го числа, получив попутный SW ветер, поплыли беспрепятственно по чистому ото льдов морю, и в 24 часа прошли устье Индигирки; 18-го миновали Алазею.

Вскоре за этим галиот, находясь между Медвежьими островами и матерым берегом, был совершенно окружен льдами, от которых освободившись, Шалауров позже вошел в реку Колыму на зимовку. Команда тотчас построила на берегу избу, окружив ее снежным валом и батареей из бывших на судне пушек. Дикие олени табунами подходили к этому месту и были убиваемы из завала. Перед наступлением зимы пошла вверх по реке рыба – нельмы, муксуны и омули, – которая, доставляя мореплавателям в изобилии свежую пищу, предохраняла их от цинги; однако в начале следующего года умер от этой болезни Иван Бахов, оставив Шалаурова без помощника.

В 1762 году устье Колымы очистилось от льдов не ранее 21-го июля. Тогда Шалауров вышел из реки в море и до 28-го плыл на NO и NO $\frac{1}{4}$ O. Выйдя на берег, сыскал он отклонение компаса 11°15' восточное. Противный ветер и последовавшее за тем безветрие понудили его положить якорь и держали галиот на месте до 10 августа; тогда с подувшим попутным ветром вступил он под паруса и старался держать не севернее NOtO; но галиот был увлекаем огромными массами льда, несомого сильным течением, которое, казалось, направлено было к западу, по одной версте в час. 18-го при пасмурной погоде пловцы, против ожидания, увидели себя близ берега, возле «яру серого песку», названного Песчаный мыс.

Впереди плавало немалое число ледяных островов, которые 19-го числа галиот окружили и совершенно затерли⁶². В таком положении и всегдашнем тумане оставался Шалауров до 23-го числа; тогда удалось ему высвободиться из окружавших его льдин и, держась NO, войти в довольно чистое от льдов пространство моря: но противные ветры склоняли его к SO и к O среди больших масс плавучего льда; пройдя через них, он опять направил плавание к NO, чтобы обойти Шелагский мыс, но, не дойдя до него, встретил противные ветры, вынудившие его позже искать места для зимовки. В таком намерении поплыл Шалауров на StO, к отверстой губе, находящейся по западной стороне Шелагского мыса и никем прежде не описанной. Он вошел в нее 25-го числа проливом между материком и островами Араутан⁶³, а 26-го попал на мель у низменной оконечности против устья реки Пахля.

С большим трудом стащив свое судно на вольную воду, поплыл Шалауров на берег искать удобного места для зимовки. Он нашел две реки, но как тут не было ни растущего, ни наносного леса, то, в поисках другого места, плыл он по южной стороне губы в виду и в близком расстоянии от берега, до острова Сабадея⁶⁴.

отпуск им учинить.

⁶¹ В Гидрографическом департаменте Морского министерства хранится карта Шалаурова, с приписками, которыми я также в этом обозрении воспользовался.

⁶² На Шалаурова карте надписано: «За покрытием туманом берега и за неизвестным течением моря, как к стене мятые льдины загустились, а сзади наплыло много льдов и судно притеснило, а стояли до 23-го числа, иначе за незнанием в такой близости поперечного берега, а если бы знали, то миновали бы Шелагский мыс и препятствием спаслись».

⁶³ Современные наименования – острова Большой и Малый Роутан. (Прим. ред.)

⁶⁴ На карте Шалаурова остров назван Заведей. Современное название – остров Айон. (Прим. ред.)

5-го сентября, находясь против узкого пролива, между островом Сабадеем и материком, увидели чукотские шалаши, которых жители убежали, когда Шалауров к ним приблизился.

8-го числа, в полдень он находился у SO оконечности острова Сабадея; 10-го, находясь в 10-ти милях к NW от Песчаного мыса, за безветрием, «положили дрехт на льдину и плыли по течению 5 верст» к WSW; около этого времени увидели к NOtN в дальнем расстоянии гору⁶⁵.

12-го числа Шалауров вошел в Колыму и занял прежнее место для зимовки. У Кокса упомянуто, что Шалауров заметил две примечательные скалы близ того места, где берег заворачивается к NO и проливу между островом Сабадеем и материком; что одна скала названа Заячьим Камнем и подобна согнутому рогу, а другая – Бараний Камень, в виде груши, т. е. верх шире низа, и возвышается над горизонтом воды на 29 ярдов. Таких названий на карте Шалаурова нет, да и трудно определить: какие скалы или горы Шалауров понимает. Гора, известная ныне под названием Баранова Камня, ни малейшего сходства с грушей не имеет, а по всему берегу Ледовитого моря до Шелагского мыса я не заметил ни одной согнутой наподобие рога горы или скалы.

На карте Шалаурова берег Ледовитого моря от реки Яны до Шелагского мыса изображен с геодезической верностью, делающей немалую честь сочинителю. Губа Чаун прежде него никем не осмотрена, да и потом морской описи с промером тут не было. Широты около $1\frac{1}{3}^{\circ}$ избыточно неверны, и, вероятно, обсервованных не было, что не касается берега между Колымой и Леной, который, кажется, снят с описи Дмитрия Лаптева, о которой говорено было выше.

Острова Араутан назначены на Шалаурова карте в губе Чаун точно на своих местах, и не видать на ней третьего островка, нарисованного у Кокса близ Шелагского мыса, где в самом деле он вовсе не существует. Относительно усмотренной Шалауровым горы по румбу NOtN, я должен заметить, что в 1822 году находились мы на этой линии в 75-ти итальянских милях от пункта, с которого Шалауров думал видеть землю, но хотя погода и горизонт довольно были ясны, однако мы ничего похожего на землю не заметили, почему полагаю, что ледяная гора ввела Шалаурова в заблуждение.

Отклонение компаса у Баранова Камня показано Шалауровым $11^{\circ}15'$ восточное, Биллингсом в 1787 году $17^{\circ}12'$ восточное, а мною в 1822 году $12^{\circ}35'$ восточное. Течение моря, испытанное им, подтверждает то, что и другими мореплавателями замечено в этом море, где летом воды стремятся от востока на запад.

Путь Шалаурова в 1761 году показывает, что остров Диомиды, к востоку от Святого Носа, еще существовал в то время и точно на том месте, где Дмитрий Лаптев в 1739 году его видел. Но при описях, учиненных Геденштромом в 1810 году и лейтенантом Анжу в 1823 году, остров этот не найден, и прежнего существования его не осталось даже и в преданиях промышленников, которые весьма часто в этих местах разъезжают. Лаптев и Шалауров изображают берег от Святого Носа к реке Хроме с изгибами и не такой прямой чертой, как по последней описи он оказался, а остров Диомиды положен на обеих картах от Святого Носа в 45-ти милях на NO, 78° по правому компасу и в 18-ти итальянских милях от ближайшего берега. Сравнивая эти карты с картой лейтенанта Анжу, мы с первого взгляда удостоверяемся, что остров Диомиды не присоединялся к берегу⁶⁶, а, вероятно, смыт или сдвинут от сильного напора льдов; та же причина могла сравнить и низменный берег к востоку от Святого Носа.

⁶⁵ У Кокса сказано, что Шалауров 8-го сентября обошел остров Сабадей, и тогда течение было по 5 верст в час; но я основывался на оригинальной карте Шалаурова, приписки в коей совершенно объясняют его плавание.

⁶⁶ Хронологическая история Берха, ч. I, стр. 141.

Увиденная Шалауровым гористая земля к северу от Святого Носа есть, без сомнения, первый Ляховский гористый остров.

Неудача, испытанная Шалауровым, не лишила его надежды на лучший успех в следующем году; он решился испытать еще раз обход Шелагского мыса, но команда взбунтовалась, разбежалась и привела его к необходимости возвратиться на Лену. Оттуда ездил Шалауров в Москву и, получив помощь от правительства, предпринял вторичное путешествие к Шелагскому мысу в 1764 году, но более уже не возвращался.

Различные были слухи и мнения о жребии, постигшем этого предприимчивого мореплавателя. В 1823 году найдено нами место, куда Шалауров спасся с погибшего во льдах судна; место это находится на матером берегу, в 70-ти итальянских милях от Шелагского мыса. Там, в необитаемой пустыне, кончил Шалауров жизнь, передав потомству имя свое в воспоминание редкого примера предприимчивости и самоотвержения.

Острова, лежащие против рек Яны и Колымы, не могли оставаться долго в сомнительной неизвестности. Найденное якутским купцом Ляховым около 1750 года богатство в недрах земли тундрового полуострова, между реками Хатангой и Анабаром⁶⁷, мамонтовые рога подстрекали к новым обретениям. У приморских жителей существовали давние предания об острове против Святого Носа; Шалауров видел горы на нем, и наставало время поверить известия и распространить промышленность.

В 1759 или 1760 году⁶⁸ усть-янский якут Этерикан решился на это предприятие, увенчавшееся открытием против Святого Носа острова, сохранившего и поднесь название Этерикан, или Первый Ляховский остров; последнее название дано ему по повелению императрицы Екатерины II в честь Ляхова, ездившего туда и открывшего новые острова.

Купец Ляхов, которому, вероятно, открытие Этерикана было уже известно, находясь в марте месяце 1770 года у Святого Носа, увидел многочисленное стадо оленей, шедших к югу, следы которых простирались от севера через море. Решившись изведать, откуда шли эти звери, Ляхов пустился рано утром в начале апреля на нартах по следу и, проехав около 70-ти верст от мыса прямо на север, прибыл к острову, где остался ночевать. Следующего дня, не оставляя оленьих следов, достиг он на 20-й версте другого острова. След, простираясь еще далее на север, скоро завлек Ляхова в торосы, по которым ему невозможно было пробираться далее, почему возвратился он назад и с трудом выехал на материк.

По получении известий об его поездке правительство представило Ляхову исключительное право промыслять мамонтовую кость и песцов как на этих островах, так и на тех, которые он впредь откроет.

1773-го года Ляхов, сопровождаемый якутским купцом Протодяконовым, поплыл в лодке с пятью гребцами на первый остров; в проливе морская вода казалась им весьма солена, течение было от востока. Со второго острова увидел Ляхов в ясную погоду еще землю на север и скоро приехал на нее, назвав ее Третьим островом. Берег покрыт был наносным лесом. Земля, гористая, казалась обширной. Путешественники нашли клыки мамонтов и увидели следы зверей. Возвратившись на первый остров, Ляхов выстроил из наносного леса зимовье, где и провел зиму. Здесь нужно заметить еще, что один из его товарищей оставил на Третьем острове котел медный – обстоятельство, доставившее ему название Котельного острова.

Протодяконов рассказывал Сауеру, в бытность Биллингса в Якутске, что земля на первом острове состоит из песка со льдом. Мамонтовых костей находили на нем такое множество, что казалось, будто остров весь состоял из них. Между мамонтовыми костями видели головы и рога, похожие на буйволовы. На третьем острове нашли несколько рек; в устьях

⁶⁷ Хронологическая история Берха, ч. II, стр. 144.

⁶⁸ См. Путешествие Геденштрома в «Сибирском Вестнике» на 1823 год.

лежало множество наносного леса, и в реки врывались с моря рыбы, между которыми и краснотелая нерка, которая водится в Охотске и Камчатке, но ни в Колыме, ни в Индигирке не бывает. В море видели китов и белуг, а на земле – белых медведей, волков и оленей. Незвестность пространства этого острова возобновила старую молву о продолжении американского берега.

Тобольск в XIX в.

По возвращении Ляхова на Яне распространился слух о вновь открытой Большой Земле, для исследования которой отправлен из Якутска землемер Хвойнов с поручением сопровождать Ляхова на ту землю и сделать ей верную опись.

В конце марта 1775 года Хвойнов прибыл в Усть-Янск и по льду переехал к Святому Носу. 16-го мая прибыл он к первому острову, имеющему по его счету 350 верст в длину, поперек – 80 в самом широком месте и 20 в самом узком. Посередине нашел он озеро значительной величины, но весьма мелкое, хотя берега его были круты. Делая опись, Хвойнов объехал кругом всего острова и насчитал 367 верст во всей окружности. Дурные погоды и недостаток в корме собак удержали землемера без всякого дела в Ляховском зимовье на этом острове до 6-го июня: тогда выступил он в обратный путь и благополучно приехал в Усть-Янск.

В 1776 году Хвойнову необходимо было завершить опись Ляховских островов, но дурные погоды и недостаток в съестных припасах остановили его. В 1777 году имел он тот же неуспех от тех же причин. Однако он собрал от промышленных людей столько известий, что на карте начертил и второй остров со слов других, а первый – по собственной описи, которая в главных измерениях острова неверна, а в частных подробностях довольно хороша. Замечательно, что от юго-восточного мыса, в 10-ти верстах на восток, усмотрел Хвойнов отпря-

дыш во льдах, который на его карте, ниже на новейшей карте лейтенанта Анжу не означен, и, может быть, действительно более не существует⁶⁹.

О Медвежьих островах существовали в то время одни темные, на преданиях основанные известия. Надлежало их привести в ясность и испытать на деле степень вероятия молвы о продолжении Америки мимо Колымы, в недалеком от сибирского берега расстоянии.

Дело поручено было геодезии сержанту Андрееву⁷⁰, посланному в 1762 году от сибирского генерал-губернатора Чичерина на Колыму.

Марта 4-го дня 1763 года отправился Андреев из Нижне-Колымского острога на собаках к реке Крестовой и оттуда на реку Индигирку с казаком Шкулевым, который должен был указывать путь. Возвратившись к Крестовой и откормив собак, апреля 22-го при благополучной погоде отправились они по льду на собаках в море и, переехав 90 верст, прибыли к первому видимому острову, который протянулся по морскому берегу, от востока к западу, на 50 верст: ширина острова около 40 верст, окружность до 100 верст. Андреев, описывая подобным образом и прочие острова этой группы, находил на каждом признаки бывшей обитаемости – развалившиеся землянки или вкопанные в землю юрты.

Особенно примечательна юрта, найденная им на скале у третьего острова, который, по описанию Андреева, превышает величиной первый остров, имея 120 верст вокруг и 60 верст в длину. Вот слова его: «С северной стороны острова имеется у берега называемый отпрядыш, расстоянием от берега 11 сажень печатных, и на прибыли промежутками бывает вода, а ныне сухо, одна мелкая дресва⁷¹, а оный камень отпрядыш весьма мягок, дресвян, вышиной от земли в пять сажень печатных; на нем же имеется самый тесный залавок (уступ), вышины от земли три сажени печатных, на котором сделана крепость, на подставных десяти лесах матерых (крупных), лиственных; а установлены леса вверху корнями, к земле же вершинами; так прилеплено, как птица на дереве гнездо вьет, а сделано подобно, как быть надобно лабазу.

Первый пол настлан из наносного лиственного матерого ж лесу; поверх пола настлан песок с мелкой дресвой, толщиной на четверть, а по тому полу обставлено вокруг, наподобие юрты, дощечками и пластинами шестичетвертными, столь высоко, человеку в пояс; вокруг юрты осыпано той же дресвой с дерном, а на верх накидан мелкий, наносный, лиственный, еловый и осиновый лес, на котором была насыпана ж дресва с песком, только обвалилась. Для связей рублены проухи и связаны уши ремнями: оные проухи рублены и доски тесаны топором не железным, а каменным, или каким костяным, подобно как зубами грызено.

Поперек ее четыре сажени, в длину 4 ½ сажени, а когда она цела была, вдоль и поперек по шесть сажень; вниз к берегу из юрты спуск на землю; другой спуск в камень на северную сторону, только много же развалилось. А признается, сделанная эта крепость с преобладающим трудом, по высоте и по тесноте того залавка, только построена не русскими людьми, а другими, но какими – о том знать не можно».

⁶⁹ Извлечено из журнала Хвойнова, помещенного в Pallas Neue nord Beyträge, 7 ч., стр. 134–142.

⁷⁰ У Палласа, в Neue nord Beyträge, т. I, ч. II, стр. 231, сообщается журнал геодезистов Андреева, Леонтьева и Лысова, ездивших по Ледовитому морю в 1763 году. В «Сибирском Вестнике» на 1823 год тот же журнал помещен под заглавием: «Журнал Анадырской команды сержанта Андреева и пр., веденный в 1763 году. По «Хронологической истории» Берха, стр. 148, ч. II, сказано, что полковник Плениснер, будучи послан осмотреть Анадырский острог и получив от чукчей сведение, что к северу от реки Колымы есть большая земля, именуемая Имоглин, отправил сержанта Андреева, чтобы удостовериться в справедливости этого сказания. Берх приводит о путешествии Андреева вкратце то же, что в прежде упомянутых журналах сказано. Далее говорит, что после Андреева (путешествовавшего в 1763 году) в 1767, 1768, 1769 годах ездили по Ледовитому морю три геодезиста – Леонтьев, Лысов и Пушкарев. По рукописному же журналу этих трех геодезистов видно, что они ездили по Ледовитому морю в 1769, 1770 и 1771 годах, а что касается до земли Имоглин, то известно, что первый остров от Чукотского Носа в Беринговом проливе назывался Имоглин (см. Паллас, Neue nord Beyträge, IV, 107).

⁷¹ Дресва – мелкий щебень или крупный песок, получающийся от выветривания горных пород и при обделке камня. (Прим. ред.)

Объехав и четвертый остров, он, наконец, прибыл на пятый, по его словам расстоянием от четвертого 100 верст, в длину 70, вокруг 140, а поперек 50 верст, «и много ошибся против устья реки Чауна, или, можно сказать, к Чукотскому Носу». Описав найденные две развалившиеся юрты и «два камня, стоящие, с приезда от западной стороны, в полугоре, называемые кекуры, издали видимые наподобие людей», Андреев продолжает: «Да на этом же острове всходили на верх горы и смотрели во все стороны. В полуденную сторону виден голоменит камень, который, по рассуждению нашему, тот Колымский Камень, а влево, в восточной стороне, едва чуть видеть, синь синее, или назвать какая чернь: что такое, земля или полое море, о том в подлиннике обстоятельно донести не умею».

От этого острова возвратившись к Крестовой реке, ночевали на третьем острове. Мая 1-го, готовясь ехать, встали поутру рано и «увидели, что два медведя побежали в море, за которыми отпустили собак и расшибли их порознь, а разделив надвое команду, догнали медведей и убили».

Выехав благополучно на Крестовую реку, Андреев, в заключение журнала своего, говорит: «Хотя по сказке, данной от казака Федора Татарина, с товарищами, и показано от речки Крестовой до первого, а от первого до второго, даже и до пятого островов, в длину, поперек и вокруг, расстоянием верст, но только этого весьма явилось много; а что касается по моей описи, то разве единая в малом числе верст ошибка быть может».

Вопреки столь скромному уверению, Андреев в описи погрешил на 440 верст избыточно, протягивая пять островов от речки Крестовой к востоку на 550 верст. Также взаимное положение и измерения островов весьма ошибочны.

Укрепленная на скале юрта и скала тем более примечательны, что в 1820 году они бывшей там экспедицией не найдены, поэтому нужно думать, что льдом стерты и скрыты ныне под водой. Разрушенные жилища, остатки которых найдены и нами на некоторых из этих островов, конечно, замечательны, но не более как свидетельства прежней (вероятно, на короткое время) обитаемости островов, опустевших подобно приморским берегам к востоку от Шелагского мыса, по которым мы также видели немалое количество развалившихся землянок. Берх находит причины этого опустения в перемене климата⁷².

Что касается до увиденной Андреевым с пятого острова синевы, замечу, что, став лицом к Колымскому Камню на полдень, синева замечена на левой руке «к восточной стороне», т. е. в той стороне моря, которая исследована нами в 1821 и 1822 годах на 250 верст, — доказательство, что синева не могла быть неизвестная земля, которая должна бы нам непременно открыться.

Вероятно, в следующем году сержант Андреев был опять на пятом острове, потому что в дополнительном наставлении, данном Биллингсу, сказано⁷³: «В 1764 году сержант Андреев с последнего из Медвежьих островов усмотрел в великой отдаленности полагаемый им величайшим остров, куда и отправились льдом на собаках, но, не доезжая до того верст за 20, наехали на свежие следы превосходного числа, на оленях и в санях, неизвестных народов и, будучи малолюдны, возвратились на Колыму. Больше об этой земле, или великом острове, нет никаких сведений».

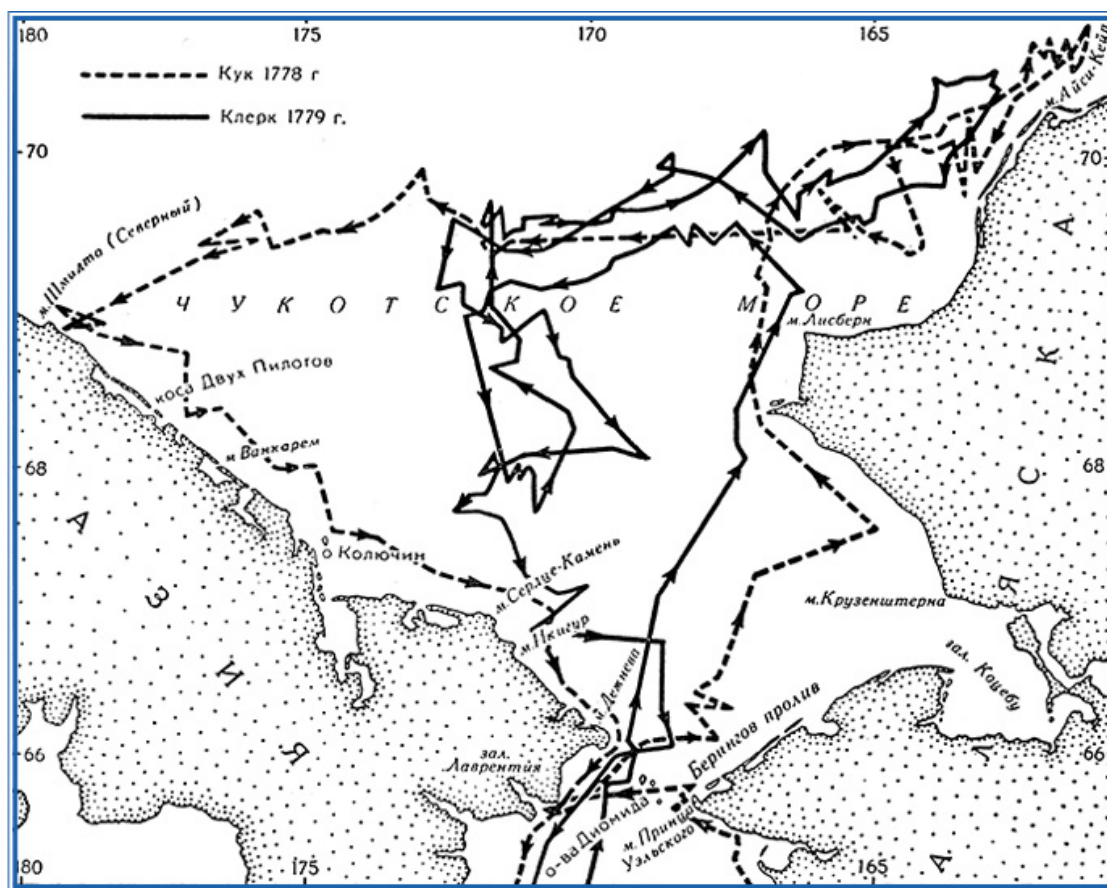
Какое доверие заслуживает Андреев, показывает нам его опись Медвежьих островов и вышеизложенная мной невозможность видеть землю с пятого острова в восточном направлении. Если же Андреев ехал в ту сторону, в которой увидел он синеву, т. е. на восток, и действительно видел высокую землю и олени следы, то его открытие должно быть отне-

⁷² См. «Хронологическая история», ч. 1, стр. 148, где сказано: «Оставленные жилища сии подают нам идею о тех великих изменениях, которым шар земной подвергался в течение своего векового круговращения. Должно заметить, что сии жилища не суть развалины греческой архитектуры, а юрты, землянки, какие строятся в самых холодных странах под 76° широты».

⁷³ См. «Путешествие капитана Биллингса», изд. вице-адмиралом Сарычевым, стр. 190.

сено к матерому берегу Азии, к которому неприметным образом мог он склониться, едуци на восток. Иначе показание Андреева должно называться басней, которая впоследствии еще более распространена и раскрашена.

Например, в «Сибирском Вестнике» на 1823 год, в замечании к журналу сержанта Андреева, мы находим: «Другие известия доказывают, что эта земля имеет жителей, которые называют ее Тикеген, а сами известны под именем хрохаев и состоят из двух племен. Некоторые из них бородатые и похожи на россиян, другие же чукотской породы. Бывшие при экспедиции Биллингса сотник Кобелев и толмач Дауркин, подтвердив описание Андреева, представили даже абрис виденной им земли, составленный некоторым американским тоеном».

Маршрут экспедиции Дж. Кука в Чукотском море

Здесь, вероятно, говорится о северо-западном берегу Америки, которого главнейшие мысы и бухты могли быть известны американскому тоену, а название народа хрохаи взято из рассказов чукчей Северного мыса, как означено в моем журнале.

Известие, доставленное Андреевым по обширной на севере земле, дало повод к отправлению секретной экспедиции из Тобольска на Колыму. Берх нашел в тобольском архиве журнал этой экспедиции, которая иначе осталась бы для нас поднесью секретной.

В 1767 году ездили геодезии прапорщики Леонтьев, Лысов и Пушкарев из Якутска в Охотск и оттуда в Нижне-Колымск. В этот острог прибыли они в 1768 году и в следующем году предприняли путешествие по Ледовитому морю.

1769 год, марта 1-го, поехали они на собаках из Нижне-Колымска, а 17-го числа отправились от устья реки Крестовой на первый Медвежий остров и, объезжая все другие ост-

рова, делали им подробную геодезическую опись, столь верную в отношении к взаимному их положению и расстоянию, что в 1821 году мы не нашли значительных погрешностей. Геодезисты видели те же развалившиеся юрты, о которых говорил Андреев.

23-го марта, находясь на самом восточном острове, в бухте по северному его берегу, Леонтьев, по обсервации, нашел широту $71^{\circ}58'$, почти на том месте, где в 1821 году мной найдена широта $70^{\circ}37'$.

24-го числа отправились они в море на NO 18° и, проехав 37 верст по торосам и рассолу, остановились на ночлег, где крепким от W ветром начало ломать лед, так что едва успели перейти на другое, безопаснейшее место.

25-го числа стояли за погодой и пургой.

26-го числа, проехав на NW 5° три версты через трудные торосы, нашли, что лед тонок, почему не решились следовать далее, «ибо до большой Американской земли расстояние неизвестно»⁷⁴. Притом не стало у них пищи и корма собакам, подбившим себе ноги, так что они с трудом бежали. Повернув назад, приехали тем же путем апреля 7-го в Нижне-Колымск, проехав, по их расчету, вперед и обратно 839 верст и 200 сажен.

1770-го года, февраля 28-го, пустились вторично из Нижне-Колымска, а марта 7-го – из устья Чукотской протоки и направили путь к Медвежьим островам, на самый восточный из которых прибыли марта 10-го; за погодой оставались на этом острове пять дней.

16-го числа поехали на NO 5° , к «большой Американской земле», и на 28-й версте остановились на ночь.

17-го на NO 8° проехали 25 верст 300 сажен торосами.

18-го на NO 5° проехали 18 верст 150 сажен торосами.

19-го на NO 5° проехали 25 верст 150 сажен торосами.

20-го на NO 5° проехали 22 версты 150 сажен торосами.

21-го на NO 5° проехали 18 верст 150 сажен весьма частыми торосами.

22-го на NO 10° проехали 18 верст 150 сажен весьма частыми торосами.

23-го на NO 15° проехали 40 верст 400 сажен весьма частыми торосами.

24-го на NO 15° проехали 40 верст 400 сажен весьма частыми торосами.

25-го чинили нарты, совершенно изломавшиеся в торосах.

26-го стояли за погодой.

27-го «по видимости, что впереди торосы еще чаще», поехали Лысов и Пушкарев в числе десяти человек на отобранных собаках, с кормом и пищей на три дня, «для осмотра не увидится ли где какая земля. На пятой версте доехали к великим торосам в 4 сажени вышиной; по оным проехали около 30-ти верст; осмотрели зрительной трубой горизонт, и видели одни частые торосы, через которые, не предвидя возможности ехать далее, поворотили 28-го числа назад».

На пути к острову переехали они пять расселин на льду шириной по одному аршину, и 1-го апреля прибыли на пятый остров, где остались три дня для осушки платья и обуви; убили четырех медведей.

5-го апреля поехали на Колыму и 9-го числа прибыли в Нижне-Колымский острог, сделав вперед и обратно 950 верст 150 сажен.

Полагая отклонение компаса 15° восточное, приводят курсы их в широту $72^{\circ}00'$ – то место, где остановлены были свежими торосами.

1771-го года, февраля 27-го числа, геодезисты в третий раз отправились из Нижне-Колымска, и от устья Средней Колымы направили путь к последнему Медвежьему острову, куда прибыли 9-го марта. Будучи удержаны погодой, поехали от острова 15-го числа, держа на NO 77° к Чаунской стороне. Проехав в три дня 78 верст почти на истинный восток и не

⁷⁴ Следовательно, Андреев не мог сказать, что не доехал 20 верст до нее.

заметив ничего примечательного, повернули на SW 10°, к Большому Баранову Камню, куда приехали на 50-й версте 18-го числа.

19-го дневали и убили белого медведя в берлоге.

От 20-го до 24-го числа включительно шли к востоку вдоль берегов; 25-го дневали; 26-го поехали далее до губы Шелагинской; 28-го повернули назад, за неимением корма, а 6-го апреля прибыли в Нижне-Колымск, сделав вперед и обратно 432 версты 450 сажен.

На карте, составленной геодезистом Леонтьевым, изображен берег от Колымы к губе Чаун с великим небрежением и как будто в доказательство, что геодезисты не только вовсе не помышляли об описи, но даже не пользовались картой Шалаурова, на которой эта часть берега проведена с довольно точностью. Такая неосновательность геодезистов удивляет тем более, что пройденные ими расстояния при описи Медвежьих островов и даже суточные переходы в эту последнюю поездку показываются в саженях, почему должно думать, что расстояния измеряемы были цепью; но в торосах такой способ вовсе не удобен и, вероятно, употребляется только на ровных местах⁷⁵.

Ноября 6-го отправились геодезисты из Нижне-Колымска, по ордеру от полковника Плениснера, в Тобольск, откуда сибирский губернатор Чичерин 1773-го года в августе послал донесения и карты с прапорщиком Леонтьевым в С.-Петербург. Экспедиция, продолжавшаяся пять лет и сделавшая три поездки в Ледовитое море, хотя и не достигла предположенной ей правительством цели, но не была и вовсе безуспешна. Медвежьи острова с великой верностью геодезически описаны и море исследовано к северу и к востоку от них, сколько обстоятельства позволяли; показание сержанта Андреева о северной земле, обитаемой оленными народами, приняло вид басни, равно и преувеличенное известие о дальнем протяжении Медвежьих островов и их измерении достаточно опровергнуто.

1778-го года, августа 11-го (23-го), появился Кук в Беринговом проливе с известной целью: отыскать проход в Атлантический океан мимо северных берегов Америки или Азии. Ледяные поля, примкнувшие к Ледовитому мысу, остановили Кука на восток, а противные ветры и позднее время года вынудили знаменитого мореплавателя возвратиться, достигнув на западе мыса, названного им Северным⁷⁶, который определен в широте 68°56', долготе 179°11' W от Гринвича; отклонение компаса найдено здесь 26° восточное. Капитану Куку казалось, что от этого мыса берег принимает почти западное направление и что за ним находится озеро или залив.

Учиненная в 1823 году опись показывает, что догадки Кука в этом случае были неверны, а определение широты мыса Северного довольно согласно с моими наблюдениями, на самом почти мысе учиненными; по оным широта 68°55'16", долгота 179°54' W; отклонение компаса 21°40' восточное.

Азиатский берег до мыса Северного не мог быть осмотрен Куком иначе, как весьма поверхностно. На обратном плавании усмотрен остров, «имеющий от четырех до пяти миль в окружности, средней вышины, с отвесными скалистыми берегами, в расстоянии трех миль от материка». На карте положен этот остров, названный Burney's island, в широте 66°45', долготе 185°5' восточной.

Поелику около этого места не находится другого острова, кроме Кулючина⁷⁷, то, без сомнения, Burney's island есть тот самый, до которого в 1823 году наша экспедиция доехала; описание наружного вида его совершенно оправдывает догадку, хотя в определении географического положения находим значительное несогласие, ибо по обсервациям, учиненным

⁷⁵ Старики Нижне-Колымска помнят эту цепь и рассказывают, что при описи Медвежьих островов тащили ее люди.

⁷⁶ С 1935 года – мыс Шмидта. (Прим. ред.)

⁷⁷ Современное название – Колучин. (Прим. ред.)

мною на южной оконечности острова, широта места $67^{\circ}26'46''$, долгота по счислению $184^{\circ}28'$ восточная.

Далее к востоку в широте $67^{\circ}3'$, долготе $188^{\circ}11'$, капитан Кук увидел довольно значительной высоты мыс, отвесно стоящий над морем. «К востоку от него берег идет высокий и приглубый, но к западу он низмен и направляется к NNW и NWtW почти до самого мыса Северного. Глубины, в одинаковых расстояниях от берега, везде почти одинаковы как у азиатских, так и у противоположащих берегов Америки. Самая большая глубина, плывя вдоль них, была 23 сажени, и ночью или в туманную погоду лот может служить небесполезным вождем в плавании вдоль обоих этих берегов».

Насчет этих замечаний капитана Кука можно сказать, что весь берег к востоку от Шелагского мыса до мыса Северного, и от этого последнего до острова Кулючина, нельзя назвать ни низменным, ни высоким; он переменяется и именно около мысов Оньман (к западу от острова Кулючина), Кивера и Казьмина представляет довольно высокие, несколько отлогие горы и отвесные скалы.

В плавании между берегами Азии и Америки, к северу от Берингова пролива, капитан Кук и астроном Бялей неоднократно думали видеть приметы близости земли на севере. Почти неприметное увеличение глубины моря с удалением от берегов обоих материков, стада гусей и уток, летевшие от севера на юг в августе месяце, в такое время, когда эти птицы действительно в полуденные страны отлетают, самое образование льдов, – все, по мнению Бурнея, согласно указывало на неизвестную землю к северу от пролива. Течения никакого не замечено, хотя льды приметно на юг подавались.

Кому неизвестны описания экспедиции, отправленной в Северо-Восточную Азию и к северо-западным берегам Америки для географических исследований, под начальством капитана Биллингса, с 1785 года по 1794 год? На русском языке описаны ее действия капитаном Сарычевым⁷⁸, который был деятельнейшим в ней сотрудником, а на английском – секретарем экспедиции Сауером⁷⁹.

В числе многих предметов, составлявших цель этого предприятия, было и испытание возможности мореходного сообщения из Ледовитого моря через Берингов пролив в Восточный океан. Для того (на реке Ясашне, близ Верхне-Колымского острога) построили два мореходных судна – «Паллас»⁸⁰ и «Ясашну»⁸¹. На первом находился начальник экспедиции капитан Биллингс, второе поручено в командование капитану Сарычеву.

1787 года, мая 25-го, поплыли оба судна вниз по Ясашне и Колыме и 18 июня находились против Нижне-Колымского острога, где нашли широту $68^{\circ}17'14''$, долготу $163^{\circ}17'30''$ восточную; отклонение компаса $14^{\circ}14'$ восточное.

19-го числа «Паллас» поплыл далее, а 21-го последовала за ним и «Ясашна». 22-го соединились оба в восточном устье Колымы, близ Шалауровских казарм и Лаптева маяка. Капитан Сарычев замечает: «Кажется вероятно, что прежде фарватер реки был возле правого берега, что доказывают построенные на нем Лаптевым для людей казармы, близ которых вытащен был и бот его, но теперь не только большое судно приблизиться к сему берегу не может, но и шлюпка подходит с трудом, и то в водополье, а во время убыли воды отмель бывает версты за три».

23-го числа юго-западным ветром развело волнение, и в «Ясашне» оказалась уже течь, которую, однако, скоро остановили.

⁷⁸ Немецкий перевод, von Busse, Leipzig, 1805.

⁷⁹ An Account of a Geographical and Astronomical Expedition to the Northern Parts of Russia.

⁸⁰ 45 футов по киллю.

⁸¹ 28 футов по киллю.

24-го начальник экспедиции объявил себе чин капитана 2-го ранга, и того же дня оба судна снялись с якоря, и через 6 миль вышли из устья Колымы в Ледовитое море. «Глубина реки по фарватеру, который здесь до 200 сажен шириной, была от трех до пяти сажен; на дне жидкий ил. Берег продолжается каменным утесом вышиной до восьми сажен; под ним видно много наносного леса».

Укрываясь от льдов, носившихся близ берегов, суда входили в небольшие заливы за мысами и останавливались на якорях, когда не находили возможности плыть далее. 28-го, находясь в заливе между Большим и Малым Барановыми камнями, против ручья, Биллингс устроил свою обсерваторию на берегу, нашел широту того места $69^{\circ}27'26''$, долготу по хронометру $167^{\circ}50'30''$. Капитан Сарычев в своем сочинении показывает обсервованную широту того же места $69^{\circ}29'$, прибавляя: «Из этого видно, что на всех прежде изданных картах берег Ледовитого моря положен далее к северу почти на два градуса». Отклонение компаса было здесь $16^{\circ}00'$ восточное.

1-го июля оба судна снялись с якоря и старались пробираться на север, где льды, казалось, уменьшались, но самый густой туман, препятствовавший видеть далее двух сажен, вынуждал их ложиться часто на якорь. Самое большое отдаление от берега к северо-западу простиралось не более 20-ти миль; отсюда вынуждены были повернуть назад, «ибо высокие и большие льды, которым не видно было конца, покрывали впереди все море, и ударяющиеся об них волны производили ужасный шум». «Паллас» 2-го числа положил якорь в заливе за мыском западнее того, у которого вчера стояли; «Ясашна» скоро с ним соединилась.

5-го и в следующие числа, пытаясь проплыть далее на восток и встречая всегда препятствия от льдов при частых густых туманах, миновали 19-го июля Большой Баранов Камень, но, пройдя на северо-восток около 11-ти миль, ледяные громады, из которых многие на 16-ти саженях глубины доставали дно, вынудили их укрыться по западной стороне этого мыса и положить якорь.

Здесь капитан Биллингс составил совет из офицеров, в котором положено: «за невозможностью пройти далее к востоку и за поздним осенним временем возвратиться на Колыму». Лишь только кончился совет, то снялись и на завозах пошли на запад. 26-го июля вошли в устье Колымы, которой течение было столь тихо, что через пять дней дошли до Нижне-Колымска «и тем кончили сколь трудное, столь и опасное плавание по Ледовитому морю».

По окончании плавания Биллингс вторично собрал совет, в котором рассуждаемо было: «как бы удобнее и безопаснее обойти водой или берегом мысы Шелагский и Чукотский». Опыт показал, что водой этого исполнить было не можно; оставалось еще средство объехать мысы зимой на собаках, «но оно отвергнуто в совете, так как неудобное, потому что нельзя взять с собой для собак корма более как на 200 верст пути».

Наконец, положено сделать еще покушение с восточной стороны, от Берингова пролива, на судах, приготавливавшихся в Охотске⁸².

На пути в Берингов пролив в 1791 году капитан Биллингс на судне «Слава России» зашел в губу Св. Лаврентия, где его навестили чукчи. Они рассказывали начальнику экспедиции, что Ледовитое море почти всегда покрыто бывает множеством льда, и что нет возможности плавать по сему морю не только на больших судах, но и на байдарках. Поверив таким рассказам более, нежели собственному опыту⁸³, капитан Биллингс отменил намерение обойти морем Шелагский Нос и, как будто из благодарности к чукчам за избавление его от предстоявших ему в плавании опасностей, решился на труднейший, но менее славный

⁸² См. Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю, составленное вице-адмиралом Г. Л. Сарычевым.

⁸³ Известно, что капитан Биллингс находился с Куком в третьем его путешествии и что Кук достиг мыса Северного, не встретив больших препятствий от льда.

подвиг: проехать через чукотскую землю и ввериться дикому и коварному ее народу, пренебрегая даже мерами осторожности, вопреки убедительным представлениям своих подчиненных и особенно капитана Сарычева.

11-го августа капитан Биллингс отправил геодезии сержанта Гилева морем на чукотской байдаре описывать берег вокруг восточного Чукотского мыса до острова Кулючина, откуда стараться выехать ему навстречу, при путешествии Биллингса берегом.

Сержант Гилев, отправившись, ехал на байдаре возле берегов до Восточного мыса⁸⁴, перешел пешком через перешеек его к Ледовитому морю, откуда следовал возле берегов к NW то на байдаре, то пешком, смотря по тому, как носящиеся по морю льды позволяли или препятствовали; наконец, не доходя до острова Кулючина 90 миль, сидячие чукчи отказались провожать далее и отдали его случившимся тут оленным чукчам, которые на своих оленях через горы привезли его в стан к Биллингсу, находившемуся тогда близ вершины реки Югней, впадающей в Кулючинскую губу.

На пути сюда, на первой версте от озера Югней, осмотрел штурман Батаков ключи теплых вод, которые описывает таким образом: «Они находятся на невысокой каменной горе, и составляют четыре овального вида водоема, которые возвышены от поверхности горы на 1 ½ фута тонкими закраинами, сверху загнутыми на внешнюю сторону так ровно, что эти водоемы походят совершенно на котлы, врытые в землю. Они все наполнены, с краями нарovenь, теплой, густоватой, белесоватого цвета водой. Посередине их видны бьющие снизу ключи наподобие кипящей воды, где до дна не могли достать палкой, а по краям находится вязкий известковый ил, от осадки которого, как думать должно, произошли закраины котлов. Величина этих водоемов от шести до трех сажен в окружности; другие два находятся в 50 саженях от первых». Штурман Батаков по наружным признакам полагает, что эта гора некогда была огнедышащей сопкой.

Капитан Биллингс с сержантом Гилевым ездил по Кулючинской губе, до ее устья, которое, по описанию, «лежит в 120-ти милях от Берингова пролива и вдалось внутрь Чукотской земли к югу на 60 миль. Ширина ее не более семи миль. В нее впадает много речек и две реки: Югней и Килью; первая течет из озера, вторая из горных хребтов. Устье Кулючинской губы имеет ширины четыре мили; посередине его лежит остров Пессоне величиной до трех миль. Чукчи сказывали, что по западную его сторону мелководно, а по восточную глубоко, так что этим проливом входят в губу киты. Остров Кулючин лежит в море, от устья губы к N в десяти милях». По карте капитана Биллингса середина острова Кулючина находится в широте 67°30', долготе 185°26' W от Гринвича.

На всем пути капитана Биллингса до первого русского селения на Большом Анюе, при устье Индигирки, куда он прибыл 17-го февраля 1792 года, чукчи, державшие путешественников, так сказать у себя в неволе, несколько не изменили обыкновенного своего тракта и медленного на оленях кочевания, идя всегда долинами и не приближаясь к морскому берегу ближе 50-ти миль. Биллингс скучал продолжительностью, трудностями пути и обращением чукчей, от которых должен был переносить обиды.

Штурман Батаков с большим трудом замечал направления пути и измерял пройденные расстояния, означая в журнале своем имена рек, положение гор и все, что мог расспросами узнать от чукчей, для положения всего на карте.

Говоря о Чукотской стране вообще, капитан Биллингс в своих записках замечает: «Она вся состоит из гор и бесплодных долин; на горах никакой травы не приметно, выключая моха, который служит пищей оленям; везде виден голый камень. В некоторых долинах тор-

⁸⁴ В 1879 г. А. Э. Норденшельд назвал этот мыс в честь Дежнёва, который вместе с Поповым обогнул его в 1648 г. В 1898 название «мыс Дежнёва» стало официальным. (Прим. ред.)

чат палочки тальниковые, очень нетолстые; климат самый неносный: до 20-го июля не приметно лета, а около 20 августа приближение зимы во всем уже является».

«Чукотская земля возвышена, и часто попадались нам горы удивительной вышины. По горам и в долинах во многих местах снежные кучи покрывают землю весь год. По долинам, направленным к северу, протекает множество мелководных рек и речек, имеющих каменистое дно. Самые долины большей частью болотисты и наполнены множеством малых озер. Ягоды рождаются только голубика, брусника и водяница, называемая шикшей. При берегах северо-восточной, восточной и отчасти южной сторон ловятся сивучи, моржи и тюлени. Северный олень, горный баран, бачоватый волк, медведь, лисицы и песцы составляют все царство четвероногих. Во время кратчайшего лета видны орлы, соколы, куропатки и разных родов водяные птицы, а во время зимы, когда жители путешествуют, то везде летают за ними вороны».

Об обитателях этой дикой страны Биллингс в своих записках нам ничего не сообщает, кроме описания некоторых суеверных обрядов, и нам остается сожалеть, что необычайные труды, путешественниками перенесенные в проезде через всю чукотскую землю, не познакомили нас короче с ее обитателями.

По смерти купца Ляхова купец Сыроватский вступил, по частной передаче указа Якутской воеводской канцелярии, во владение островами, открытыми Ляховым. Желая распространить промыслы, передовщик (начальник артели) Сыроватского, мещанин Санников открыл от второго острова на запад новый остров, который по высоким каменным горам и по малому объему своему назван Столбовой. Тот же Санников, после смерти Сыроватского, быв послан сыном его, мещанином Сыроватским, открыл в 1805 году на восток от третьего Ляховского, или Котельного острова, другую землю, которая названа Фаддеевским островом, потому что первое на нем зимовье построил промышленник Фаддеев.

В 1806 году промышленниками Сыроватского открыта от этой земли в близком расстоянии другая, названная впоследствии времени Новой Сибирью.

В то же время купец Протоdjяконов, не имевший сначала успеха в обретении от устья Лены какого-либо нового острова, решился просить государя императора о дозволении ему с товарищем его мещанином Бельковым производить промыслы на Котельном острове и тем уничтожить исключительное право Сыроватских.

Это обстоятельство подало повод государственному канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцеву, отправить Геденштрама на эти острова с поручением обозреть их со всей подробностью.

Между тем, еще до отъезда Геденштрама, в 1808 году найден мещанином Бельковым островок, отделяющийся от западного берега Котельного острова узким проливом и называемый поныне Бельковским островом.

1808-го года в августе отправился Геденштром из Иркутска в Якутск вместе с землемером Кожевиным, откомандированным ему в помощь. Окончив все нужные к предстоящему путешествию приготовления, Геденштром отправился из Якутска 18-го ноября и 5-го февраля 1809 года прибыл в Усть-Янск. Здесь представились ему величайшие затруднения в исполнении первоначального плана, состоящего в том, чтобы учредить на Котельном острове главную складку запасов и начать от него опись берегов к востоку. Хотя это намерение и рушилось, но благоразумием и деятельностью своей Геденштром привел себя в состояние употребить наступившую весну с пользой для географии.

Средства его, конечно, были весьма ограничены, но он старался вознаградить недостатки усердием. Он имел октан, одну старую астролябию, «которая для верного назначения широты места не годилась», и довольно хороший «морской, или пель-компас». Для успешнейшего действия Геденштром поручил землемеру Кожевину с астролябией описать первую от Котельного острова к востоку лежащую землю, т. е. Фаддеевский остров, и на обратном

пути объехать первый и запеленговать второй Ляховский острова. Мещанину Савинкову, который находился при экспедиции в числе добровольно сопровождающих, поручено узнать пространство пролива, отделяющего Котельный остров от Фаддеевского. Себе предоставил Геденштром, разделяясь с Кожевиным на Фаддеевском острове, описать открытую, по объявлению Сыроватских, на 300 верст к востоку от этого последнего острова землю, называемую ныне Новой Сибирью.

Отправившись 7-го марта из Усть-Янска, приехали к первому Ляховскому острову (число в журнале Геденштрома не показано), где шесть дней сильные вьюги держали на месте. По прибытии наконец на Фаддеевский остров землемер Кожевин и Санников с Геденштромом разделились. Он сам направил путь на Новую Сибирь, взяв вожатым усть-янского крестьянина Портнягина.

Землемер Кожевин описал западный, южный и восточный берега Фаддеевского острова, объехал также первый, запеленговал второй Ляховский острова и возвратился в Усть-Янск благополучно.

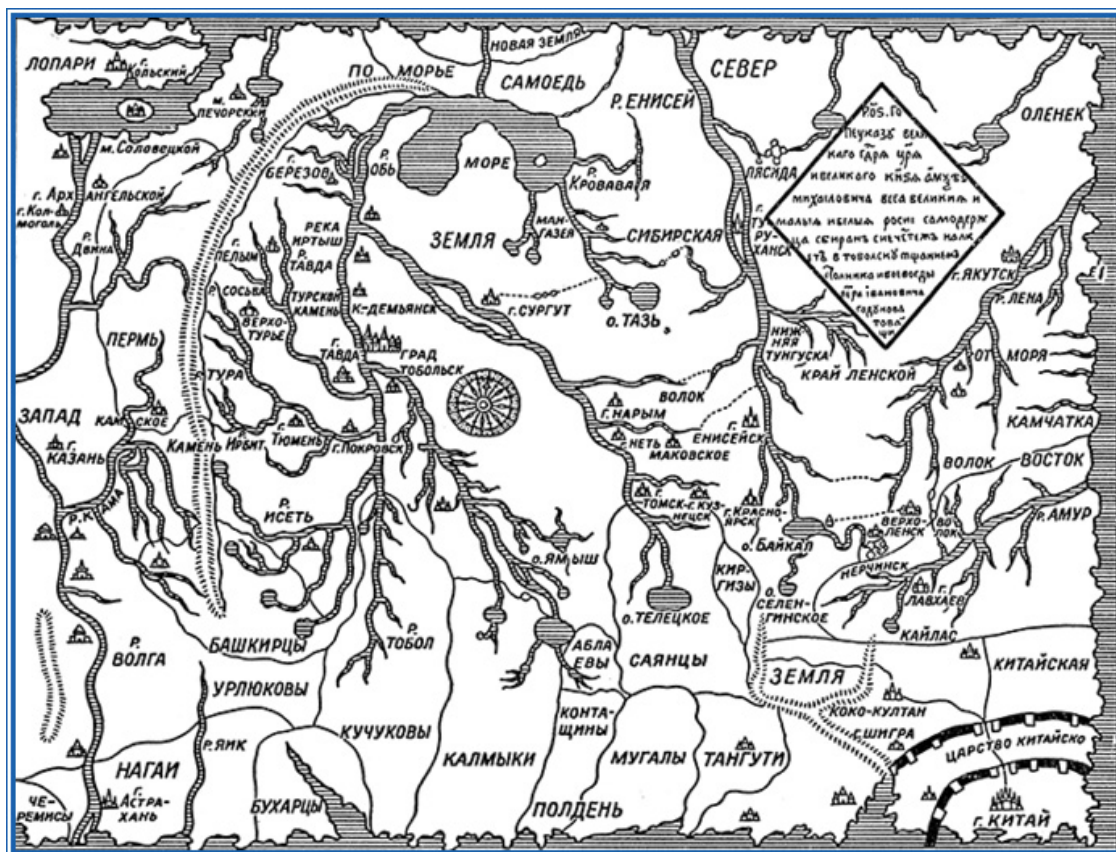
Мещанин Санников переезжал во многих местах пролив между Котельным и Фаддеевскими островами и нашел, что ширина его примерно от семи до тридцати верст.

Геденштром описал южный берег Новой Сибири на 220 верст, нашел, что промышленности Сыроватского, вместо трехсот верст, как объявляли, проехали по новой земле только 65 верст, и возвратился благополучно в Усть-Янск три дня после Кожевина.

Геденштром, намереваясь в будущем году провести лето на Новой Сибири, завезти туда оленей и лошадей, построить заблаговременно зимовье на этом острове и увериться в способах продовольствия на нем, отправил мещанина Санникова с пятью промышленниками на Новую Сибирь, на летовку, так сказать, для испытания, а сам ездил в Верхоянск для разных хозяйственных распоряжений.

Возвратившись к осени 1809 года в Усть-Янск, чтобы не остаться праздным, делал Геденштром опись приморского берега к Индигирке. Тут узнал он о возвращении в начале ноября Санникова с артелью от Новой Сибири. По объявлению их, лето было столь холодное, что даже во многих местах не сходил снег и травы никакой не было. Рыбы в реках не видно другой, кроме рогатки (рыбка в четыре вершка длины); впрочем, рыба и не могла войти с моря, потому что берегового льда в то лето не разносило. Бывший при артели плотник построил на Новой Сибири два зимовья и три стана. Мещанин Санников также вывез с собой некоторые вещи, найденные на Фаддеевском острове и на Новой Сибири.

На первом найдены юкагирские сани и обделанная кость с выемкой, в которую вкладывалось каменное острие для сбития с оленьих кож шерсти, а на Новой Сибири – обделанный кусок мамонтовой кости, наподобие чукотских топоров. «Все доказывает, – говорит Геденштром в своем занимательном журнале, – что были на тех островах юкагиры, с давних лет туда зашедшие, ибо ежели предполагать, что вещи эти принадлежат нынешним юкагирам матерого берега, то для чего им употреблять кость и камень вместо железа, которого у них довольно привозного?»

Чертеж Сибири Петра Годунова 1667 г.
(На оригинале север находится внизу,
как было принято до XVIII в.)

Зиму провел Геденштром со своими людьми в так называемом Посадном зимовье (на морском берегу, около ста верст к востоку от Святого Носа, и в 180-ти верстах от ближайшего селения на Индигирке), куда все нужные запасы завезены были заблаговременно. «Время, – говорит Геденштром, – протекало у нас скорее, нежели у иного при всех городских забавах. Но цинга, которая в здешних местах обыкновенно случается зимой, посетила и нас. Более двух месяцев продолжающаяся здесь ночь делает воздух чрезвычайно густым и нездоровым: без частых ветров и вьюг, которые посылает тогда благотворная природа для приведения в движение этого тяжелого воздуха, места эти были бы действительно для человека зимой необитаемы.

Я предвидел нашу опасную болезнь и принял для спутников моих все предосторожности, состоявшие в свежей пище, беспрестанном движении и пр. Зато и показалась она только у меня и у одного казака, потому что мы менее всех других предохранялись движением. Но повторяемые приемы селитры, отвар кедрового сланца и принужденное сильное движение при самом появлении болезни избавили нас скоро от нее».

1810-го года, января 29-го, Геденштром поехал из Посадного стана в Усть-Янск, где присутствие его для различных распоряжений было необходимо. Руководствуясь опытом Санникова, летовавшего в прошедшем году на Новой Сибири, Геденштром отменил лошадей и распорядился, чтобы одни олени были переведены туда, но не прежде, как уверившись, что Новая Сибирь не есть остров, а действительно обширная земля.

Преодолев многие препятствия и затруднения, Геденштром наконец 2-го марта отправился из Русского устья (на Индигирке) на 29-ти нартах в море, держа путь к поставленному

им в 1809 году кресту близ Песцового мыса. 13-го числа приехали к Новой Сибири, в десяти верстах западнее этого места. «Столь малой ошибкой, – говорит он, – обязан я Деревянными горам, которые увидели мы еще за 120 верст до Новой Сибири». Дорога была по частым торосам весьма трудна, тем более, что индигирские собаки и проводники не имеют достоянного навыка в разъездах такого рода. Отправив с Креста 22 нарты обратно на Индигирку, продолжал Геденштром на семи лучших нартах описывать берег к востоку. У Песцового мыса определили по наблюдению отклонение стрелки 15° восточное, а широту $74^{\circ}45'$, которая от определения лейтенанта Анжу разнится только $5'$ недостаточно.

Мещанин Санников отправлен на одной нарте через остров к северному берегу Новой Сибири.

16-го марта Геденштром находился уже у Каменного мыса, с которого берег Новой Сибири склоняется к западу. С высоты этого мыса виднелась на NO синева, совершенно похожая на отдаленную землю.

Наутро приехал и Санников. Проехав землей 70 верст на север, выехал он к морскому берегу, откуда поворотил к востоку и ночевал в пяти верстах от Геденштрома. Он также принял синеву к NO за отдаленную землю.

Уверившись в небольшом протяжении Новой Сибири на восток, Геденштром отменил намерение летовать на ней и, отпустив Санникова в Усть-Янск, пустился к NO за новым открытием.

«Дорога была из труднейших, но все труды были забыты, когда прежде виденная синева представилась через зрительную трубку белым яром, изрытым, как казалось, множеством ручьев. Вскоре яр этот показался простирающимся полуциркулем, почти соединяющимся с Новой Сибирью. Но, к крайнему прискорбию всех, на другой день узнали мы, что обманулись. Мнимая земля преобразилась в гряду высочайших ледяных громад, 15-ти и более сажен вышины, отстоящих одна от другой в двух и трех верстах».

Желая запастись дровами на дальний путь, возвратился Геденштром отсюда на Новую Сибирь и нагрузил ими нарт на 14 суток, отправился вторично 24-го марта на восток, но торос был столь густ, что в четыре дня проехали не более 70-ти верст. «Здесь увидели мы, к крайнему удивлению, в пяти верстах воду и носящийся по морю лед. Эта вода была, как я после уверился, морская полынья, простирающаяся почти от Новой Сибири до Медвежьих островов, что составит до пятисот верст».

Намереваясь ехать прямо к Лаптевскому маяку на устье Колымы, три раза приближался Геденштром к полынье и, наконец, уверившись в непроходимости этой препоны, поворотил на юг и выехал на азиатский берег около устья реки Курджагиной, пробыв 43 дня в пути (считая от Индигирки) вместо предположенных 28-ми дней, отчего он весьма нуждался бы в запасах, если бы 11 убитых им белых медведей не отвратили недостатка в корме собак. 13-го апреля приехали к Лаптевскому маяку.

Еще до отправления своего на Новую Сибирь Геденштром послал на Колыму нарочного с предписанием изготовить под экспедицию пять отборных нарт, но как вместо таких встретили их четыре весьма дурные нарт, то он принужденным нашелся ехать в Нижне-Колымск и немедленно принять нужные меры. Вместе с тем вновь присланного к нему в Усть-Янск землемера Пшеницына (на место заболевшего Кожевина) отправил он для летовки на Котельный остров. Наконец 18-го апреля Геденштром отправился из Нижне-Колымска на пяти нартах, имея корма на 20 дней. У Баранова Камня продержала его жестокая буря от востока семь дней; потом пустился он в море, держа на NO 20° . На расстоянии 150-ти верст стали попадаться земляные глыбы на льдинах.

«Мая 1-го видели мы стадо гусей, летевших на NNW, и белого филина; на N подымались облака; глубина морская уменьшалась. Все доказывало близость земли. В 245-ти верстах от Баранова Камня переехали мы щель в один аршин ширины, но в 5 верстах доехали

до щели в 15 сажен. Здесь заметил я быстрое морское течение на ОСО и заключил, что щель эта сделалась от бывшей с востока бури. В пяти верстах этих глубина морская от 11 ½ сажен уменьшилась до одиннадцати сажен».

Сравним эти обстоятельства с теми, которые испытаны мной десять лет после Геденштрома.

Курс NO 20° по компасу, исправив отклонением компаса (15° восточное), проходит по самым тем местам, по которым в 1821 и 1822 годах мы проезжали. 150 верст от Баранова Камня, где Геденштром нашел земляные глыбы на льдинах, есть почти тот самый пункт, откуда в 1821 году, следуя к юго-востоку, поворотили мы назад, а встреча щелей в 245-ти верстах воспоследовала там, где в 1822 году нашли мы попеременные полыньи и чрезвычайные торосы, в которых вырыли вторую яму для хранения припасов, чтобы облегчить езду в торосах. Нами измеренная глубина здесь 14 ½ сажен, грунт ил, а на 30 миль севернее нашли мы 14 ½ сажен, грунт дресва или камень. Эти глубины не согласны с показанием Геденштрома, и как он не выходил из пределов нашей езды, во время которой многократно измеряема была глубина моря, возрастающая с удалением на восток и умаляющаяся к западной стороне, не уменьшаясь к северу, то я имею достаточные причины полагать в измерениях его ошибки, тем более вероятные, что, как мне известно, настоящего, на футы измеренного лот-линия при нем не находилось, а пройденные расстояния полагались по примерному соображению бега собак без проверки обсервованными широтами.

Что полагаемые таким образом расстояния весьма не надежны и у Геденштрома всегда были слишком велики, в том свидетельствует его опись Новой Сибири, впоследствии поверенная лейтенантом Анжу. Явление гусей и филина в значительном отдалении от материка не должно также нас удивлять и отнюдь не может служить доказательством близости другой земли на севере, ибо гуси, пролетая к морскому берегу от юга и не находя воды, обыкновенно пускаются вдаль к полыньям, пока вскрытие рек не позовет их обратно, а филин есть плотоядная птица, ищущая пищи в объедках белых медведей. Если бы в исходе лета мы видели стада гусей, от севера через море к югу летящих, то, конечно, можно бы думать с некоторой основательностью, что они оставили северную землю и возвращаются в полуденные страны.

Не видя возможности ехать далее на север, Геденштром желал выехать к Шелагскому мысу, но тонкий лед ему и в том покушении воспрепятствовал, так что с трудом нашел он свой старый след, по которому приехал 8-го мая к Баранову Камню, где вторично сильная буря два дня его продержала.

Проведя лето в Нижне-Колымске, Геденштром отправился 18-го сентября на нартах к Индигирке, делая всему берегу опись. На Индигирке застал он геодезиста Пшеницына, который оставался все лето на Яне и Индигирке, не находя возможности перебраться для летовки на Котельный остров.

В половине октября отправился в Усть-Янск, прямым путем через тундру. «На этом пути, – говорит Геденштром, – примечательно озеро Хастах длиной 14, а шириной 6 верст. Оно в каждую осень выбрасывает на берег великое множество известного по естественной истории смолистого дерева (*bituminosis Holz*) в виде щеп. Берега завалены им в иных местах на аршин вышиною; между этими щепами попадает мелкими кусками вещество, очень похожее на камедь. Оно горит как янтарь, но имеет смолистый запах, и судя по тому, есть, вероятно, не что иное как затвердевшая смола лиственницы. Ближнее расстояние этого озера от моря 115 верст, от леса 20 верст».

Снаряжение походных саней

Он сообщает нам и другое, не менее примечательное явление природы. «На тундре также находят леса, в ярах над озерами и реками целые березы с корнями и корой. Они истлели, но жители употребляют их на топку в случае недостатка в дровах. Они не дают пламени. Жители называют эти березы адамовщина».

В Усть-Янске осведомился Геденштром о возвращении Санникова от Котельникова острова. Вот краткий отчет его:

«Мещанин Бельков (компаньон купца Протодяконова) вместе с мещанином Санниковым летовали этого 1810 года на Котельном острове для промысла мамонтовой кости и песцов. Они избрали для летования западную сторону острова, на которой предполагали иметь изобильнейшие промыслы, потому что до этого времени никто на этой стороне не бывал.

Мещанин Санников, проходя по западному берегу Котельного острова, в 150-ти верстах от тех мест, до которых доходили прежние промышленники, нашел:

1. На берегу выкопанную могилу: тело было вырыто медведем. Возле могилы стояла долгая, узкая и высокая нарта, строение которой от всех известных отлично и доказывало, что тащили ее люди ляжками. В одном конце могилы сделан деревянный крест, обложенный свинцом с обыкновенною церковной русской надписью. Возле креста лежали железный ботас (род узкого однолезвийного копья) и две железные стрелы.

2. В недалеком от этого места расстоянии было четырехугольное рубленое зимовье, в котором найдено несколько вещей из оленьего рога, тесанных топором.

3. На речках, где линяют гуси, находил Санников гусиные кости в доказательство, что были здесь люди, а на морском берегу видел китовые позвонки. Также замечено им, что дикие олени этого места гораздо боязливее и осторожнее находящихся на матерой земле Сибири.

4. Берег в том месте, до коего Санников доходил, оборачивается на восток, а на северо-западе, в примерном расстоянии 70 верст, видны высокие каменные горы».

Как Санникову и всем устьянским и индигирским промышленникам было известно, что на западном берегу острова никто прежде не бывал, то виденные признаки бытия здесь

русских людей приписывает Геденштром крушению какого-либо коча мореходцев XVII столетия.

Замечание Санникова касательно высоких гор на NW от Котельного острова побудило к намерению весной следующего года подробнее все исследовать. Окончательную опись Новой Сибири и Фаддеевского острова поручили геодезисту Пшеницыну, а казачьему сотнику Татаринову, которого обучили употреблению компаса, приказано попытаться объехать с северной стороны полынью, протянувшуюся от Новой Сибири к Колыме.

Занимаясь распоряжениями к приведению изложенных намерений для будущего года в исполнение, ездил Геденштром в Верхоянск, где получил повеление от иркутского гражданского губернатора возвратиться немедленно в Иркутск для личного обо всем отчета, с тем, чтобы ко времени отправления на острова быть опять в Усть-Янске.

По прибытии Геденштрома 4-го января 1811 года в Иркутск объявлено ему, что гражданский губернатор, видя отягощение, которое малочисленные жители берегов Ледовитого моря несут от экспедиции, представлял уже высшему начальству об ее уничтожении. По рассмотрении всех действий Геденштрома предположено было окончить опись островов Котельного, Фаддеевского и Новой Сибири, однако с тем, чтобы все выполнено было без Геденштрома, которого губернатор оставил при себе.

Вследствие этого даны нужные предложения геодезисту Пшеницыну, которому назначены в помощь мещанин Санников, сотник Татаринов и унтер-офицер Решетников, находившийся с Геденштромом во всех его разъездах.

Геодезист Пшеницын⁸⁵, выехав в начале марта 1811 года из Русского Устья (деревня на Индигирке) на Новую Сибирь в нартах, объехал ее, описал и представил карту. Земля эта оказалась островом, имеющим в окружности 470 верст; с северной стороны Каменного мыса сотник Татаринов пускался в море, но, проехав не более 25-ти верст, доехал до тонкого льда, за которым видно было открытое без льдов море. Северные берега этой земли состоят из крутых, почти неприступных яров. Наносного леса на южной стороне довольно, а на северной, кроме двух губ, нигде его не находили.

Мещанин Санников также в начале марта 1811 года пустился из Усть-Янска в трех нартах на Фаддеевский остров, оставив товарища своего унтер-офицера Решетникова для приготовления всего нужного к летованию на Котельном острове. Прибыв на Фаддеевский остров и дав нужным собакам отдых, 27-го отправился он в путь для объезда всего острова. В западной стороне его, с которой начал путь свой, море, почитаемое прежде проливом, оказалось заливом. Верхний конец этого залива оканчивается до самого моря низменным песком, которым Фаддеевский остров соединяется с Котельным. Северо-западная оконечность Фаддеевского острова состоит из каменного, высокого, узкого, далеко в море простирающегося мыса, от которого земля, оборачиваясь круто на юго-восток, составляет губу; в восточной части острова берег, склоняясь к юго-востоку, простирается до Благовещенского мыса, составляющего восточную оконечность острова, до которого Геденштром доезжал в 1809 году и с которого он пустился на Новую Сибирь.

С северного берега видел Санников на севере землю с высокими горами; пустившись туда, проехал не более 25-ти верст, когда был удержан полыньей, простиравшейся во все стороны; земля ясно была видна, и он полагал, что она от него не более 20-ти верст отстояла. С Благовещенского мыса также пускался он на север в море, но, проехав не более 30-ти верст, доехал до открытого моря.

12-го апреля Санников возвратился в Усть-Янск и тотчас приступил к отправке оленей и прочего на Котельный остров для летовки. 2-го мая обоз его выступил из Усть-Янска, а 17-го прибыл благополучно на Котельный остров. Олени по долгому ожидании наконец при-

⁸⁵ Отчет этот выписан мной из приложения к журналу Геденштрома.

гнаны на остров 9-го июня, числом 23, тогда как лед во многих местах уже был изрезан щелями и сообщение делалось крайне опасным. Назначенные для Пшеницына на Фаддеевский остров олени по причине позднего времени не были приведены, почему предвиделись для него величайшие недостатки и затруднения провести лето в таком беспомощном состоянии.

Олени, невзирая на то, что от трудного и дальнего пути к Котельному острову были весьма изнурены, скоро поправились, так что 25-го июня могли отправиться в путь. Следуя на оленях, не могли всегда держаться берега, где редко бывают довольно хорошие для оленей кормовища; зная также западную и восточную стороны острова на дальнейшее расстояние, приняли намерение пройти внутрь земли как можно далее и тогда оборотиться к берегу и придерживаться его сколь возможно ближе, пока опять дойдут до известных уже мест.

Таким образом пустились вверх по Царевой реке, с которой своротили вправо, на восточную сторону острова, к Санниковой реке, от которой все, уже держась берега, обошли весь остров вокруг. Этот путь совершили в 54 дня, и возвратились в зимовье 17-го августа. На пути питались более дикими гусями и оленями; первых стреляли из ружей, а оленей убивал юкагирский князек посредством приученного к такому промыслу домашнего оленя, который неприметным образом приближался к табуну диких оленей и закрывал собой своего хозяина.

В этом путешествии встретились следующие замечания достойные предметы:

«1-е. В значительном расстоянии от берега на возвышенных местах лошадиные, буйволочные, бычачьи и овечьи головы и кости в великом множестве, ведущие к заключению, что эти животные водились здесь в древние времена целыми стадами. Но чем могли они питаться в такой бесплодной и суровой стране? Иначе пояснить невозможно, как предположив, что тогда климат был здесь гораздо умереннее и эти стада рогатого скота, вероятно, были современники мамонтам, кости которых во множестве там находятся, и тогда же произрастал и лес, окаменелые остатки которого встречаются целыми слоями в Новой Сибири.

2-е. Многие признаки юкагирских жилищ. В Усть-Янске и на Индигирке есть предание, что лет за 150 множество юкагиров удалились на острова, избегая от свирепствовавшей тогда оспы; вероятно, что этот народ перешел потом на другие острова или земли Ледовитого моря.

3-е. Из окаменелостей, кроме окаменелого и смолистого дерева, найдено в Санниковой речке на восточной стороне острова множество аммонитов в больших шарах затверделого ила. На западной стороне острова находимы были на берегу китовые кости, и они доказывают, что от Котельного острова к северу простирается беспрепятственно обширный океан, не покрывающийся льдом, подобно Ледовитому морю при материке Сибири, где никогда китов и костей их не видывано⁸⁶.

4-е. Из описания путешествия Санникова в 1810 году по западной стороне Котельного острова известно, что Санников тогда нашел на самом берегу старое русское зимовье и могилу с крестом и пр. Ныне Санников и Решетников, прибыв на то место, решились открыть могилу; они нашли в ней деревянный сруб, а в нем нижние челюсти человека и следующие вещи: 17 железных стрел, топор, колыб для литья пуль, пилу, две уды, огниво, кремь обитый, костяной гребень и истлевшие песцовые, оленьи и овчинные лоскутья, и юфтевые переды чарков (сибирских котов). Неподалеку от могилы нашли желтой меди кастрюлю, топор и перерубленные лыжи. Могила была вытаяна огнем, что доказывали найденные в ней обгорелые головни и опаленная дресва. Откуда человек русский зашел на этот остров? Кто его похоронил по обрядам русским и азиатским? Когда он здесь был и куда девались его товарищи? Вот вопросы, на которые ответить невозможно.

⁸⁶ Из описания путешествий XVIII столетия видно, что тогда киты нередко попадались в этом море.

5-е. Близ устья Царевой реки нашли также ветхое судовое дно. Доски были из соснового, а коры – из кедрового леса. Конопать была засмоленные мочала».

4-го октября Санников отправился для обозрения низменного песчаного места, простирающегося вдоль восточной стороны острова, и для проезда оттуда на Фаддеевский остров, для наведения, как о том приказано ему было от Геденштрома, о геодезисте Пшеницыне.

Геодезист Пшеницын в исходе апреля выехал из русского Усть-Янского селения с сотником Татариновым на Фаддеевский остров, полагая провести на нем лето. Он расположился в зимовье в ожидании оленей, которых должен был туда привести князек юкагирский, но как князек не прибыл, то старался Пшеницын пешком, сколько возможно, следовать берегом.

Перенеся величайшие трудности, он не мог пройти и 50-ти верст; возвратился в зимовье и ожидал осени, чтобы выехать на матерую землю или на Котельный остров. К несчастью, не было в то лето мышей на острове (мыши островные часто кочуют с острова на остров и даже на матерую землю), и собаки совершенно изнурились, потому что вся надежда их прокормления полагалась на мышей, которых они летом сами ловят. Завезенный корм хранился только на обратный путь.

6-го октября прибыл Санников на Фаддеевский остров и застал геодезиста Пшеницына с товарищами в самой крайности. Большая половина собак у них перемерла, а остальные по недостатку в корме столь были худы, что никак ехать было невозможно, а также и в съестных припасах терпели они крайний недостаток.

10-го октября все с Санниковым и Решетниковым отправились с Фаддеевского и 13-го прибыли на Котельный остров, где геодезист Пшеницын из записок Санникова и словесных рассказов составил журнал и сочинил Котельному острову карту.

27-го октября отправились с Котельного острова в путь. На море подвержены были по причине тонкого льда и многих полыней великой опасности, но опытностью Санникова благополучно всего избавились.

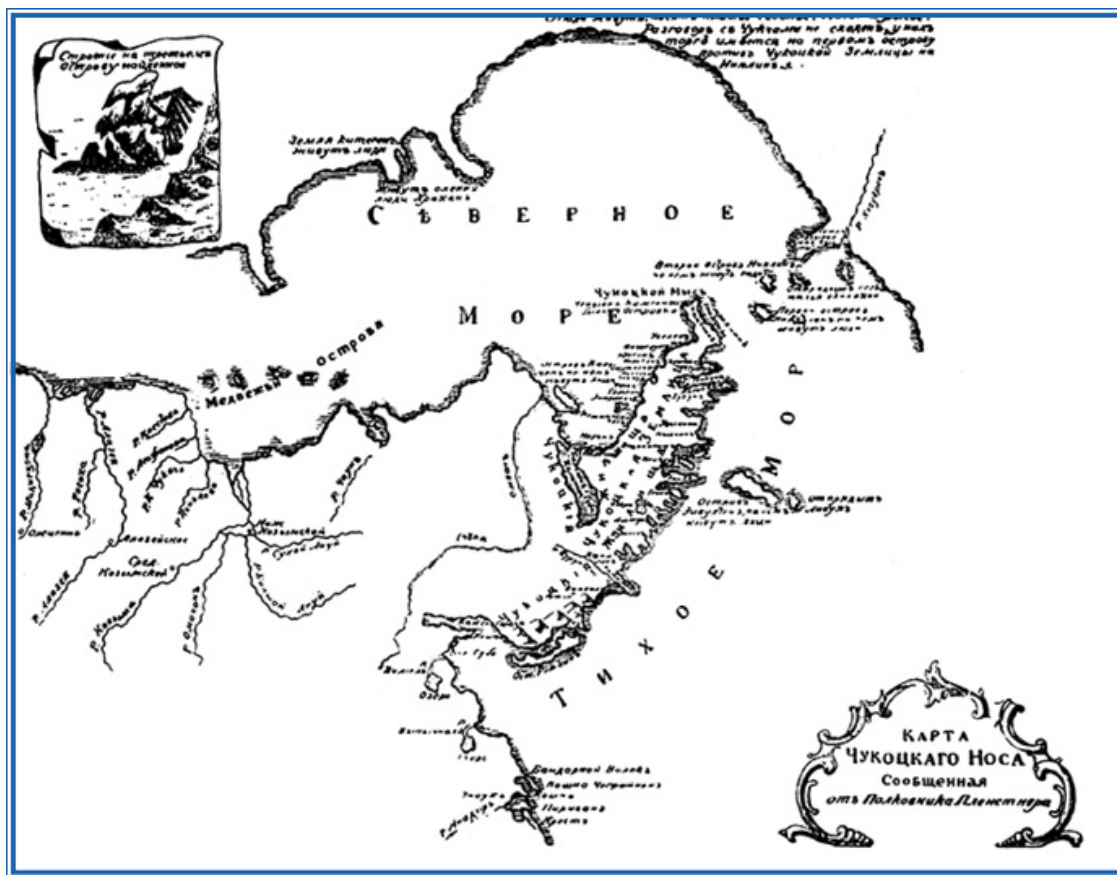
12 ноября с оленями прибыли благополучно в Усть-Янск. Отсюда Санников и Решетников 27-го числа выехали в Иркутск, куда прибыли 15-го января 1812 года.

Пшеницын оставался для распродажи вещей, припасов, оленей экспедиции и удовлетворения жителей за корм, наряды и прочее. Окончив все, возвратился он в Иркутск в сентябре 1812 года.

Тем кончилась экспедиция Геденштрома, столь занимательная по многим отношениям. Особенно любопытны замечания этого достойного исполнителя опасного и трудного поручения о предметах естествознания льдистой страны, так что не излишним считаю выписать их вкратце из его журнала:

«По всему берегу Ледовитого моря лес не растет. Он оканчивается постепенно; близ пределов своих покрыт мхом, низок и искривлен. На некоторое пространство от конца лесов растет еще низкий тальник и ерник (*betula nana*), которые с приближением к морю становятся приметно реже и ниже и наконец вовсе теряются. Из дерева одна лиственница растет в крайних к северу лесах.

Все пространство от лесов до берега Ледовитого моря состоит из тундры, т. е. покрыто мхом, крайне болотисто и усеяно озерами. В редких местах произрастает трава. Берег Ледовитого моря во многих местах весьма низок, почти равен с морем, так что зимой трудно было бы его отличать без наносного леса. Все доказывает, что этот увал в древние годы был берегом и что Ледовитое море удаляется от берегов Сибири. От низменных берегов простираются в море на дальнейшее расстояние мели, которые зимой, а часто и во весь год, покрыты густым и высоким торосом.

Карта полковника Пленисиера с нанесением
«Большой земли, на которой живут люди хрохай»,
якобы виденной сержантом Андреевым.
*Из «Месяцеслова исторического
и географического». 1780 г.*

Многие яры на берегах Ледовитого моря, рек и озер удивления достойны тем, что состоят из правильных слоев льда и земли. В некоторых видны ледяные жилы, перерезывающие земляные слои».

На Ледовитом море в ясный весенний день, особенно в апреле месяце, видимы отдаленнейшие предметы. От устьев Индигирки часто видят Деревянные горы⁸⁷ на Новой Сибири. Расстояние их от Индигирки не менее 312-ти верст. Быковский мыс на правом устье Лены имеет низменный берег, но также часто ясно виден бывает с мыса Борхая, влево от Яны, на расстоянии 115-ти верст⁸⁸.

О северных островах Геденштром замечает, что берега их большей частью состоят из синеватой глины. Из произрастаний находится мох, и в редких местах низкая трава из рода солянок. Напротив, повсюду довольно так называемой куропаточьей травы: растение это низкое, стелящееся, гнездообразное; им питаются белые куропатки. Наносного с моря леса довольно на берегах, кроме северных берегов Фаддеевского острова и Новой Сибири.

⁸⁷ Вышина их, по измерениям лейтенанта Анжу, около 20 сажен.

⁸⁸ В журнале Геденштрёма сказано 300 верст, но несправедливо.

Четвероногие: олени, выше станом оленей материка Сибири; песцы, белые и голубые; белые медведи; мыши, бурые с желтыми струйками, изредка белые; также замечены следы росوماхи. Все эти звери туземные, вероятно, кроме росوماхи. Птицы: белые куропатки; белые филины, какие бывают в Лапландии и по всему северу; турпаны, гагары и род черных гусей, величиной менее казарки, у которых крылья черные, хвост и спина бурые, брюхо и зоб светло-бурые. Жители приморские называют их немками. Мясо их весьма вкусно и жирно. Рыбы: на Котельном острове, в Царевой реке, ловится красная рыба зубатка, а на Новой Сибири довольно рогатки. Она величиной до четырех вершков, походит на налима видом и вкусом, только брюхастее, и хвост у нее тонее; на голове четыре твердые конической фигуры возвышенности, от которых рыба эта и имя свое получила.

Из ископаемых находится на Новой Сибири смолистое дерево; тут же поблизости есть превосходной доброты точильный камень. Упомянутые выше Деревянные горы названы этим именем оттого, что образуют утесы, состоящие из горизонтальных, равной толщины слоев песчаника и смолистого дерева в виде бревен. В утесах бревна эти имеют горизонтальное положение, а на самой вершине горы стоят вертикально одно возле другого. Вышина концов на поверхности земли от двух до четырех вершков. Вид их весьма походит на заваленную плотину, из которой выказываются одни концы. По всей поверхности горы разбросаны довольно большие куски каменного угля. Вид этого угля чрезвычайно обманчив, потому что он совершенно походит на потухший только что уголь, подернутый в некоторых местах пеплом. Геденштром не мог узнать, из чего состоит нежная, беловатая плева его, крепко, впрочем, соединенная с углем⁸⁹.

На Котельном острове попадаются аммониты. На всех островах находят изредка темно-красные сердолики. Мамонтовые клыки, или, как некоторые называют, рога мамонта, не попадались тяжелее шести пудов, а напротив, на матером берегу, в некоторой отдаленности от моря, находили рога в 12 пудов. Взамен того островная кость свежее и белее. На первом Ляховском острове примечательно, что если отмель на западной стороне острова от продолжительных ветров обнажается, то находят на ней множество вновь нанесенных из моря рогов.

Астрономические наблюдения Геденштрома для определения географического положения мест не заслуживают большого внимания. Широта Святого Носа, полагаемая им 71°50', разнится ровно одним градусом недостаточно с определением лейтенанта Лаптева и около 1°5', также недостаточно, против вернейшей обсервации лейтенанта Анжу. В других местах берег более полуградуса положен южнее новейших определений. Северные острова слишком по долготе растянуты; от самого западного мыса Котельного острова до самого восточного Новой Сибири по карте Геденштрома 285 миль расстояния, но лейтенантом Анжу найдено оно не более 25-ти миль итальянских. Подобные неверности делают опись Геденштрома ненадежной.

Читатель легко усмотрит из предшествовавшего, что хотя северные берега Сибири и прилежащие к ним острова были неоднократно осмотрены и частью описаны, однако, за исключением капитанов Кука и Биллингса, ни одна географическая экспедиция, занимавшаяся в этой части света, не могла соответствовать требованиям географов и мореходцев, и морские карты берега разнились в широте некоторых пунктов на 1 ½°. Так, например, на генеральной меркаторской карте, изданной капитаном Сарычевым при путешествии экспедиции капитана Биллингса, положены Святой Нос 70°53', а северный пункт берега между

⁸⁹ Лейтенант Анжу говорит о Деревянных горах следующее: «Они суть не что иное, как отвесный, до 20 сажен, земляной яр, образующий морской берег, на расстоянии около пяти верст; в этом яре лежат почти горизонтально бревна кучами, местами по 50 вместе, выходящие концами своими наружу. Самое толстое, мною виденное, имело в диаметре полторы четверти; составом хрупки, полутверды, черного, слабо-лоснящегося цвета; горят на углях трудно и издают смолистый запах».

Алазеей и Колымой 70°07', у Геденштрома первый 71°50', второй 70°27', а на оригинальной карте Дмитрия Лаптева первый 72°50', а второй 71°05'.

Сверх того, от Шелагского мыса до мыса Северного оставался берег вовсе еще неосмотренным, а известия о плавании казака Дежнёва из Колымы в Берингов пролив были столь неопределенны, что Бурней находил в них доказательства в подтверждение гипотезы своей о соединении Америки с Азией перешейком близ Шелагского мыса⁹⁰.

Наконец, неопровергнутые предания, возобновленные в позднейшее время мещанином Санниковым, о существовании земель на север от Котельного острова, и Новой Сибири и против реки Колымы делали географию этой части земли еще более неизвестной, в то время, когда северные берега нового материка приводились в точнейшие пределы трудами Росса, Парри и Франклина.

Таковы были причины, побудившие императора Александра I повелеть отправить к устьям реки Яны и Колымы двух морских офицеров с помощниками, снабдив их нужными инструментами и доставив все возможные способы к открытию предполагаемых в Ледовитом море земель и точнейшему описанию берегов Сибири между означенными реками и за Шелагский мыс. Морское начальство назначило два отряда, в каждом морского лейтенанта, двух помощников, врача, сведущего по части естествознания, и двух человек нижних чинов, знающих слесарное и плотничное ремесла. Один отряд, под начальством лейтенанта Анжу, должен был отправиться на реку Яну; другой, назначенный действовать с реки Колымы, поручен мне, и по собственному моему желанию определены к сему отряду:

мичман Матюшкин
штурман Козьмин,
доктор медицины Кибер,
слесарь Иванинков,
матрос Нехорошков.

Из числа инструментов для астрономических и физических наблюдений находилось при этом отряде:

Секстантов – 3
Артифициальных горизонтов со ртутью – 3
Карманный секстант – 1
Азимут-компас – 1
Ручных пель-компасов – 3
Термометров:
ртутных – 3
спиртовых – 4
Барометров походных – 2
Инclinатор – 1
Искусственных магнитов – 2.

Государственный Адмиралтейский департамент в составленной для руководства инструкции изложил средства и цель отряда следующими словами:

«Из журналов прежних плавателей по Ледовитому морю видно, что в летнее время, за множеством носимого по оному морю льда, невозможно производить описи на мореходном судне. А как сержант Андреев в 1763 году и титулярный советник Геденштром и геодезист Пшеницын в 1809, 1810 и 1811 годах в весеннее время с удобностью по льду на собаках объезжали и описывали первые Медвежьи острова, а двое последних – Ляховские острова и Новую Сибирь, то и ныне полагается таковыми же способами исполнить высочайшую волю Его Императорского Величества, и первый отряд отправляемой экспедиции назначается для

⁹⁰ См. Burney's Chronological History.

описи берегов от устья реки Колымы к востоку до Шелагского мыса и от одного на север, к открытию обитаемой земли, находящейся, по сказанию чукчей, в недалеком расстоянии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.